СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ПРОЙДОХА КУГЕЛЬ

ДЖЕК ВЭНС

Сказания умирающей Земли. Том II

Джек Вэнс

Аннотация
Сказания умирающей Земли. Том II. Джек Вэнс
Пройдоха Кугель
- Высший Свет
- Силь
- Горы Магнатца
- Чародей Фарезм
- Пилигримы
  - 1. В гостинице
  - 2. На плоту по реке
  - 3. Эрзе-Дамат
  - 4. Серебряная пустыня и Сонганское море
- Пещера в лесу
- Усадьба Юкоуну

Аннотация

«Пройдоха Кугель» – приключенческая новелла об обманщике и воре Кугеле, весьма сомнительном герое своего упадочного, погибающего мира. Пойманный с поличным волшебником, усадьбу которого он грабил, Кугель вынужден добыть для хозяина усадьбы кое-какие редкости, чтобы искупить свою вину.

Сказания умирающей Земли
Том II
Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет
Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019
© Александр Фет, перевод, 2019
© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-0964-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пройдоха Кугель

Высший Свет

Высоко над рекой Кззан — там, где раньше ютились какие-то древние руины — Юкоуну, по прозвищу Смешливый Волшебник, построил усадьбу по своему вкусу: эксцентричное сооружение с остроконечными коньками крыш, балконами, куполами и подвесными мостками, увенчанное тремя спиральными башнями из зеленого стекла, заставлявшими красные солнечные лучи вспыхивать преломленными отблесками причудливых оттенков.

За усадьбой и по всей долине, насколько мог видеть глаз, простирались волнистой грядой, подобно песчаным дюнам, пологие холмы. Солнце отбрасывало между ними ползущие черные тени-полумесяцы; в остальном эти пустынные, безлюдные возвышенности ничем не были примечательны. Кззан, берущий начало в Старом лесу к востоку от Альмерии, струился под усадьбой на запад и впадал в Скаум в пятнадцати километрах ниже по течению. В месте слияния двух рек с незапамятных времен находился поселок Азеномей, известный главным образом благодаря ярмарке, привлекавшей народ со всех

окрестностей. На ярмарочном выгоне в Азеномее Кугель устроил ларек, чтобы торговать талисманами.

Человек, одаренный множеством талантов, Кугель легко приспосабливался к обстоятельствам, но в то же время проявлял настойчивую целеустремленность. У него были длинные ноги, ловкие руки, проворные пальцы и любезная манера изъясняться. Волосы Кугеля, чернее черного меха, спускались клинышком почти к середине лба, но тут же отступали крутыми дугами над бровями. Подвижные глаза, длинный пытливый нос и шутовской рот придавали его тощей, даже костлявой физиономии выражение оживленного, отзывчивого дружелюбия. Кугель познал немало превратностей судьбы, научивших его уступчивой осторожности, осмотрительному благоразумию и умению действовать как с напускной дерзостью, так и втихомолку. Получив в свое распоряжение старинный свинцовый гроб и вытряхнув его содержимое, Кугель изготовил из гроба множество ромбовидных пластинок. Выдавив на них надлежащие печати и руны, он предлагал их в продажу на азеномейской ярмарке.

К вящему сожалению Кугеля, не далее чем

в двадцати шагах от его ларька некий Фианосфер открыл лавку покрупнее, предлагая более разнообразные и очевидно более эффективные амулеты, так что почти каждый раз, когда Кугель задерживал прохожего, чтобы разъяснить преимущества своих товаров, тот показывал ему талисман, уже приобретенный у Фианосфера, и шел своей дорогой.

За три ярмарочных дня Кугелю удалось продать только четыре свинцовые пластинки по цене, едва превышавшей стоимость металла как такового, тогда как Фианосфер не успевал обслуживать всех своих клиентов. Охрипнув от тщетных попыток привлечь внимание покупателей, Кугель закрыл ларек и направился к предприятию конкурента, чтобы изучить устройство лавки и проверить надежность ее дверных засовов.

Заметив приближение Кугеля, Фианосфер пригласил его внутрь: «Заходите, друг мой, заходите! Как продвигается торговля?»

«Откровенно говоря, так себе, — признался Кугель. — Я в замешательстве и разочарован, так как мои талисманы не очевидно бесполезны».

«Могу назвать причину вашего разочарования, — заявил Фианосфер. — Вы торгуете там, где раньше стояла виселица — в месте, насыщенном

эманациями невезения. Но вас, кажется, интересует, каким образом соединены брусья в стенах моего заведения? Вы могли бы рассмотреть их поближе, если зайдете за прилавок, но сначала придется укоротить цепь, на которой сидит эрб, мой ночной сторож».

«Не беспокойтесь по этому поводу, — отозвался Кугель. — Мое любопытство носило исключительно праздный характер».

«По вопросу о постигшем вас разочаровании, — продолжал Фианосфер, — должен заметить, что полоса невезения может скоро закончиться. Взгляните на пустые полки. Как видите, запасы моих товаров почти исчерпаны».

Кугель признал справедливость наблюдения конкурента: «И каким образом это касается меня?»

Фианосфер указал на человека в черном костюме, ожидавшего напротив входа в лавку — низенького, желтокожего, лысого, как биллиардный шар. Глаза его напоминали сучки струганной доски, а широкий рот кривился хронической издевательской усмешкой. «Извольте заметить, там стоит Юкоуну, Смешливый Волшебник! — сказал Фианосфер. — Через некоторое время он ко мне зайдет и попытается купить некий красный либ-

рам, содержащий дневники Дибаркаса Мэйора, ученика великого Фандаала. Моя цена покажется ему слишком высокой, но Юкоуну, будучи человеком терпеливым, станет торговаться не менее трех часов. Все это время его усадьба будет пустовать. В ней хранится огромная коллекция тавматургических артефактов, инструментов и активантов, а также всевозможные редкости, талисманы, амулеты и либрамы. Я охотно приобрел бы такие ценности. Надеюсь, дальнейшие пояснения не требуются?»

«Все это прекрасно и замечательно, — пожал плечами Кугель. — Неужели, однако, Юкоуну оставит усадьбу без охраны или смотрителя?»

Фианосфер развел руками: «Почему нет? Кто осмелится красть у Смешливого Волшебника?»

«Именно это соображение побуждает меня к сдержанности, — кивнул Кугель. — Я человек находчивый, но не безрассудно опрометчивый».

«Подумайте, однако, о возможности обогащения, — возразил Фианосфер. — Драгоценности и музейные редкости — сокровища, которым нет цены! — приворотные зелья, целебные мази, эликсиры! Имейте в виду: я ни к чему вас не подговариваю и ничего не рекомендую. Если вас поймают, мое соучастие заключалось только

в том, что я выразил восхищение несметным состоянием Смешливого Волшебника. Но вот он уже идет. Скорее повернитесь спиной, чтобы он не видел ваше лицо! Юкоуну проведет здесь не меньше трех часов, я гарантирую!»

Юкоуну зашел в лавку, а Кугель нагнулся, чтобы рассмотреть бутыль с маринованным гомункулом.

«Приветствую тебя, Юкоуну! — воскликнул Фианосфер. — Что тебя задерживало? Мне пришлось отвергнуть самые щедрые предложения желающих приобрести знаменитый красный либрам — и только потому, что я берегу его для тебя! Кроме того — обрати внимание на этот ларец! Его нашли в тайнике неподалеку от древнего Каркода. Он все еще запечатан: никто не знает, какие чудеса в нем скрываются. И я прошу за него всего лишь двенадцать тысяч терциев».

«Любопытно! — пробормотал Юкоуну. — Надпись… позволь взглянуть. Хм… да, это не подделка. Ларец содержит окаменевшую рыбью кость — в толченом виде ее применяли в качестве слабительного по всему Великому Мофоламу. Хорошо сохранившийся экземпляр. Ему красная цена — десять или двенадцать терциев. У меня есть ларцы древнее на тысячи лет, восхо-

дящие к эпохе Пылкого Тления…»

Кугель вернулся к двери двумя размашистыми шагами, вышел на улицу и принялся расхаживать взад и вперед, обдумывая проект Фианосфера во всех деталях. При поверхностном рассмотрении предложение антиквара казалось разумным: Юкоуну находился в лавке, а в окрестностях Азеномея находилась его усадьба, полная несметных сокровищ. Несомненно, простая разведка не повлекла бы за собой никаких нежелательных последствий. Кугель направился на восток по берегу Кззана.

Витые башенки зеленого стекла возвышались на фоне темно-синего неба, узорчато переплетая багряные солнечные лучи. Кугель остановился, внимательно обозревая окрестности. Мимо бесшумно струились воды Кззана. Неподалеку, полуприкрытая черными тополями, бледно-зелеными лиственницами и тенистыми плакучими ивами, притаилась деревенька — дюжина каменных хижин, населенных речными перевозчиками и огородниками, возделывавшими прибрежные террасы: людьми, полностью погруженными в повседневные заботы.

Кугель изучил подходы к усадьбе: к ней поднималась извилистая дорожка, выложенная

темно-коричневой плиткой. В конце концов Кугель решил, что, если он приблизится к жилищу волшебника, не скрываясь, в случае чего ему проще будет как-нибудь объяснить свое появление. Он начал подниматься по склону холма — стены усадьбы Юкоуну вздымались у него над головой. Достигнув площадки перед крыльцом, Кугель снова задержался, чтобы посмотреть по сторонам. За рекой холмы удалялись бесконечной чередой, постепенно сливаясь с дымкой горизонта.

Кугель решительно подошел ко входной двери и постучался — никто не ответил. Кугель задумался. Если Юкоуну, подобно Фианосферу, пользовался услугами сторожевой твари, будучи надлежащим образом спровоцирована, та должна была издавать какие-то звуки. Кугель принялся рычать, мяукать и тявкать, подражая разнообразным животным.

Ничто не нарушало тишину внутри усадьбы.

Кугель осторожно подошел к окну и заглянул в просторный вестибюль, задрапированный бледно-серым полотном. В вестибюле не было ничего, кроме высокого табурета, на котором, под колоколообразным стеклянным колпаком, лежала дохлая крыса. Кугель стал обходить усадьбу,

изучая каждое попадавшееся по пути окно и, наконец, подступил к стене огромного внутреннего двора древнего за́мка, служившего задним двором усадьбы. Ловко взобравшись по неровной каменной кладке, Кугель перепрыгнул через один из затейливых парапетов Юкоуну и таким образом немедленно получил доступ ко внутренним помещениям усадьбы.

Сперва он оказался в спальне волшебника. Кровать с балдахином, стоявшую на небольшом возвышении, поддерживали шесть горгулий — все они повернули головы, уставившись на непрошеного гостя. Крадучись, Кугель углубился двумя длинными шагами в арочный проход, ведущий в соседнюю комнату, где стены были зелеными, а мебель — черной, с розовой инкрустацией. Отсюда Кугель вышел на балкон, окружавший центральный зал усадьбы, озаренный лучами, проникавшими через многогранные ниши, устроенные высоко под потолком. Под балконом теснились сундуки, ларцы, стеллажи и этажерки, заполненные всевозможными экспонатами из чудесной коллекции Юкоуну.

Кугель застыл, как настороженная птица — но глубокая тишина, тишина одиночества, успокоила его. Тем не менее, проникнув во вла-

дения Смешливого Волшебника, он преступил границы дозволенного; надлежало соблюдать исключительную осторожность.

Спустившись в большой зал по ступеням спиральной лестницы, Кугель не мог не развести руками, охваченный искренним почтением к собранию редкостей, накопленному хозяином усадьбы. Но Юкоуну мог вернуться с минуты на минуту — с ограблением нужно было спешить. Кугель вытащил из-за пазухи мешок и поспешно прошелся по хранилищу, тщательно выбирая небольшие, не слишком массивные, но дорогостоящие предметы: горшочек с оленьими рожками, испускавшими облачка удивительных испарений, когда их слегка поворачивали; раковину из слоновой кости, позволявшую слышать голоса из далекого прошлого; маленький макет театральной сцены, на которой стояли костюмированные чертенята, готовые исполнять комические трюки; изделие, напоминавшее гроздь хрустальных виноградин — в каждом прозрачном шарике можно было разглядеть слегка помутневший ландшафт того или иного демонического мира; полированную палочку, взмахом создававшую ассорти сладостей с разнообразными начинками; древнее кольцо, гравированное

рунами; черный камень, окруженный неощутимым сиянием девяти цветов. Кугель прошел мимо сотен горшков и кувшинов с порошками и жидкостями; сходным образом он игнорировал сосуды, содержавшие консервированные головы. Теперь он приблизился к полкам, уставленным томами, папками и либрамами; эти он выбирал с особым любопытством, отдавая предпочтение сборникам, переплетенным в пурпурный бархат — материал, характерный для библиотеки Фандаала. Он не обошел вниманием и папки с древними географическими картами — от залежавшейся кожи переплетов исходил затхлый запашок.

Возвращаясь по кругу туда, откуда он начал обход, Кугель заметил открытый сундук — в нем лежали десятка два небольших металлических ларцов, перевязанных прохудившимися от времени лентами; ларцы эти оказались неожиданно тяжелыми. Рядом находились несколько массивных механизмов, назначение которых Кугель хотел бы узнать — но время шло, ему пора было возвращаться в Азеномей, в лавку Фианосфера…

Кугель нахмурился. Такая перспектива представлялась ему нецелесообразной во многих отношениях. Фианосфер вряд ли согласился бы

заплатить сполна за предложенные редкости, законный владелец каковых был ему хорошо знаком. Лучше было бы спрятать хотя бы какую-то часть награбленного в труднодоступном месте… Кугель заметил альков, на который он раньше не обратил внимания. По поверхности хрустальной панели, отделявшей альков от хранилища, струился, подобно водяной завесе, дрожащий мягкий свет. В глубине алькова, в нише, виднелся очаровательный предмет сложной конструкции. Насколько мог судить Кугель, это было нечто вроде миниатюрной карусели — на ней кружилась дюжина красивых, мастерски изготовленных кукол, казавшихся живыми. Несомненно, за это изделие можно было получить большие деньги; Кугель задержался, пытаясь найти проход к карусели.

Он обнаружил вход за светящейся панелью, но уже на следующем шагу ему преградила путь еще одна такая же панель — пришлось повернуть. Теперь Кугель уверенно направился прямо к магической маленькой карусели, но натолкнулся лбом на очередную, не замеченную раньше прозрачную преграду. Кугель решил вернуться и не сомневался, что направляется туда, откуда проник в альков. Повернув пару раз под прямым

углом, он натолкнулся, однако, на очередную прозрачную пластину. Кугель оставил попытки добыть карусель — нужно было как можно скорее убраться подобру-поздорову из усадьбы волшебника. Озираясь, он ощутил некоторое замешательство. Откуда он пришел туда, где очутился — слева или справа?

Кугель все еще искал выход из прозрачного лабиринта, когда Юкоуну вернулся домой.

Остановившись у алькова, лысый волшебник смерил Кугеля насмешливо-удивленным взглядом: «Что тут происходит? Посетитель? Подумать только, я заставил вас ждать! Тем не менее, как я вижу, вы сами нашли себе развлечение, и мне не следует слишком огорчаться по этому поводу». Юкоуну не удержался от смеха. Теперь он притворился, что только что заметил мешок за плечом у Кугеля: «А это у нас что такое? Вы принесли какие-то экспонаты ко мне на экспертизу? Превосходно! Никогда не прочь пополнить свою коллекцию — проходят годы, и время от времени в ней образуются пустоты. Вы не поверите! Какие только мошенники не пытались меня ограбить! Взять, например, этого торговца рухлядью в ярмарочной лавке — сколько раз он прилагал лихорадочные усилия, чтобы меня

надуть, причем самыми невообразимыми способами! Я его терплю только потому, что до сих пор он не набрался наглости вломиться ко мне в усадьбу. Но выходите же! Выходите из алькова, и мы посмотрим, что́ вы принесли».

Кугель вежливо поклонился: «С удовольствием. Как вы правильно заметили, я ожидал вашего возвращения. Насколько я понимаю, отсюда можно выйти по этому проходу…» Кугель сделал шаг вперед. но снова наткнулся на преграду и, скрывая раздражение, шутливо пожал плечами: «Кажется, я куда-то не туда повернул».

«Похоже на то, — заметил Юкоуну. — Взглянув наверх, вы заметите на потолке декоративный барельеф. Следуя маршруту, вырезанному лунками, вы сможете выйти из алькова».

«Разумеется!» — Кугель поспешил сделать несколько поворотов, сверяясь с планом на потолке.

«Один момент! — воскликнул Юкоуну. — Вы забыли свой мешок!»

Кугель неохотно вернулся к мешку, подобрал его и через некоторое время сумел выбраться из хрустального лабиринта.

Юкоуну пригласил его любезным жестом: «Будьте добры, пройдите со мной в соседнее по-

мещение, и я буду рад оценить ваши товары».

Кугель инстинктивно взглянул в сторону коридора, ведущего к главному входу: «Не хотел бы злоупотреблять вашим терпением. Мои дешевые побрякушки не заслуживают внимания такого знатока, как вы. С вашего разрешения, я вернусь на ярмарку».

«Нет-нет, ни в коем случае! — сердечно возразил Юкоуну. — У меня редко бывают гости, причем по большей части меня навещают мошенники и воры. С ними я поступаю по всей строгости, уверяю вас! Вы должны что-нибудь выпить и закусить, я настаиваю! Положите мешок на пол».

Кугель осторожно опустил мешок: «Морская ведьма из Белоальстера научила меня кое-каким трюкам. Может быть, они вас заинтересуют. Я мог бы их продемонстрировать, но для этого понадобятся несколько мер крепкой веревки».

«Чрезвычайно любопытно!» Юкоуну протянул руку: панель в обшивке стены отодвинулась, и у волшебника в руке оказался моток веревки. Потирая подбородок ладонью, чтобы скрыть улыбку, Юкоуну передал веревку Кугелю — тот бережно размотал ее.

«Потребуется ваше сотрудничество, — сказал

Кугель. — Достаточно всего лишь протянуть ко мне одну руку и одну ногу».

«Да-да, конечно!» — Юкоуну протянул руку, указав пальцем на веревку. Веревка стремительно обвилась вокруг предплечий и лодыжек Кугеля и туго стянула их — теперь он не мог пошевелиться. Юкоуну ухмыльнулся так широко, что его пухлая круглая голова словно распахнулась надвое: «Удивительное дело! Вместо обычной веревки мне попалась Вороловка! Вам будет удобнее, если вы не будете напрягаться — Вороловка сплетена из осиных ног. А теперь посмотрим, что́ у вас в мешке…» Юкоуну заглянул в мешок Кугеля и сокрушенно охнул: «Вот как! Вы разграбили мою коллекцию! Я замечаю несколько драгоценных, уникальных экспонатов!»

Кугель поморщился: «Само собой. Но я не вор. Фианосфер послал меня сюда, чтобы я принес ему несколько вещей, в связи с чем…»

Юкоуну прервал его, подняв руку: «Вы не отделаетесь легкомысленными оправданиями — ваше преступление слишком серьезно. Я уже упоминал о моем отвращении к мошенникам и грабителям, и теперь подвергну вас справедливому и безжалостному наказанию — если, конечно, вы не предложите достаточное возме-

щение».

«Не сомневаюсь, что в какой-то форме такое возмещение существует, — заявил Кугель. — Эта веревка, однако, раздражает кожу настолько, что мне трудно сосредоточиться».

«Неважно. Я решил применить заклинание безысходной инкапсуляции, размещающее наказуемого в тесном пространстве на глубине семидесяти километров под поверхностью Земли».

Кугель испуганно моргнул: «В таких условиях какое-либо возмещение вряд ли вероятно».

«Верно, — размышлял вслух Юкоуну. — Возможно, вы так-таки могли бы оказать мне небольшую услугу...»

«Считайте, что ваш враг уже мертв! — воскликнул Кугель. — А теперь снимите с меня эти отвратительные путы!»

«Я не обязательно имел в виду убийство, — отозвался Юкоуну. — Следуйте за мной».

Витки веревки слегка ослабли, что позволило Кугелю прошаркать маленькими шажками вслед за волшебником в соседнюю комнату, украшенную роскошно расшитыми коврами. Юкоуну вынул из шкафчика небольшой футляр и положил его на плавающий в воздухе стеклянный

диск. Открыв футляр, он жестом подозвал Кугеля поближе — тот увидел в футляре два углубления, выложенных алым мехом; в одном из углублений покоилось маленькое полированное стеклянное полушарие с фиолетовым отливом; другое углубление пустовало.

«Будучи человеком опытным и осведомленным, — заметил Смешливый Волшебник, — вы, несомненно, знаете, что это такое. Нет? Но вы, конечно же, знакомы с историей Кутцевских войн восемнадцатого эона? Тоже нет?» Юкоуну пожал плечами, изображая недоумение: «В ходе этих кровопролитных событий демон по имени Унда-Храда — он зарегистрирован под номером 16—04 в списке зеленых демонов „Альманаха Трумпа“ — пытался оказать содействие своим владыкам, с каковой целью выдвинул некие конечности из преисподнего мира Ла-Эр. Для того, чтобы эти конечности могли воспринимать окружающую чуждую среду, они были оснащены линзами, сходными с той, которую вы видите в этом футляре. Потерпев неудачу, однако, демон поспешно втянул щупальца обратно в преисподнюю. При этом полушария, надетые на концы щупалец, соскользнули и остались в Кутце, разбросанные по всей его территории. Как видите,

одна из этих линз находится в моем распоряжении. Вы должны найти парную линзу и принести ее мне. В таком случае в дальнейшем я соглашусь смотреть сквозь пальцы на ваше прегрешение».

Кугель задумался: «Таким образом, я должен либо спуститься в демонический мир Ла-Эр, либо подвергнуться безысходной инкапсуляции. Вы считаете, что у меня есть выбор? Боюсь, мне трудно принять какое-либо решение».

Смех снова расколол надвое лысый желтый шар головы Юкоуну: «Вероятно, в посещении Ла-Эра не будет необходимости. Вы можете найти линзу в стране, некогда именовавшейся Кутцем».

«Что ж, долг платежом красен, — прорычал Кугель, донельзя раздраженный результатами своей авантюры. — Кто охраняет это фиолетовое полушарие? Какова его функция? Как я попаду в Кутц и как я оттуда вернусь? Каким оружием, какими талисманами и прочими магическими инструментами вы намерены меня экипировать?»

«Всему свое время, — возразил Юкоуну. — Прежде всего я должен убедиться в том, что, оказавшись на свободе, вы будете неукоснительно и прилежно стремиться к достижению поставленной цели, не помышляя об уклонении

от своих обязанностей».

«Не беспокойтесь! — заявил Кугель. — Я всегда сдерживаю обещания».

«Превосходно! — воскликнул Юкоуну. — Ваше заверение — важнейший залог успеха, в связи с чем я отношусь к нему со всей возможной серьезностью. Не сомневаюсь, что дополнительные меры по обеспечению выполнения нашего договора излишни, но их все-таки придется принять».

Волшебник вышел из комнаты и вскоре вернулся с закупоренной стеклянной банкой, содержавшей небольшое белое существо, злобно ощерившееся и состоявшее, на первый взгляд, исключительно из клыков, когтей, шипов и крючковатых зазубрин. «Это мой приятель Фиркс из солнечной системы Ахернара, — пояснил Юкоуну. — Он гораздо умнее, чем кажется. Фиркс очень недоволен тем, что его разлучили с партнером, оставшимся в стеклянной клетке у меня в лаборатории. Фиркс будет способствовать скорейшему эффективному выполнению возложенных на вас обязанностей». Подойдя поближе, Юкоуну открыл банку и ловко выбросил из нее белое существо так, чтобы оно вцепилось в живот Кугелю. Существо тут же погрузилось

в брюшную полость Кугеля и плотно обхватило когтями его печень.

Юкоуну отступил на шаг, почти задыхаясь от злорадного смеха, более чем оправдывавшего заслуженное волшебником прозвище. Глаза Кугеля выпучились. Он раскрыл было рот, чтобы злобно выругаться, но вместо этого сжал зубы и молча уставился в потолок.

Веревка распуталась. Кугель дрожал и не двигался с места — все его мышцы судорожно напряглись.

Хохот Юкоуну сменился задумчивой усмешкой: «Вы упомянули о магических инструментах. Как насчет талисманов, чудесное влияние которых вы рекламировали на ярмарке в Азеномее? По вашим словам, они парализуют врагов, растворяют сталь, возбуждают неутолимую страсть у девственниц и обеспечивают бессмертие».

«На эти талисманы не всегда можно положиться, — отозвался Кугель. — Мне потребуются более надежные средства защиты».

«Они у вас уже есть, — возразил Смешливый Волшебник. — У вас есть шпага, способность красноречиво и убедительно врать, ловкость рук и быстрота ног. Тем не менее, ваша судьба вызывает у меня беспокойство, и кое-что я все-

таки для вас сделаю». Юкоуну повесил на шею Кугеля цепочку с небольшим квадратным брелоком: «Теперь вы можете не бояться голода. Прикосновение этого мощного инструмента превращает в питательную массу любые материалы органического происхождения — дерево, кору, траву, даже старое тряпье. Кроме того, брелок дрожит мелкой дрожью, если в пище содержится яд. Таким образом, теперь нас ничто не задерживает. Пойдемте, пора! Вороловка! Куда она подевалась?»

Послушная веревка обернулась вокруг шеи Кугеля, и тому пришлось шагать вслед за волшебником.

Они вышли на парапет древнего за́мка. К тому времени уже давно стемнело. Вниз и вверх по течению Кззана в долине мерцали редкие тусклые огни, а сама река превратилась в неравномерную полосу чернее ночи.

Юкоуну указал на стоявшую рядом клетку: «Это ваш транспорт. Залезайте».

Кугель не спешил выполнять это указание: «Было бы предпочтительно сперва плотно поужинать и хорошенько выспаться, а затем уже, утром, отправиться в путь».

«Что я слышу? — протрубил Юкоуну звенящим

голосом. — Вы смеете стоять передо мной и заявлять о своих предпочтениях? После того, как вы прокрались ко мне в дом, чтобы меня ограбить, да еще разворошили мою коллекцию и привели ее полный беспорядок? Неужели вы не понимаете, как вам повезло? Или вы предпочитаете безысходную инкапсуляцию?»

«Ни в коем случае! — нервно возразил Кугель. — Я беспокоюсь исключительно об успехе нашего предприятия».

«В таком случае полезайте в клетку».

Кугель в отчаянии обвел глазами темные развалины зáмка, после чего медленно подошел к клетке и разместился в ней.

«Надеюсь, у вас все в порядке с памятью, — заметил Юкоуну. — Но даже в том случае, если забывчивость побудит вас пренебречь обязанностью — а именно обязанностью найти фиолетовую линзу — Фиркс будет всегда под рукой и наставит вас на путь истинный».

«Так как я волей-неволей вынужден пуститься в это предприятие и вряд ли вернусь, — сказал Кугель, — вам не помешало бы узнать, чтó я думаю о вас и о вашем характере. Во-первых…»

Но Юкоуну поднял руку и не дал ему продолжать: «Не хочу ничего слышать! Злословие нано-

сит ущерб моему самоуважению, а к похвалам я отношусь скептически. Так что — прощайте!»

Волшебник отступил на пару шагов, взглянул в ночное небо и прокричал формулу так называемого «лаганетического переноса Фасдрубала». Неведомая сила подхватила клетку, в которой сгорбился Кугель, и понесла ее по воздуху.

Морозный ветер обжигал Кугелю лицо. Сверху доносились зловеще-жалобные крики и шум хлопающих, поскрипывающих огромных крыльев; клетка дико раскачивалась. Внизу, как в бездонной шахте, не было ничего, кроме непроглядного мрака. Расположение звезд подсказывало Кугелю, что он летит на север, и через некоторое время он скорее почувствовал под собой, нежели увидел, громаду Моренронских гор. Теперь он пересекал по воздуху пустынную степь, известную под наименованием «страны Рухнувшей Стены». Пару раз Кугель замечал тусклые огни одинокого за́мка, а однажды — большой пылающий костер. Время от времени крылатый бес нырял, чтобы парить бок о бок с падающей клеткой, и заглядывал внутрь. Судя по всему, жалкая судьба Кугеля забавляла это существо; когда Кугель спросил, над какой страной они летели, гигантская птица отозвалась злорадным, режущим уши карка-

ньем. Демон устал — он все чаще приближался к клетке и даже ухватился за нее когтями, но Кугель отогнал его лихорадочными пинками, и тот, обиженно крича, снова взмыл в ночное небо.

На востоке расцветало зарево оттенка засохшей крови, и вскоре появилось Солнце, дрожащее, как больной старик, охваченный ознобом. Внизу все затянуло туманом; Кугель едва успел заметить, что они летели над черными горными хребтами, пересеченными провалами ущелий. Через некоторое время дымка рассеялась — лишь для того, чтобы открыть взору морщинисто-свинцовый морской простор. Пару раз Кугель вглядывался вверх, но крыша клетки скрывала крылатого демона — видны были только острые концы кожистых крыльев.

Наконец летучий дракон достиг побережья северного моря. Пикируя к песчаной косе, он испустил мстительный крик и отцепился от клетки, упавшей с пятиметровой высоты.

Клетка развалилась — Кугель отполз от нее на четвереньках. Растирая ушибы, он проводил проклятием удалявшегося в морской горизонт демона, после чего проковылял по песку, миновал влажную поросль желтоватой колючки-спинифекса и взобрался на береговой откос. На севере,

за обширной болотистой пустошью, виднелась россыпь пологих холмов; на восток и на запад простирался холодный океан, окаймленный унылым пляжем. Кугель погрозил кулаком в южном направлении. Когда-нибудь, каким-нибудь способом, в один прекрасный день он отомстит Смешливому Волшебнику! В этом Кугель не позволял себе сомневаться.

Неподалеку, на западе, он заметил следы древнего волнолома и направился туда, чтобы рассмотреть их поближе, но не успел сделать трех шагов, как Фиркс впился когтями в его печень. Закатив глаза от боли и отчаяния, Кугель повернул назад и побрел вдоль берега на восток.

Вскоре он почувствовал, что проголодался, и вспомнил об амулете, полученном от Юкоуну. Подобрав прибитый к берегу кусок плавника, Кугель потер его квадратным брелоком, надеясь увидеть превращение выбеленного волнами дерева в россыпь сладкого печенья или в жареную курицу. Но трухлявое дерево всего лишь размягчилось до консистенции сыра, сохранив при этом вкус трухлявого дерева. Давясь от отвращения, Кугель заставил себя глотать эту субстанцию. И за это издевательство он предъявит счет смешливому мерзавцу! О, Юкоуну

за все заплатит — и дорого заплатит!

Багровый шар Солнца полз по южному небосклону. Приближались сумерки, когда Кугель добрался наконец до человеческого селения — примитивной деревни на берегу небольшой реки. Хижины здесь напоминали птичьи гнезда из палок и прутьев, скрепленных подсохшей грязью; из них тошнотворно воняло отбросами и нечистотами. Между ними бродили люди столь же непривлекательные и нечистоплотные, как их жилища — приземистые, почти звероподобные и ожиревшие; их волосы висели грязновато-желтыми спутанными космами, опухшие лица бугрились нездоровыми наплывами и складками. Их единственной достопримечательной особенностью — мгновенно приковавшей к себе пристальное внимание Кугеля — были глаза: в них были вставлены казавшиеся непроницаемыми фиолетовые полусферы, во всех отношениях сходные с объектом в футляре Юкоуну.

Кугель осторожно прошелся по деревенской улице, но местные жители почти не замечали его. Если линза, заполучить которую стремился Юкоуну, была одной из полусфер, закрывавших глаза туземцев, поставленную перед Кугелем

задачу можно было считать выполненной — оставалось только применить достаточную тактическую сноровку.

Кугель остановился, чтобы понаблюдать за обитателями поселка, и обнаружил множество загадочных обстоятельств. Прежде всего, они вели себя не так, как подобало грязной неотесанной деревенщине — напротив, они расхаживали и жестикулировали с щепетильным достоинством, граничившим с высокомерием. Кугель с недоумением спрашивал себя: неужели он оказался в племени слабоумных? Так или иначе, они, по-видимому, ничем ему не угрожали, и Кугель продолжил прогулку по главной улице, брезгливо обходя самые благоуханные кучи гниющего мусора. Один из селян соблаговолил, наконец, заметить его присутствие и обратился к нему хрипловатым гортанным говорком: «Что вам тут понадобилось, любезнейший? Почему вы рыщете по окраинам Смолода?»

«Я — путник, пришел издалека, — объяснил Кугель. — Мне всего лишь хотелось бы найти какой-нибудь постоялый двор или гостиницу, где я мог бы поесть и переночевать».

«У нас нет гостиниц. Ни путешественники, ни странники к нам не заглядывают. Тем не менее,

мы живем в достатке и всегда готовы поделиться изобилием. Вот, например, усадьба, где вы могли бы разместиться со всеми удобствами, — туземец указал на полуразвалившийся сарай. — Подкрепиться вам тоже ничто не помешает: достаточно зайти в трапезную напротив и выбрать все, что вам придется по вкусу. В Смолоде никому ни в чем не отказывают!»

«Премного благодарен!» — отозвался Кугель — и прибавил бы еще несколько замечаний или вопросов, но его собеседник уже повернулся и ушел.

Кугель опасливо заглянул под навес сарая и, приложив некоторые усилия, вышвырнул из него самые неприятные следы жизнедеятельности, после чего устроил для себя нечто вроде подстилки. Солнце уже опустилось к горизонту, и Кугель направился в ветхую кладовую напротив, каковую абориген удостоил наименованием «трапезной». Как и подозревал Кугель, «изобилие», упомянутое местным жителем, относилось к категории фантастических преувеличений. С одной стороны в кладовке валялась куча копченой рыбы, а с другой стояла кадка, наполненная чечевичной похлебкой, приправленной различными семенами и зернами. Кугель отнес порцию

похлебки и рыбу к себе в сарай и угрюмо приступил к ужину.

Солнце зашло; Кугель снова вышел, чтобы посмотреть, не предлагаются ли в деревне какие-нибудь развлечения, но улицы уже опустели. В некоторых хижинах горели светильники, и Кугель, заглядывая в трещины стен, видел туземцев, ужинавших копченой рыбой или занятых неспешной беседой. Вернувшись в сарай, Кугель развел небольшой костер, чтобы не озябнуть ночью, и устроился на подстилке.

На следующий день Кугель продолжал наблюдение за Смолодом и его жителями, напялившими на глаза фиолетовые линзы. Никто из них, судя по всему, не собирался работать, а вокруг поселка не было никаких полей или огородов. Эти обстоятельства вызвали у Кугеля недовольство. Для того, чтобы добыть одну из фиолетовых полусфер, потребовалось бы прикончить ее владельца, а этому могло помешать нежелательное вмешательство посторонних лиц.

Оп пробовал завязать разговор то с одним, то с другим из жителей поселка, но те обращались с ним так, что в конце концов самообладание Кугеля стало истощаться: с какой стати эти мужланы изображали из себя великодушных лордов,

как будто это он, а не они, был вонючей деревенщиной!

Во второй половине дня Кугель прогулялся вдоль берега на юг, и, пройдя примерно полтора километра, обнаружил еще один поселок. Здешние жители мало отличались от обитателей Смолода, но у них были обычные, ничем не прикрытые глаза. Кроме того, они работали — обрабатывали поля и ловили рыбу в море.

Кугель приблизился к паре рыбаков, возвращавшихся в деревню со связками улова за плечами. Те остановились, поглядывая на него не слишком дружелюбно. Представившись странником, Кугель спросил их о землях, простиравшихся к востоку, но рыбаки заявили, что ничего о них не знают — кроме того, что по этим мрачным безлюдным пустошам опасно бродить в одиночку.

«Пока что я устроился погостить в Смолоде, — сообщил им Кугель, — и, на мой взгляд, его населяют достаточно приятные люди, хотя и немного странные. Почему, например у них такие глаза? Чем объясняется их пристрастие к фиолетовым линзам? И почему они ведут себя с аристократическим высокомерием, несмотря на любезность их манеры выражаться?»

«Он носят магические линзы, — ворчливо пояснил старший рыбак. — Линзы, позволяющие видеть мир глазами высшего света. Почему бы им не задирать нос? Я тоже стану важничать, как лорд, когда умрет Радкут Вомин, и я унаследую его глаза».

«Даже так! — воскликнул удивленный Кугель. — Значит, магические линзы снимаются, а владелец может передавать их другим по своему усмотрению?»

«Может. Но кто захочет сменить роскошь высшего света на обыденное существование? — рыбак обвел рукой унылый прибрежный ландшафт. — Я тружусь уже давно, и скоро наступит мой черед наслаждаться радостями высшего света. После этого у меня не будет никаких забот — мне будет угрожать только смерть от пресыщения блаженством».

«В высшей степени любопытно! — заметил Кугель. — И как бы я мог получить право носить пару магических линз?»

«Работай! Трудись исправно, как трудимся все мы в Гродзе! Займи очередь в перечне ожидающих и снабжай лордов Смолода провизией. Больше тридцати лет я сеял чечевицу и полбу, собирал урожай, закидывал сети и коптил рыбу

на медленном огне — и теперь я, Бубах Ангх, значусь первым в списке. Чтобы заслужить линзы, тебе придется отбыть такой же срок».

«Больше тридцати лет! — пробормотал Кугель. — Я не выдержу здесь и тридцати дней». У него заныло в печени — Фиркс беспокойно поежился.

Рыбаки направились к себе в Гродзь, а Кугель вернулся в Смолод. Там он нашел старейшину, с которым говорил сразу по прибытии в поселок. «Всемилостивейший господин! — обратился к нему Кугель. — Я прибыл из далеких стран, привлеченный слухами о величии Смолода».

«Вполне понятное влечение, — буркнул его собеседник. — Наше великолепие не может не побуждать к подражанию».

«Откуда происходят, однако, ваши магические линзы?»

Старейшина обратил к Кугелю фиолетовые полусферы так, словно впервые его заметил, и раздраженно произнес: «У нас не любят обсуждать этот вопрос, но — раз уж вы его затронули — краткое пояснение ничему не повредит. В незапамятные времена демон Ундерхерд высунул щупальца из преисподней, чтобы взглянуть на Землю. На конце каждого щупальца была

выпуклая линза. Симбилис Шестнадцатый приказал рубить щупальца. Чудовище испугалось и отпрянуло в подземный мир, судорожно стряхнув линзы со своих щупалец. Удалось собрать четыреста двенадцать магических полусфер — их принесли в Смолод. Тогда наш город был таким же роскошным, каким он представляется мне теперь. Конечно, я понимаю, что вижу лишь подобие далекого прошлого, но что с того? Кто может сказать с уверенностью, что видит мир таким, каков он есть на самом деле? Вам у нас тоже нравится…»

«Я не смотрю на мир через магические линзы», — напомнил Кугель.

«Верно, — старейшина пожал плечами. — Предпочитаю, однако, об этом не думать. У меня сохранилось смутное воспоминание о том, что когда-то я ночевал в свинарнике и поглощал рыбьи хвосты с чечевичной похлебкой — но субъективная реальность заключается в том, что я живу в изумительном дворце и вкушаю бесподобные деликатесы в компании принцев и принцесс, не уступающих мне любезностью и грацией. Такое превращение восприятия нетрудно объяснить: демон Ундерхерд взирал на наш мир из преисподней. Пользуясь его линзами, мы взи-

раем из нашего мира на высший, воспринимая квинтэссенцию человеческих надежд — нас окружает все, чего только можно пожелать, мы становимся частью блаженной мечты, небожителями. Разумеется, мы думаем о себе как о благородных лордах в роскошных нарядах. Как иначе? Наши представления и воззрения — представления и воззрения высшего света».

«Вдохновляющая перспектива! — воскликнул Кугель. — Как мне добыть пару волшебных линз?»

«Существуют два способа. Ундерхерд потерял четыреста четырнадцать линз. В Смолоде насчитывают четыреста двенадцать. Две магические полусферы никогда не были найдены и, скорее всего, покоятся на дне океана. Если вы сможете их разыскать — они ваши. Второй метод заключается в том, чтобы стать гражданином Гродзя и поставлять лордам Смолода провизию, пока не наступит ваша очередь унаследовать линзы покойного лорда — увы, мы тоже время от времени покидаем этот мир».

«Я слышал, что некто Радкут Вомин — лорд Радкут — находится при смерти?»

«Да, вот он, — собеседник Кугеля указал на пузатого старика с обвисшим, пускающим слюни

ртом, сидевшего в грязи перед входом в хижину. — Как видите, он отдыхает под балдахином на террасе своего дворца. Лорд Радкут перенапрягся, удовлетворяя похоть, что неудивительно, учитывая тот факт, что наши принцессы — самые обольстительные создания, какие только могут представиться человеческому воображению. Так же, как я — благороднейший и прекраснейший из принцев. Но лорд Радкут слишком часто позволял себе излишества, что обернулось, по сути дела, гангренозным умерщвлением плоти. Тем самым он преподал полезный урок каждому из нас».

«Может быть, на каких-то условиях я мог бы приобрести его линзы?» — с надеждой поинтересовался Кугель.

«Боюсь, что это невозможно. Вам придется отправиться в Гродзь и работать вместе с остальными. Так же сделал и я в своей прошлой жизни, теперь уже превратившейся в далекое, смутное воспоминание… Как долго я страдал, подумать только! Но вы молоды. Через тридцать, сорок или пятьдесят лет вы своего добьетесь. И, поверьте мне, игра сто́ит свеч!»

Кугель прижал ладонь к животу, пытаясь успокоить нервные подергивания Фиркса: «Через

тридцать или сорок лет Солнце потухнет!» Протянув руку, он указал на дневное светило, которое действительно мигнуло, подернувшись пленкой: «Смотрите, оно уже гаснет!»

«Вы слишком беспокоитесь, — заверил его старейшина. — Нас, лордов-небожителей Смолода, Солнце щедро одаряет сиянием теплых радужных лучей».

«До поры до времени это может быть и так, — сомневался Кугель, — но, когда Солнце погаснет, что вы будете делать? Будете ли вы радоваться жизни по-прежнему во мраке и в холоде?»

Но собеседник больше не слушал его. Тем временем Радкут Вомин накренился и упал набок в грязь — судя по всему, толстяк умер.

Нерешительно поигрывая ножом, Кугель подошел ближе, рассматривая труп. Пара ловких взмахов лезвием — у через несколько секунд его цель была бы достигнута. Кугель уже наклонился к телу, но удобный момент был упущен. Прочие «лорды» селения собрались вокруг и оттеснили Кугеля. Радкута Вомина подняли и занесли, самым торжественным образом, в его зловонное жилище.

Оставшийся у входа Кугель тоскливо заглядывал внутрь, тщетно пытаясь придумать какую-

нибудь уловку, позволявшую надеяться на успех.

«Пусть принесут светильники! — нараспев провозгласил старейшина. — Пусть лучезарное прощальное сияние окружит лорда Радкута на его мерцающем драгоценностями одре! Пусть трубят с башен золотые фанфары, пусть принцессы облачатся в мантии из блестящей парчи и в печали своей закроют локонами обворожительные лица, которые так любил лорд Радкут! Наступила пора почетного бдения! Кто первый возьмет на себя охрану одра?»

«Я счел бы за честь выполнение такого долга!» — немедленно вызвался Кугель.

Старейшина покачал головой: «Этой привилегии могут быть удостоены только благородные собратья-небожители, не уступающие рангом усопшему. Лорд Маульфаг! Лорд Глус! Не возьмете ли вы на себя эту скорбную обязанность?»

Два деревенских увальня проковыляли к лежавшим на скамье останкам Радкута Вомина.

«А теперь надлежит совершить погребальный обряд, — торжественно продолжал старейшина, — и передать магические линзы Бубаху Ангху, самому заслуженному из землевладельцев Гродзя. Опять же, кто возьмет на себя почетный долг и принесет радостную весть сквайру Ангху?»

«И снова я могу предложить свои услуги, — отозвался Кугель, — хотя бы для того, чтобы в какой-то степени отблагодарить высокородных лордов Смолода за их великодушное гостеприимство».

«Хорошо сказано! — похвалил старейшина. — Что ж, ступайте в Гродзь и приведите сюда того, кто заслужил долготерпением и прилежным трудом право стать одним из нас!»

Кугель поклонился, поспешил удалиться и побежал по болотистой пустоши в сторону Гродзя. Приблизившись к окраинным полям поселка, он замедлил шаги и стал перемещаться украдкой, пригибаясь и прячась то за высокими пучками травы, то в порослях кустарника. Наконец он нашел то, что искал: земледельца, окучивавшего влажную почву мотыгой.

Отломив торчавший из земли тяжелый сучковатый корень, Кугель потихоньку подобрался к мужлану сзади и огрел его корнем по голове. Как только тот свалился, Кугель снял с него балахон из рогожи, кожаную шляпу, краги и башмаки, после чего срезал острым ножом щетинистую бороду соломенного оттенка. Собрав все это в охапку, он оставил оглушенного голого крестьянина лежать в грязи и длинными прыж-

ками побежал обратно в Смолод. В ложбине он задержался и напялил краденую одежду. Изучив в некотором замешательстве комок сбритой щетины, он умудрился кое-как сплести жесткие желтоватые пряди и, привязывая пучок к пучку, соорудил нечто вроде растрепанной поддельной бородки. Остатки волос он заткнул под тулью шляпы так, чтобы они торчали из-под кожаных полей.

К тому времени Солнце уже зашло; над пустошью сгущались красновато-лиловые сумерки. Кугель вернулся в Смолод. Перед входом в хижину Радкута Вомина трепетали огоньки лампад; внутри голосили и стонали бесформенные ожиревшие старухи.

Кугель осторожно приблизился, не совсем представляя себе, что́ от него ожидалось. Маскарад мог обмануть или не обмануть местных жителей. О том, в какой степени фиолетовые линзы искажали восприятие действительности, можно было только гадать. Приходилось рисковать.

Кугель смело зашел в хижину. Понизив голос настолько, насколько это было возможно, он объявил: «Я здесь, достопочтенные лорды и принцессы! К вашим услугам сквайр Бубах Ангх из Гродзя, больше тридцати лет поставляв-

ший лучшие деликатесы в кладовые Смолода. Наконец мне представилась долгожданная возможность взойти в избранный круг высшего света!»

«Таково ваше право, — откликнулся старейшина. — Но вы не похожи на Ангха, так долго служившего лордам Смолода».

«Противоречивые чувства преобразили меня: скорбь, вызванная кончиной принца Радкута Вомина, и безудержная радость по поводу предстоящего возвышения».

«Хорошо понимаю ваше эмоциональное состояние. Что ж, подходите — и приготовьтесь к обряду».

«По сути дела, я уже готов, — сказал Кугель. — В самом деле, достаточно передать мне магические линзы: я надену их где-нибудь в укромном месте и буду тихо радоваться своей судьбе».

Старейшина добродушно покачал головой: «Так не делается, это противоречит обычаям. Прежде всего вы должны полностью обнажиться и встать здесь, посреди павильона могущественной цитадели Вомина, после чего прекраснейшая из придворных дам совершит помазание ароматическими эссенциями. Затем надлежит воззвать к духу всемилостивейшей Эддит Брэн-Маур.

Только после этого…»

«Ваше сиятельство! — прервал его Кугель. — Сделайте мне одолжение! Перед тем, как начнутся церемонии, наденьте мне на глаза магические линзы, чтобы я мог полностью оценить значение и великолепие обрядов».

Старейшина задумался: «Неортодоксальный, но целесообразный запрос. Принесите линзы!»

Пришлось ждать — Кугель вышел подышать воздухом посвежее и нервно переминался с ноги на ногу. Минуты тянулись бесконечно, пропотевшая рогожа и фальшивая борода вызывали нестерпимый зуд. Хуже всего было то, что к окраине Смолода со стороны Гродзя решительно направлялись несколько темных фигур. Одним из этих людей несомненно был подлинный Бубах Ангх, а другим — крестьянин, недавно лишившийся бороды.

Появился старейшина, державший в каждой руке по фиолетовой линзе: «Подойдите!»

«Я готов, сударь!» — громко ответил Кугель.

«Теперь надлежит нанести снадобье, освящающее соединение магической линзы с правым глазом».

В толпе, окружившей лужу грязи перед хижиной, раздался голос Бубаха Ангха: «Подождите!

Что тут происходит?»

Кугель повернулся и гневно указал на него пальцем: «Кто смеет прерывать торжественную церемонию? Удалите его сейчас же!»

«В самом деле! — напыщенно возмутился старейшина. — Вы унижаете себя и лишаете достоинства священный обряд».

Оробевший и в какой-то степени пристыженный, Бубах Ангх спрятался за соседними спинами.

«Учитывая тот факт, что нам пытаются помешать, — заметил Кугель, — будет лучше всего, если я просто возьму линзы на хранение до тех пор, пока этих мужланов не усмирят надлежащим образом».

«Нет-нет, — возразил старейшина. — Это невозможно». Он прыснул в правый глаз Кугеля несколько капель прогорклого жира. Но теперь заорал обритый Кугелем крестьянин: «Моя шляпа! Моя блуза! Да еще и моя борода! Где справедливость, спрашивается?»

«Тихо! — зашипели на него лорды-зеваки. — Проявляй уважение к церемонии!»

«Но он меня…»

«Вставьте магическую линзу, ваше сиятельство! — возвысил голос Кугель. — Игнорируйте

эту деревенщину».

«Ты смеешь называть меня деревенщиной? — Бубах Ангх снова стал протискиваться вперед. — Теперь я тебя узнал, бродяга, мошенник! Остановите церемонию!»

Старейшина невозмутимо бубнил: «Ныне я наделяю наследника правой линзой. Наследнику надлежит временно закрыть правый глаз, чтобы предотвратить диссонанс, способный поразить мозг и вызвать помрачение сознания. А теперь — левый глаз!» Старейшина снова сделал шаг вперед, поднимая чашку с прогорклым жиром, но Бубах Ангх и безбородый мужик больше не могли терпеть такое святотатство: «Прекратите это издевательство! Вы облагораживаете самозванца! Я — Бубах Ангх, всеми уважаемый сквайр! А тот, кто стоит перед вами — пришлый бродяга!»

Старейшина недоуменно разглядывал Ангха: «Действительно, вы напоминаете служителя из Гродзя, больше тридцати лет поставлявшего провизию в Смолод. Но если вы — Бубах Ангх, кто этот человек, получивший линзу?»

Из толпы вылез безбородый крестьянин: «Бесстыдный мерзавец долбанул меня по башке, украл мою одежду и сбрил мою бороду!»

«Он — преступник, грабитель, проходимец!»

«Постойте, постойте! — поднял руку старейшина. — Теперь о нем нельзя отзываться в таких выражениях. Не забывайте, что он только что был возведен в ранг смолодского принца!»

«Не совсем! — возразил Ангх. — Он получил только одну линзу. Я претендую на вторую!»

«Неприятная ситуация!» — пробормотал старейшина. Повернувшись к Кугелю, он сказал: «Даже если вы были скитальцем и головорезом, теперь вы — принц, человек достойный и ответственный. Что вы думаете по поводу сложившегося положения вещей?»

«Предлагаю спустить шкуру с этих наглых холопов. После чего…»

Яростно крича, Бубах Ангх и безбородый мужик бросились на Кугеля. Отскакивая в сторону, он не смог удержаться и рефлексивно открыл правый глаз. Как только поднялось веко, в его мозг нахлынула такая волна чудесного возбуждения, что у него перехватило дыхание, а сердце его почти перестало биться. В то же время левым глазом он видел жалкую действительность Смолода. Расхождение представлений было нестерпимо резким — Кугель пошатнулся и упал бы грязь, если бы не наткнулся спиной на стену хижины.

Бубах Ангх встал перед ним и высоко занес над головой мотыгу.

Но старейшина поспешил вмешаться, протиснувшись между ними: «Вы с ума сошли? Этот человек — смолодский принц!»

«И я убью этого человека, потому что он присвоил мой волшебный глаз! Неужели я вкалывал тридцать лет, чтобы облагодетельствовать никому не известного бродягу?»

«Успокойтесь, Бубах Ангх — если вас действительно так зовут. Не забывайте, что истина еще не установлена окончательно. Возможно, я допустил ошибку — без всякого сомнения, руководствуясь самыми искренними побуждениями. Но теперь этот человек — смолодский принц, то есть олицетворение мудрости и справедливости».

«Он не был никаким олицетворением, пока не получил линзу, — возражал Бубах Ангх. — А преступление было совершено до того, как он ее надел».

«У меня нет ни времени, ни возможности заниматься казуистикой, — отмахнулся старейшина. — Так или иначе, вы возглавляете список ожидающих, и, когда нас покинет следующий лорд…»

«Когда это будет? — возопил Ангх. — Через десять или пятнадцать лет? Мне придется снова гнуть спину, и я дождусь своего, если дождусь, когда Солнце погаснет? Нет уж, увольте!»

Бритый крестьянин предложил: «Возьми вторую линзу. Таким образом ты получишь хотя бы половину того, что тебе причитается, а самозванцу не удастся тебя полностью околпачить».

Бубах Ангх согласился: «Для начала отдайте мне вторую линзу! После этого я прикончу мерзавца, возьму первую, и все будет в порядке!»

«Постойте, постойте! — снова оскорбился старейшина. — Негоже угрожать убийством смолодскому принцу!»

«Еще чего! — старый рыбак презрительно хрюкнул. — Это вам негоже забывать об источнике своего пропитания! В Гродзе никто не станет на вас работать, если будут нарушаться наши права!»

«Очень хорошо! — заявил старейшина. — Мне отвратительны ваши низменные, хамские манеры, но я не могу отрицать, что ваши доводы в какой-то степени обоснованны. Вот левая линза Радкута Вомина. Обойдемся без молитв, помазаний и поздравительных гимнов. Будьте добры, подойдите и откройте левый глаз… Да, вот таким

образом».

Так же как Кугель, Бубах Ангх не удержался и взглянул на мир обоими глазами: ошеломленный, он пошатнулся и отступил на пару шагов. Закрыв ладонью левый глаз, однако, он восстановил равновесие и надвинулся на Кугеля: «Теперь ты понимаешь, что просчитался? Отдавай другую линзу и убирайся! Все равно тебе никто не позволит пользоваться обеими!»

«Для меня это ничего не значит, — отозвался Кугель. — Благодаря моему закадычному приятелю Фирксу одна линза меня вполне устраивает».

Бубах Ангх заскрипел зубами: «Хочешь опять меня надуть? На выйдет! Мы с тобой покончим, и весь Гродзь может подтвердить, что это не пустые слова!»

«Только не на смолодской земле! — вмешался старейшина. — Между принцами не должно быть никаких ссор: я провозглашаю перемирие! Вы разделили между собой магические линзы Радкута Вомина. Теперь вам надлежит делиться палатами его дворца, его роскошным гардеробом, всеми его аксессуарами и драгоценностями, а также услугами его свиты — до тех пор, пока один из вас не умрет, на что можно надеяться, хотя в ближайшее время это маловероятно. Только

тогда выживший наследник получит обе линзы. Таково мое окончательное решение. Больше не о чем говорить».

«Смерти самозванца не придется долго ждать, — ворчал Бубах Ангх. — Как только он сделает шаг за пределы Смолода, это будет его последний шаг! Если потребуется, граждане Гродзя будут сто лет стоять на страже и следить за негодяем!»

Фиркс поежился, услышав эту угрозу, и Кугель поморщился — у него заныла печень. Он обратился к Ангху успокоительным тоном: «Необходим какой-то компромисс. Вы можете получить в наследство все имущество Радкута Вомина — его дворец, все его драгоценности, услуги его свиты. А мне достанутся только магические линзы».

Но старый рыбак и слышать об этом не хотел: «Если тебе дорога жизнь, отдавай линзу сию минуту!»

«Никак не могу это сделать», — ответил Кугель.

Бубах Ангх отвернулся и посовещался с безбородым мужиком — тот кивнул и удалился. Ангх мрачно взглянул на Кугеля, после чего направился к хижине Радкута Вомина и уселся на куче щебня неподалеку от входа. Здесь он принялся

экспериментировать с новой линзой, осторожно прикрывая правый глаз и открывая левый, чтобы с изумлением взирать на великолепие высшего света. Кугель решил воспользоваться тем, что неприятель оцепенел, завороженный чудесными видениями, и направился размашистой походкой к окраине Смолода. Судя по всему, Бубах Ангх ничего не заметил.

«Ха! — подумал Кугель. — Неужели все так просто?» Еще немного — и он скроется в ночном просторе пустоши…

Кугель энергично прибавил шагу. Какие-то звуки — хриплый вздох, скрип, шорох одежды — заставили его испуганно отпрыгнуть в сторону. Рядом — там, где только что была его голова — просвистело по воздуху лезвие мотыги. В тусклом зареве лампад Смолода Кугель распознал мстительную физиономию обритого им крестьянина. Между тем, наклонив голову, как разъяренный бык, к месту происшествия уже спешил, тяжело топая кривыми ногами, Бубах Ангх. Кугель уклонился от еще одного удара мотыги и со всех ног побежал обратно в центр Смолода.

Исключительно разочарованный, Ангх медленно вернулся туда, где сидел раньше. «Никуда ты не убежишь, — заверил он Кугеля. — Если

хочешь жить, отдавай линзу!»

«Не отдам! — воодушевленно откликнулся Кугель. — Тебе самому следовало бы побеспокоиться о своей задубевшей шкуре — ей угрожает гораздо бóльшая опасность».

Со стороны старейшины последовал назидательный упрек: «Господа, господа! Перестаньте ссориться! Я потакаю экзотическим капризам обворожительной принцессы, а вы меня отвлекаете».

Вспомнив маслянистые складки плоти, злобно-похотливые мясистые рожи, спутанные вшивые волосы, бородавки, жировики и тошнотворные запахи, характерные для женщин Смолода, Кугель снова подивился могуществу волшебных линз. Тем временем Бубах Ангх продолжал испытывать чары своего левого глаза. Устроившись на дощатой лавочке, Кугель попробовал взглянуть вокруг правым глазом, приложив ладонь к левому…

На нем были легкая гибкая кольчуга из серебряной чешуи, тугие алые рейтузы и темно-синий плащ. Он сидел на мраморной скамье перед анфиладой спиральных мраморных колонн, обвитых темным плющом с белыми цветами. Справа и слева в ночном небе возвышались, один

за другим, дворцы Смолода с озаренными мягким светом арками и высокими окнами. Само небо было мягкого темно-синего оттенка, усеянное огромными сияющими звездами. Между дворцами росли сады кипарисов, мирта, жасмина, сфада и тиссама; воздух наполняли ароматы цветов и свежей струящейся воды. Откуда-то доносились отзвуки музыки — переливы тихих аккордов, вздохи далекой мелодии. Кугель глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Шагнув вперед, он переместился поперек террасы. Дворцы и сады тоже слегка сместились в перспективе; на темном газоне под террасой три девушки в белых полупрозрачных платьях обернулись к нему через плечо.

Кугель невольно сделал еще один шаг им навстречу, но тут же вспомнил о кровожадных намерениях Бубаха Ангха и остановился, чтобы посмотреть по сторонам. По другую сторону площади возвышался семиэтажный дворец, на каждом ярусе которого зеленел висячий сад — усеянные цветами лозы спускались по стенам. В окнах дворца Кугель замечал роскошную меблировку, сверкающие люстры и степенное, аккуратное движение камергеров в ливреях. На балконе павильона перед дворцом стоял чело-

век с горбатым носом и коротко подстриженной золотистой бородой, в костюме охряных и черных тонов с золочеными эполетами, в черных полусапожках со шнуровкой. Поставив одну ногу на каменного грифона, он опустил руку на согнутое колено, устремив на Кугеля мрачный задумчивый взгляд. Кугель поразился: неужели это был напоминавший внешностью борова Бубах Ангх? А величественный семиэтажный дворец у него за спиной — развалюха Радкута Вомина?

Кугель медленно прошелся по площади и приблизился к павильону, освещенному канделябрами. Внутри столы ломились от всевозможных мясных блюд, холодцов и пирогов; желудок Кугеля, переваривший только преобразованное амулетом трухлявое дерево и копченую рыбу с чечевицей, заставил его войти. Переходя от стола к столу, он понемногу пробовал то одно, то другое блюдо, и все они восхищали его чудесным вкусовым разнообразием.

«Надо полагать, я по-прежнему насыщаюсь копченой рыбой и чечевицей, — говорил себе Кугель, — но чарами, превращающими эти низменные продукты в изысканные деликатесы, невозможно пренебрегать. Действительно, че-

ловеку может угрожать гораздо худшая судьба, нежели перспектива провести остаток своих дней в Смолоде».

Фиркс, словно читая мысли Кугеля, тут же заставил его почувствовать несколько жгучих приступов боли в печени. Кугель страстно выругал Юкоуну и снова поклялся во что бы то ни стало отомстить Смешливому Волшебнику.

Взяв себя в руки, Кугель направился туда, где сады из скульптурно подстриженных деревьев и кустарника, окружавшие дворцы, сменялись не столь ухоженным парковым ландшафтом. Оглянувшись, он увидел, что к нему приближается, с явно недобрыми намерениями, горбоносый принц в черно-охряном костюме. В тени парковой рощи Кугель заметил также движение других фигур — ему показалось, что они были облачены в доспехи.

Кугель вернулся на площадь, а Бубах Ангх снова занял свое место на балконе павильона перед дворцом Радкута Вомина и мрачно уставился на Кугеля.

«Очевидно, — заметил Кугель, обращаясь скорее не к себе, а к Фирксу, — сегодня ночью мне не удастся ускользнуть из Смолода. Разумеется, мне не терпится отдать магическую линзу Юко-

уну — но если поспешность приведет к тому, что меня убьют, ни линза, ни достойный всяческого уважения Фиркс никогда не вернутся в Альмерию».

Фиркс перестал возмущаться. «А теперь, — думал Кугель, — где же мне переночевать?» Конечно же, семь ярусов дворца Радкута Вомина позволяли и ему, и Бубаху Ангху, разместиться со всеми удобствами и поодаль друг от друга. По сути дела, однако, им пришлось бы ютиться в тесной однокомнатной хижине, где постелью служила единственная влажная охапка тростника. Задумчиво, с превеликим сожалением, Кугель закрыл правый глаз и открыл левый.

Смолод оставался таким, как прежде. Угрюмый Бубах Ангх сгорбился перед входом в хижину Радкута Вомина. Кугель подскочил к нему и с разбега пнул в живот. Застигнутый врасплох и шокированный ударом, Ангх открыл оба глаза; столкновение несовместимых реальностей помрачило его сознание — рыбак оцепенел. Из темноты на помощь товарищу уже спешил рычащий от злости безбородый мужик с мотыгой наготове — Кугелю пришлось отказаться от намерения разрезать Ангху глотку. Вместо этого он проскользнул в хижину, захлопнул за собой

дверь и загородил ее доской-засовом.

Теперь он закрыл левый глаз и открыл правый. Он очутился в величественном вестибюле дворца Радкута Вомина, под портиком, защищенным от вторжения опускной решеткой из кованого чугуна. Снаружи, на площади, светлобородый принц в черно-охряном костюме с холодным достоинством поднялся с мостовой, прикрывая рукой один глаз. Подняв руку жестом благородного негодования, Бубах Ангх перекинул плащ через плечо и удалился, чтобы присоединиться к ожидавшим его ратникам.

Кугель прошелся по дворцу, с удовольствием изучая интерьеры. Если бы не назойливые напоминания Фиркса, не было бы никакой необходимости спешить с возвращением в долину Кззана, пускаясь в далекий и опасный путь.

Кугель выбрал роскошное помещение с окнами, выходившими на юг, сменил изящный костюм на атласную пижаму, устроился в мягкой постели с простынями из бледно-голубого шелка и забылся сном.

Утром он не сразу понял, какой глаз ему следовало открыть, что побудило его предусмотрительно изготовил повязку, позволявшую закрывать тот или иной глаз в зависимости от об-

стоятельств.

Днем дворцы Смолода выглядели еще чудеснее, причем теперь на площади толпились принцы и принцессы — красавцы и красавицы, все без исключения.

Кугель надел изящный черный костюм, зеленый берет набекрень и зеленые сандалии. Спустившись в вестибюль, он поднял опускную решетку одним властным жестом и вышел на площадь.

Вокруг не было никаких признаков присутствия Бубаха Ангха. Другие обитатели Смолода любезно приветствовали его, а принцессы демонстрировали заметную благосклонность — так, как если бы считали знакомство с ним особой привилегией. Кугель отвечал им вежливо, но беспристрастно: даже магическая линза не могла заставить его забыть провисшие складки жира, дряблую плоть, маслянистую грязь и кишащие насекомыми волосы смолодских женщин.

Он с удовольствием позавтракал яствами павильона, после чего вернулся на площадь, чтобы поразмыслить о возможных дальнейших мерах. Беглый осмотр парка на окраине показал, что вооруженные стражи из Гродзя оставались начеку. Никакой возможности для сиюминутного

побега не было.

Смолодская знать занималось увеселениями. Иные бродили по лугам; другие совершали лодочные прогулки по приятнейшим каналам к северу от города. Старейшина, принц изящной и благородной внешности, сидел один на скамье из полированного оникса, погрузившись в глубокое раздумье.

Кугель подошел к нему; старейшина встрепенулся и пригласил его присесть жестом, выражавшим сдержанное дружелюбие. «У меня неспокойно на душе, — признался старейшина. — Несмотря на всю справедливость моего решения и учитывая неизбежное непонимание вами наших традиций, я все еще чувствую, что был нанесен определенный ущерб, и не понимаю, как его можно было бы возместить».

«Мне кажется, — ответил Кугель, — что, несмотря на несомненные достоинства сквайра Бубаха Ангха, он проявляет отсутствие самоконтроля, неподобающее представителю высшего света. По-моему, ему не помешало бы провести еще несколько лет в Гродзе и поразмыслить о будущем».

«В том, что вы говорите, есть некоторый смысл, — согласился старейшина. — Иногда

полезно в какой-то степени жертвовать индивидуальными преимуществами во имя коллективного благополучия. Уверен в том, что, если возникнет такая необходимость, вы с радостью уступите свою линзу и зарегистрируетесь в Гродзе в порядке общей очереди. Какое значение имеют несколько лет? Годы летят, как светлячки в ночи».

Кугель любезно развел руками: «С другой стороны, может быть организована лотерея, в которой примут участие все владельцы двух линз. Проигравший по жребию подарит одну из своих линз Бубаху Ангху. А мне хватит и одной».

Старейшина нахмурился: «Как вам сказать… проведение такой лотереи маловероятно. Тем временем, вам следует приобщиться к нашим развлечениям. Позволю себе заметить, вы отличаетесь впечатляющей внешностью — принцессы нередко провожают вас зачарованными взглядами. Вот, например, неотразимая Юдела Наршаг — а там Зококса из дворца Розовых Лепестков, и с ней — резвушка Ильвиу Ласмаль. Не стесняйтесь! У нас в Смолоде нет лишних предрассудков».

«Привлекательность этих особ не ускользнула от моего внимания, — ответил Кугель. — К сожа-

лению, меня сдерживает обет целомудрия».

«Несчастный! — воскликнул старейшина. — Принцессы Смолода бесподобны! Извольте заметить: еще одной не терпится познакомиться с вами поближе».

«Думаю, ее больше интересует знакомство с вами», — возразил Кугель. Старейшина встал и направился к упомянутой молодой женщине, въехавшей на площадь в изумительном, формой напоминавшем сказочную ладью экипаже, шагавшем на шести лебединых ногах. Эта принцесса раскинулась на розовой пуховой софе, а ее необычайная красота заставила Кугеля пожалеть о том, что из его памяти никак не могли исчезнуть свалявшиеся волосы, щетинистые родинки, тройные подбородки, потные складки и морщины смолодских женщин. Принцесса в ладье воистину была мечтой наяву: стройная и гибкая, с кожей оттенка густого крема, деликатным носом, излучающими блеск грустными глазами и очаровательно подвижным ртом. Выражение ее лица заинтриговало Кугеля, так как оно было значительно сложнее ужимок других принцесс — задумчивое, но повелительное, страстное, но недовольное.

На площадь явился наконец Бубах Ангх, наря-

дившийся воинственно: в кирасе, в гребенчатом шлеме и с мечом. Старейшина тут же пошел поговорить с ним, и теперь принцесса, к вящему раздражению Кугеля, направила ладью прямо к нему.

Он поднялся к ней навстречу: «Насколько я понимаю, принцесса, ваш приветственный жест относился ко мне?»

Принцесса кивнула: «Не совсем понимаю — что вы делаете здесь, на дальнем севере?» У нее был мягкий, чистый, мелодичный голос.

«Выполняю поручение, — объяснил Кугель. — В Смолоде я останусь ненадолго; мне нужно возвращаться на юго-восток».

«В самом деле! — принцесса чуть наклонила голову набок. — И какого рода поручение вам приходится выполнять?»

«Откровенно говоря, я оказался здесь благодаря проискам мстительного волшебника. В мои собственные планы это путешествие не входило никоим образом».

Принцесса тихо рассмеялась: «Мне редко встречаются чужестранцы. Не хватает новых лиц, бесед с новыми людьми. Возможно, вы не откажетесь посетить мой дворец? Мы поговорим о волшебстве и о странных вещах, происходящих

в последнее время на умирающей Земле».

Кугель неловко поклонился: «Благодарю за великодушное предложение. Но вам придется пригласить кого-нибудь другого, так как я связан по рукам и ногам обетом целомудрия. Прошу вас не воспринимать это как оскорбление — я вынужден был ответить таким же образом и гуляющей поблизости Юделе Наршаг, и Зококсе, и даже отказаться от общества Ильвиу Ласмаль».

Принцесса подняла брови, опустилась поглубже в пуховую софу и едва заметно усмехнулась: «Как же, как же! Бессердечный человек, суровый и безжалостный, вы отказываете себе во внимании стольких женщин, умоляющих о снисхождении!»

«Именно так, ничего не поделаешь», — Кугель обернулся: к нему подходили старейшина и следовавший за ним Бубах Ангх.

«Возникла пренеприятнейшая ситуация, — сообщил ему старейшина. — Выступая от имени всех обитателей Гродзя, Бубах Ангх заявляет, что они отказываются поставлять в Смолод провизию, пока не будет восстановлена справедливость. Восстановление справедливости, с их точки зрения, заключается в возвращении вами магической линзы Бубаху Ангху, а также в выда-

че вас лично карательной комиссии, ожидающей в парке неподалеку».

Кугель напряженно рассмеялся: «Такая точка зрения свидетельствует об искаженном представлении о вещах! Надеюсь, вы заверили их в том, что лорды Смолода скорее станут жевать траву и уничтожат линзы прежде, чем согласятся удовлетворить столь немыслимые требования?»

«Боюсь, что я выразился недостаточно ясно, — слегка повысил голос старейшина. — Насколько мне известно, другие обитатели Смолода предпочитают уступчивость сопротивлению».

Неизбежные последствия становились очевидными — Фиркс снова шевелился, его терпение истощалось. Кугель переместил повязку так, чтобы смотреть левым глазом.

Несколько граждан Гродзя, вооруженные косами, мотыгами и дубинками, ожидали не далее, чем в полусотне шагов — судя по всему, это и была «карательная комиссия», о которой упомянул Бубах Ангх. С одной стороны тянулись ветхие хижины Смолода; с другой находилась шагающая ладья, а в ней — принцесса необычайной красоты… Кугель застыл в изумлении. Ладья выглядела так же, как в поле зрения магической линзы: экипаж поддерживали шесть больших птичьих ног,

и в нем на розовой пуховой софе сидела стройная красавица, не только не потерявшая привлекательность, но выглядевшая лучше прежнего. Она больше не улыбалась, однако: на ее лице застыло выражение холодного ожидания.

Кугель глубоко вздохнул и дал стрекача. Бубах Ангх кричал, приказывая ему остановиться, но Кугель не обращал внимания. Он со всех ног мчался по пустоши, а за ним гналась «карательная комиссия».

Кугель злорадно усмехался. Длинные проворные ноги позволяли ему бежать легко и безостановочно. Его преследовало тяжеловесное, косолапое, флегматичное мужичье. Он мог без труда пробежать два километра, пока крестьяне одолевали один. Задержавшись, он помахал им рукой на прощание. К его испугу и огорчению он заметил при этом, что шагающая ладья приняла участие в погоне, и что от нее отделились две огромные птичьи ноги, уже приближавшиеся к нему частыми скачками. Кугель пустился наутек так, словно за ним гналась сама Смерть — но тщетно. Заколдованные ноги уже бежали наравне с ним с обеих сторон. Повернувшись, они пинками заставили его остановиться.

Кугель угрюмо поплелся назад; угрожающие

птичьи ноги, мелко подскакивая, следовали за ним. Не доходя до окраины Смолода, он засунул руку под повязку и отделил от глаза магическую линзу. Как только его стала окружать «карательная комиссия», он поднял линзу над головой: «Стойте! Или я разобью линзу вдребезги!»

«Нет! Подожди! — закричал Бубах Ангх. — Ты не смеешь! Отдай линзу и покорись заслуженному наказанию!»

«Приговор еще не вынесен, — напомнил ему Кугель. — Старейшина еще не решил, кому должны принадлежать обе линзы».

Девушка в ладье поднялась с пуховой софы: «Решать буду я, Дерви Корем из династии Домберов! Передай мне это фиолетовое стекло — как бы оно ни называлось».

«Еще чего! — заявил Кугель. — Отбери линзу у Бубаха».

«Не получится!» — воскликнул сквайр из Гродзя.

«Как же так? У каждого из вас — по одной линзе, и каждый желает приобрести обе? Почему они так драгоценны? И почему их носят на глазах? Ну-ка, отдайте мне обе!»

Кугель выхватил шпагу: «Предпочел бы сбежать, но если приходится драться, я буду драть-

ся!»

«Я не могу быстро бегать, — признался Бубах Ангх. — И, следовательно, предпочитаю драться». Он снял линзу с левого глаза: «Приготовься к смерти, бродяга!»

«Один момент!» — сказала Дерви Корем. Из ног под ее ладьей выросли тонкие руки, крепко схватившие Кугеля и Ангха за запястья. Обе линзы упали — та, что принадлежала Бубаху Ангху, ударилась о камень и разлетелась на осколки. Рыбак взвыл от горя и бросился на Кугеля — тому пришлось отступить перед яростной атакой.

Бубах Ангх не умел фехтовать: размахивая косой, он пытался подрубить ею противника так, словно чистил рыбу ножом. Лихорадочная энергия, с которой он это делал, однако, тревожила Кугеля и заставила его не менее энергично защищаться. В дополнение к выпадам и взмахам косы, его беспокоили уколы в печени: Фиркс был раздражен потерей линзы.

Дерви Корем не интересовалась поединком. Ее ладья начала уезжать по пустоши, все быстрее и быстрее. Отмахнувшись шпагой, Кугель отскочил назад, отскочил еще раз — и тут же побежал за ладьей, провожаемый проклятиями обитателей Гродзя.

Лебединые ноги несли ладью неспешной рысью. Задыхаясь, Кугель поравнялся с волшебным экипажем, в отчаянном прыжке схватился за обитый пухом планширь, подтянулся и уселся на борт.

Его ожидания оправдались: Дерви Корем не удержалась и посмотрела сквозь магическую линзу; теперь она лежала в обмороке. Фиолетовая полусфера упала ей на колени.

Кугель тут же схватил линзу и некоторое время смотрел на очаровательное лицо, подумывая о возможности овладеть беспомощной красавицей. Фиркс не одобрял такие побуждения. Дерви Корем уже вздохнула и начинала поднимать голову.

Кугель спрыгнул с ладьи — как раз вовремя. Успела ли она его заметить? Подбежав к поросли тростника, окаймлявшей небольшой пруд, он плашмя бросился в воду. Отсюда он увидел, что ладья остановилась, а ее владелица ощупывала розовую пуховую обивку экипажа в поисках линзы, после чего выпрямилась во весь рост, обозревая окрестности. Когда она повернулась в сторону Кугеля, однако, кроваво-красные лучи Солнца светили ей прямо в глаза: она увидела только темный тростник и отражение заката

на поверхности пруда.

Разозлившись пуще прежнего, красавица заставила ладью двигаться дальше. Сначала лебединые ноги шагали, потом побежали гуськом и, наконец, понеслись рысью на юг.

Кугель вылез из пруда, осмотрел магическую линзу, засунул ее в поясную сумку и взглянул назад, в сторону Смолода. Он уже побрел на юг, но остановился, достал линзу из сумки, закрыл ладонью левый глаз и приставил линзу к правому. Вдали, один выше другого, снова выросли многоярусные дворцы с башнями и висячими садами на террасах… Кугель готов был долго разглядывать эту заманчивую картину, но Фиркс начинал беспокоиться.

Надежно упрятав фиолетовую линзу в поясную сумку, Кугель повернулся лицом на юг и пустился в долгий путь — обратно в Альмерию.

Силь

Закат в безлюдных северных просторах — скорбное зрелище, подобное вялому кровотечению мертвого животного. Когда сгустились сумерки, Кугель все еще брел по солончаковой пустоши. Темно-красное вечернее зарево обмануло его: сперва под ногами была влажная каменистая почва холодных низин, но мало-помалу она размягчилась и начала хлюпать; теперь со всех сторон его окружали топкая грязь, пучки болотной травы, редкие карликовые деревца и трясины, пестревшие лужами, отражавшими свинцово-пурпурное небо.

Заметив на востоке пологие холмы, Кугель направился туда, перепрыгивая от кочки к кочке и опасливо перебегая промежутки по солончаковой корке. То и дело он оступался и растягивался в грязи или на подстилке гниющего тростника — в каковых случаях его частые угрозы и оскорбления в адрес Смешливого Волшебника достигали мстительной кульминации.

Сумерки еще позволяли что-то видеть, когда Кугель, пошатываясь от усталости, достиг ближайшего из восточных холмов — но здесь его

положение только ухудшилось. Некие разбойники-полулюди заметили его приближение и теперь решили напасть. Кугель почуял отвратительную вонь прежде, чему услышал их шаги; забыв об усталости, от стал поспешно взбираться по склону, преследуемый бандитами.

На фоне сумрачного неба темнела полуразрушенная башня. Взобравшись по замшелым глыбам, Кугель выхватил шпагу и встал в проеме, некогда служившем входом. Внутри было тихо, пахло пылью и влажным камнем. Опустившись на колено, Кугель пригляделся и заметил силуэты трех уродливых фигур, стоявших на краю развалин.

«Странно! — подумал Кугель. — Хорошо, конечно, что они остановились — но чего они боятся?» Судя по всему, человекообразные разбойники опасались чего-то, что находилось в башне.

Погасли последние отсветы заката. Но даже в темноте многое подсказывало Кугелю, что башню кто-то населял или посещал. Предчувствие оправдалось: посреди ночи появился призрак в бледных одеяниях, с серебряной короной на голове, украшенной двадцатью лунными камнями на длинных серебряных иглах. Туманный призрак подлетел почти вплотную к Кугелю,

уставившись на него пустыми глазницами, в бездне которых грозили потонуть любые человеческие мысли. Кугель прижался спиной к стене так плотно, что у него затрещали кости, и не мог даже пальцем пошевелить.

Призрак заговорил: «Снеси этот форт! Пока здесь камень остается на камне, мне суждено прозябать в этой башне — даже после того, как Земля остынет и будет вечно кружиться во мраке».

«С готовностью оказал бы вам содействие, — прохрипел Кугель, — если бы снаружи меня не подстерегали каннибалы, желающие мной поужинать».

«В тыльной стене башни есть проход. Осторожность и ловкость помогут тебе. А затем выполни мой завет! Не забудь!»

«Считайте, что от форта ничего не осталось! — лихорадочно пообещал Кугель. — Но какие обстоятельства принудили вас к безвыходному пребыванию в башне?»

«Они забыты. Остался только я. Выполняй же обещание — или я напущу на тебя сглаз бесконечной скуки, и ты разделишь мою судьбу!»

Кугель проснулся в темноте — озябший, с затекшими руками и ногами. Как долго он проспал? Призрак исчез. Выглянув из прохода, Кугель заме-

тил на востоке признаки приближения рассвета.

Казалось, Солнце никогда не взойдет — но в конце концов оно появилось, пронзив темный проход пламенным лучом, озарившим тыльную стену башни. Там Кугель обнаружил каменную лестницу, спускавшуюся в тесный пыльный коридор; через пять минут опасливого перемещения на ощупь Кугель выбрался на поверхность холма. Притаившись в укрытии, он осмотрел окрестности и заметил трех разбойников, по одиночке прятавшихся за обломками каких-то опор или колонн.

Вынув шпагу из ножен, Кугель с великой осторожностью прокрался к врагам. Достигнув первой распластавшейся на земле фигуры, он вонзил стальной клинок в жилистую шею. Бандит раскинул руки, царапая когтями камни, и сдох.

Кугель выдернул клинок и вытер его о шкуру трупа. Пригнувшись к самой земле и бесшумно передвигаясь от камня к камню, Кугель возник за спиной второго грабителя. Умирая, тот успел издать приглушенный стон. Третий разбойник вскочил и подбежал, чтобы узнать, в чем дело.

Выпрыгнув из укрытия, Кугель кинулся к нему. Разбойник закричал, выхватил кинжал и бро-

сился навстречу, но Кугель отскочил и швырнул в голову бандита тяжелый камень, поваливший того навзничь. Будучи неспособен встать, разбойник лежал и морщился от боли и ненависти.

Кугель подошел к нему, остановившись на безопасном расстоянии: «Ты скоро умрешь. Скажи мне все, что знаешь о спрятанном сокровище».

«Ни о каких сокровищах я ничего не знаю, — сказал бандит. — Но если бы даже знал, ничего бы тебе не сказал, потому что ты меня убил».

«Я вынужден был защищаться, — возразил Кугель. — Вы меня преследовали, я вам ничем не угрожал. Зачем вы на меня напали?»

«Каждый хочет жить, каждому хочется есть. Жизнь и смерть одинаково несправедливы и бесполезны. Я презираю смерть так же, как я презираю жизнь».

Кугель задумался: «В таком случае у тебя нет никаких причин придавать особое значение моей роли в процессе твоего перехода от жизни к смерти. Таким образом, вопрос о спрятанном сокровище снова приобретает смысл. Может быть, в последнюю минуту ты пожелаешь что-нибудь сообщить по этому поводу?»

«Хорошо. Я покажу тебе мое единственное сокровище». Урод-получеловек вынул из-за пазухи

белый окатыш: «Это черепной камень василиска, и в мою последнюю минуту он дрожит от яростных чар. Проклинаю тебя всей силой этих чар! Чтоб ты сдох на этом месте, изъеденный гниющими язвами!»

Кугель поспешно прикончил бандита, после чего огорченно вздохнул. Ночь не принесла ему ничего, кроме затруднений. «Юкоуну! — погрозил он кулаком в небо. — Если я выживу, как я с тобой рассчитаюсь!»

Обернувшись, Кугель взглянул на развалины форта. Иные камни кладки можно было бы свалить одним прикосновением; другие, однако, потребовали бы немалых усилий. Он вполне мог бы не дожить до завершения подобного сизифова труда. Каким проклятием наградил его бандит? Пожелал, чтобы Кугель сдох на месте, изъеденный язвами? До чего неприятный субъект, просто какое-то исчадие порока! Проклятие призрака в короне из лунных камней представлялось не менее внушительным: чем он пригрозил? Бесконечной скукой?

Потирая подбородок, Кугель многозначительно кивнул. Повысив голос, он обратился к руинам башни: «Многоуважаемый призрак! Никак не могу здесь остаться, чтобы выполнить ваше

поручение. Мне удалось прикончить разбойников, и теперь я ухожу. Прощайте! Желаю, чтобы вечность прошла для вас как можно скорее».

Из глубины развалин послышался стон; Кугель почувствовал присутствие неведомого. «Да сбудется же мое проклятие!» — прошептал голос у него в голове.

Кугель быстрым шагом направился на юго-восток. «Превосходно! — увещевал он себя. — Все идет хорошо. Угроза „бесконечной скуки“ достаточно уравновешивает перспективу „сдохнуть на месте“. Остается, конечно, опасность покрыться „гниющими язвами“, но Фиркс уже эффективно выполняет сходную функцию. Когда имеешь дело с проклятиями, сообразительность не мешает».

Кугель продолжал шагать по унылой каменистой равнине, пока форт на холме не скрылся из вида, и через некоторое время снова вышел к морю. Поднявшись на береговой откос, он взглянул направо и налево: в обе стороны тянулся одинаковый песчаный пляж. Вдали, на востоке, темнел какой-то мыс; такой же мыс виднелся и на западе. Кугель спустился на пляж и направился на восток. Угрюмо-серый апатичный океан омывал вялыми волнами ровный песок, не оставляя на нем никаких следов.

Впереди появилось темное пятнышко. По ближайшем рассмотрении пятнышко превратилось в пожилого человека, стоявшего на коленях и просеивавшего песок через сито.

Кугель остановился рядом, чтобы понаблюдать за этим процессом. Старик с достоинством кивнул ему и продолжил свое занятие.

Наконец, любопытство заставило Кугеля спросить: «Что вы так усердно ищете?»

Старик отложил сито и стряхнул с рук песок: «Давным-давно, на этом пляже, мой прапрадед потерял браслет. Всю свою жизнь он просеивал песок, надеясь найти потерянное. Его сын, а за ним и мой дед, потом мой отец, а теперь и я, последний в нашем роду, делали то же самое. Мы просеяли песок на всем пути от Силя, но до Переклада Бенбаджа остались еще шесть лиг».

«Эти наименования мне неизвестны, — сказал Кугель. — Переклад Бенбаджа? Где это?»

Старик указал на мыс, темневший на западе: «Старинный порт. Нынче от него остались только полуразрушенный волнолом, ветхий причал и пара хижин. Тем не менее, когда-то баркасы из Переклада бороздили море до Фульгунто и до самого Мелля».

«Опять же, я никогда не слышал этих назва-

ний, — признался Кугель. — Что там, за Перекладом Бенбаджа?»

«Берег поворачивает к северу. Солнце восходит все ниже над трясинами и солончаками. Там никого нет, кроме нескольких всеми забытых изгоев».

Кугель повернулся на восток: «А там? Что можно найти в Силе?»

«Вся эта страна называется „Силь“. Мой предок уступил ее династии Домберов. От величия нашей земли ничего не осталось; только древний дворец и деревня. Дальше начинается темный и опасный лес. Печальная судьба постигла наше государство, ничего не скажешь», — старик покачал головой и вернулся к просеиванию песка.

Кугель понаблюдал за ним еще несколько минут, рассеянно вороша песок носком сапога, и при этом заметил, как под ним блеснуло что-то металлическое. Наклонившись, он поднял браслет из черного металла с лиловым отливом. По окружности браслет украшали тридцать небольших выступов в форме граненых кристаллов, причем каждый выступ окружала мелкая надпись из гравированных рун.

«Ха! — воскликнул Кугель, показывая браслет старику. — Смотрите, какая красивая вещица!

Своего рода драгоценность!»

Старик отложил совок и сито, выпрямился на коленях и медленно поднялся на ноги. Его круглые голубые глаза широко открылись, он резко нагнулся к браслету, протянув к нему руку: «Вы нашли амулет моих предков, династии Слэев! Отдайте его мне!»

Кугель отступил на шаг: «Постойте, постойте! Вы предъявляете неразумные требования!»

«Неправда! Это мой амулет! Не отдать его мне было бы преступлением. Неужели вы хотите, чтобы тяжкий труд всей моей жизни и четырех жизней моих предшественников пропал втуне?»

«Почему бы вам не радоваться тому, что амулет нашелся? — раздраженно спросил Кугель. — Теперь вам не придется его больше искать. Объясните, будьте добры, в чем заключается действие этого браслета? От него исходит дух могущественной магии. Чем он полезен своему владельцу?»

«Я его владелец! — простонал старик. — Молю вас, проявите щедрость!»

«Вы ставите меня в неудобное положение, — возразил Кугель. — Размеры моего имущества слишком невелики для того, чтобы я мог раздавать его направо и налево, но по той же причине

это никак нельзя назвать скупостью. Если бы вы нашли этот амулет, вы мне его отдали бы?»

«Нет! Потому что он мой!»

«По этому вопросу наши мнения расходятся. Допустите на минуту, что ваше убеждение не соответствует действительности. Вы можете убедиться своими глазами, что браслет находится у меня в руках и что я им распоряжаюсь — по сути дела, он является моим имуществом. Поэтому я был бы очень благодарен за любые сведения о возможностях и способах применения этого магического инструмента».

Старик воздел руки к небу и пнул свое сито с такой силой, что его сетка разорвалась, и сито откатилось по песку к самому краю воды. Прибой подхватил рваное сито, поплывшее за отступающей волной. Старик машинально бросился спасать его, но тут же всплеснул руками, отвернулся от моря и стал молча взбираться на береговой откос. Кугель неодобрительно покачал головой, пожал плечами и продолжил свое шествие по пляжу на восток.

Теперь ему пришлось иметь дело с нежелательным вмешательством Фиркса — тот считал, что кратчайшая путь в Альмерию лежал через Переклад Бенбаджа. Согнувшись от боли, Кугель

прижал руки к животу: «Есть только один возможный маршрут! Нужно идти на юг и на восток. Ты думаешь, что в Альмерию можно быстрее приплыть по морю? Но здесь нет никаких кораблей, а сам проплыть такое расстояние я не могу!»

Фиркс сомневался, но, еще несколько раз царапнув печень Кугеля, позволил ему продолжать путь на восток вдоль берега. Позади, на краю песчаного откоса, сидел и смотрел в морской горизонт старик с совком в руке.

Кугель двинулся дальше по пляжу, вполне удовлетворенный утренними событиями. По пути он внимательно изучал амулет: от него исходила волнующая эманация волшебства; кроме того, браслет сам по себе отличался исключительной красотой исполнения и отделки. К сожалению, Кугель не умел расшифровать руны, аккуратно вырезанные с очевидным мастерством. Кугель попробовал надеть браслет на руку; при этом он нечаянно нажал на один из граненых выступов. Откуда-то послышался отчаянный стон — звук, полный глубочайшего страдания. Кугель резко остановился, посмотрел по сторонам. Серое море, блеклая полоса песка, береговой склон, поросший пучками колючки-спинифекса. Переклад Бенбаджа на западе, Силь на востоке, пасмурное

небо над головой. Он был один. Откуда, в таком случае, раздался стон?

Кугель снова осторожно прикоснулся к тому же выступу браслета, и снова это вызвало чей-то горестный протест.

Заинтригованный, Кугель нажал на другой граненый выступ. На этот раз послышалось жалобное завывание другого голоса. Кугель недоумевал. Кто, на этом угрюмом морском берегу, решил заниматься легкомысленными шутками? Нажимая по очереди на каждый из выступов браслета, он вызвал к жизни целый концерт восклицаний, выражавших целый спектр мучений, горя и боли. Теперь Кугель поглядывал на браслет критически. Помимо звуковоспроизведения всевозможных стонов и всхлипываний, черный браслет не выполнял никаких очевидных полезных функций. Через некоторое время Кугелю надоело баловаться с амулетом.

Солнце достигло зенита. Кугель утолил голод водорослями, превратив их в нечто съедобное волшебным брелоком Юкоуну. Пока он ел, ему показалось, что он слышит какие-то голоса, чей-то беззаботный щебечущий смех — настолько отчетливо, что звуки эти могли бы издаваться прибоем. Поблизости в океан выдавалась уз-

кая скала. В конце концов Кугель решил, что заразительный веселый смех, отличавшийся ребяческой невинностью, мог исходить только со стороны этой скалы.

Кугель осторожно взошел на скалу. В ее дальнем конце, там, где плескались морские волны и волновались темные водоросли, на камне закрепились четыре большие двустворчатые раковины. Раковины были открыты: из них выглядывали головы — круглые, пухлощекие, белокурые головы с серовато-голубыми глазами. Можно было заметить также маленькие обнаженные плечи и руки. Существа эти опускали пальцы в воду и свивали из стекающих с пальцев струек воды нити, которые они затем ловко переплетали, изготовляя тонкую мягкую ткань. Как только на воду легла тень Кугеля, удивительные существа втянулись в раковины, и створки захлопнулись.

«Чего вы испугались? — шутливо спросил Кугель. — Вы всегда становитесь недотрогами, как только замечаете незнакомца? Чем объясняется такая робость? Или вы обиделись на весь мир?»

Створки не открывались. Вдоль их желобчатых поверхностей струилась набегавшая темная вода.

Кугель подошел еще на шаг, уселся на корточки и наклонил голову набок: «Может быть, вы зазнались? Настолько, что презираете всех окружающих? Или вам просто не хватает воспитанности?»

Ответа не последовало. Кугель, однако, продолжал сидеть на корточках, насвистывая мелодию, которую он слышал на азеномейской ярмарке.

Через некоторое время створки дальней, четвертой от Кугеля раковины чуть приоткрылись, и из щелки выглянули глаза. Посвистев еще немного, Кугель сказал: «Открывайтесь, открывайтесь! Путник из дальних стран хотел бы узнать у вас дорогу в Силь и несколько других, не менее важных вещей!»

Приоткрылась еще одна раковина: в ее темной глубине блеснула пара глаз.

«Может быть, конечно, вы ничего не знаете, — Кугель презрительно хмыкнул. — Может быть, все, что вам известно — цвет рыбьей чешуи и вкус соленой воды…»

Створки дальней раковины открылись шире; из нее послышался обиженный голосок: «Мы много чего знаем, неправда!»

«И мы очень даже воспитанные, никого не презираем и ни перед кем не зазнаемся!» — выкрик-

нул голосок из второй раковины.

«И робеть нам ни к чему!» — прибавил третий голос.

Кугель понимающе кивнул: «Вполне может быть. Но почему же вы так поспешно втянулись в раковины, как только я подошел?»

«Врожденная привычка, — пояснило существо из первой раковины. — Кое-какие морские хищники не прочь застать нас врасплох. Лучше спрятаться, а потом уже решать, что делать дальше».

Теперь раскрылись створки всех четырех раковин, хотя ни одна из них не распахнулась так же широко, как до появления Кугеля.

«Что ж, — произнес Кугель, — не могли бы вы рассказать мне о городе под названием Силь? Принимают ли там гостеприимно чужеземцев? Или прогоняют дубьем за окраину? Есть ли в Силе какие-нибудь гостиницы — или путникам приходится спать в канаве?»

«Практический опыт не позволяет нам подробно ответить на ваши вопросы, — ответил обитатель первой раковины. — Тем не менее, если доверять морским слухам, население Силя отличается замкнутостью и подозрительностью. То же самое говорят об их правительнице, девице

из древнего рода Домберов».

«А вот идет-бредет дряхлый Слэй, — объявила голова из другой раковины. — Что-то он необычно рано возвращается к себе в избушку».

Третья голова хихикнула: «Слэй состарился. Никогда он не найдет свой амулет, и династия Домберов будет править Силем, пока Солнце не погаснет».

«О чем вы говорите? — наивно поинтересовался Кугель. — О каком таком амулете?»

«Сколько мы себя помним, — объяснило ближайшее морское существо, — старый Слэй просеивал песок. Тем же занимались его отец и другие Слэи — многие годы. Все они искали металлический браслет, с помощью которого надеялись восстановить свои древние привилегии».

«Интереснейшая легенда! — с энтузиазмом воскликнул Кугель. — Но как действует этот амулет, и как привести его в действие?»

«Может быть, Слэй располагает такими сведениями», — с сомнением произнесла голова в одной из раковин.

«Но из него ничего не вытянешь, — возразила другая голова. — Старый скупердяй впадает в детство. Он даже песок просеивает, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку и не от-

дают».

«Так где же добыть эти сведения? — настаивал Кугель. — Разве на этот счет нет никаких морских легенд? Может быть, это объясняется надписью на какой-нибудь древней скрижали или набором иероглифов?»

Существа в раковинах весело рассмеялись: «Ты так серьезно об этом спрашиваешь, как будто ты сам — наследник династии Слэев. Откуда нам знать такие вещи?»

Скрывая недовольство, Кугель продолжал расспросы, но ребячливые обитатели раковин не могли ни на чем надолго сосредоточиться. Они отвлеклись обсуждением океанских течений, поспорили об оттенках жемчужин и высказали несколько предположений по поводу характера замеченного ими вчера всплывшего глубоководного чудища. Через несколько минут Кугелю удалось снова вставить вопрос о династии Слэев и волшебном амулете. Но существа в раковинах опять проявили детскую непоследовательность и через некоторое время, по-видимому, вообще забыли о присутствии Кугеля, опуская пальцы в воду и вытягивая из струек бледные нити. Нахальство каких-то брюхоногих владельцев витых раковин заслужило их неодобрение; кроме того,

у них вызывала оживленный интерес крупная погребальная урна, лежавшая на морском дне недалеко от берега.

В конце концов Кугель устал от их болтовни и поднялся на ноги, что снова привлекло к нему внимание обитателей раковин: «Ты уже уходишь? Так рано? Мы как раз хотели поинтересоваться причиной твоего присутствия. По Большому Песчаному пляжу почти никто не ходит, а ты выглядишь, как человек, пришедший издалека».

«Так оно и есть, — отозвался Кугель. — И мне предстоит еще долгий путь. Обратите внимание: Солнце склоняется к западу, а мне еще нужно как-нибудь устроиться на ночлег в Силе».

Подняв руки, одно из раковинных существ продемонстрировало тонкое покрывало, сотканное из водяных нитей: «Мы предлагаем тебе в дар это одеяние. Судя по всему, ты — человек чувствительный, и тебе потребуется защита от ветра и холода». Существо подкинуло покрывало; Кугель поймал его и рассмотрел, поражаясь податливости ткани и ее блестящей прозрачности.

«Не знаю, как вас благодарить! — сказал Кугель. — Такая щедрость превосходит все мои ожидания». Он обернулся в покрывало, но оно

тут же превратилось в холодную морскую воду, насквозь пропитавшую одежду Кугеля. Из четырех раковин раздались злорадные радостные возгласы; Кугель яростно шагнул к моллюскам, но раковины тут же захлопнулись.

Кугель пнул створку существа, подарившего ему покрывало, но только ушиб ступню, что прибавило ему злости. Схватив тяжелый камень, он швырнул его в раковину и разбил ее. Выдернув пищащего моллюска, он сбросил его со скалы на пляж. Существо растянулось на песке — голова и маленькие руки, соединенные с бледными внутренностями — и укоризненно смотрело на него.

«За что ты меня так жестоко наказал? — слабым голосом спросил человекообразный моллюск. — Я просто пошутил, а ты отнял у меня жизнь. Другой жизни у меня нет».

«Тем лучше — больше не будешь глупо шутить! — заявил Кугель. — Изволь заметить: я промок до нитки!»

«Всего лишь проказа — что в этом такого? — голос моллюска становился едва слышным. — Нам, жителям прибрежных скал, неведомы могущественные чары, но я наделен даром предвидения и прорицаю: Солнце еще не взойдет снова, как

ты лишишься того, чего сокровенно желаешь больше всего. Да постигнет тебя утрата!»

«Опять проклятие? — Кугель раздраженно отвернулся. — Сегодня меня уже проклинали дважды — и все впустую. А теперь мне на шею повесили еще одно?»

«Грядущее неизбежно, — прошептал обитатель раковины. — Запомни мои последние слова».

«Склонность к злорадному издевательству — достойная порицания черта характера, — тревожно оправдывался Кугель. — Сомневаюсь в том, что твое предсказание сбудется. Тем не менее, было бы желательно, чтобы ты избавил меня от неприятных опасений и тем самым заслужил мое одобрение».

Но моллюск молчал и вскоре превратился в лужицу мутной слизи, постепенно поглощаемую песком.

Кугель отправился дальше по пляжу, пытаясь придумать, как лучше всего было бы избежать последствий предсказания говорящего моллюска. «Когда имеешь дело с проклятиями, сообразительность не мешает, — снова увещевал он себя. — Ведь не зря же меня прозвали Пройдохой Кугелем!» Но подходящий способ никак не приходил ему в голову; оставляя за собой по-

степенно исчезающие следы на влажном песке, он продолжал обдумывать различные аспекты возникшей ситуации.

Силуэт восточного мыса становился четким. Теперь Кугель замечал, что мыс порос сплошным покровом высоких темных деревьев, а между деревьями виднелись беленые стены каких-то строений.

Кугелю снова повстречался Слэй, бегавший, как безумный, взад и вперед по пляжу. Приблизившись к Кугелю, старик упал на колени: «Отдайте браслет, сжальтесь! Он принадлежит династии Слэев, благодаря ему мы правили Силем! Отдайте его мне, и я исполню любое ваше желание!»

Кугель остановился. Вот еще головоломка! Если он отдаст старику амулет, тот, без всякого сомнения, обманет его или по меньшей мере не сможет выполнить свое обещание — принимая во внимание прорицание говорящего моллюска. С другой стороны, отказав Слэю, Кугель так или иначе потерял бы то, чего хотел больше всего — опять же, если прорицанию моллюска суждено было сбыться — но сохранил бы браслет.

Слэй неправильно истолковал нерешительное молчание Кугеля как признак возможной

уступчивости. «В моих владениях вы станете знатным грандом! — лихорадочно торопил его старик. — Вам построят двухпалубный баркас из резной слоновой кости, вам будет прислуживать гарем из двухсот девственниц, ваших врагов сварят в крутящемся котле — только отдайте мне амулет!»

«Браслет придает такую власть? — поднял брови Кугель. — Возможны ли все перечисленные вами чудеса?»

«Возможны, возможны! — кричал Слэй. — Умеющий читать руны приобретает такую власть!»

«В таком случае объясните, что означают эти руны».

Слэй устремил на него взгляд, полный горестной укоризны: «Не могу сказать. Сперва я должен получить амулет!»

Кугель презрительно махнул рукой: «Вы отказываетесь удовлетворить мое любопытство. В свою очередь, я отвергаю ваши наглые притязания!»

Слэй взглянул на мыс, где за деревьями проглядывали стены беленых зданий: «Все понятно! Вы сами хотите править Силем!»

«Существуют менее привлекательные перспективы», — подумал Кугель. Угадав направление

его мыслей, Фиркс заключил печень Кугеля в предупреждающе когтистое объятие. Кугелю пришлось с сожалением отказаться от столь амбициозных планов; тем не менее, они навели его на мысль о возможности нейтрализации предсказания говорящего моллюска. «Если мне предстоит утрата того, чего я желаю больше всего, — подумал Кугель, — было бы желательно поставить перед собой новую цель, по меньшей мере нечто, возбуждающее непритворный энтузиазм на протяжении суток. Поэтому теперь я хочу править Силем, и таково мое самое страстное и сокровенное желание». Для того, чтобы успокоить бдительного Фиркса, вслух Кугель произнес: «Мне нужен этот браслет, потому что я должен решить важную задачу. Для ее решения может потребоваться, в частности, чтобы я стал единоличным правителем Силя, причем я имею право стать таким правителем, так как являюсь законным владельцем амулета».

Слэй язвительно расхохотался: «Сперва вам придется убедить Дерви Корем в том, что у вас есть соответствующие полномочия. Она — наследница династии Домберов, капризное создание, подверженное мрачным подозрениям. Выглядит она, как соблазнительная девушка,

но пусть внешность вас не обманывает — ей свойственна порожденная длительными раздумьями изощренная жестокость лесного василиска. Остерегайтесь Дерви Корем — она прикажет утопить вас, вместе с браслетом, в морской пучине!»

«Если вы считаете, что она настолько опасна, — изобретательно заметил Кугель, — почему бы вам не научить меня пользоваться амулетом, чтобы я мог предотвратить такие последствия?»

Но Слэй упрямо мотал головой: «Недостатки Дерви Корем общеизвестны. Почему бы я пожертвовал возможностью ее свержения ради нелепых, наглых притязаний какого-то бродяги?»

Оскорбленный откровенным пренебрежением Слэя, Кугель наградил его увесистым тумаком, после чего продолжил путь вдоль берега. Перед ним уже громоздился крутой мыс, и теперь большие деревья, казалось, выросли еще выше. Сквозь темную листву проглядывали балюстрады, окружавшие сильские сады; чуть ниже, на оконечности мыса, находилась обнесенная колоннами ротонда, откуда открывался вид на океан. «Неплохо они тут устроились!» — подумал Кугель, разглядывая амулет с новым интересом. Заявленное им стремление взять в свои руки правление Силем становилось непритворным.

Теперь Кугель спрашивал себя: не следовало ли ему сосредоточить внимание на каком-нибудь другом «сокровенном желании» — например, на постижении навыков животноводства или исполнения акробатических трюков...» Ему пришлось с сожалением отказаться от идеи начать новую профессиональную карьеру. Так или иначе, к правдоподобности предсказания обитателя морской раковины следовало относиться скептически.

Извилистая тропа поднималась от пляжа среди порослей ароматических кустарников — димфиана, валерианы, черной айвы, олуса — и красочных дикорастущих скоплений высокостебельных «звездных слезок», тенелюбивой верверики и разноцветных мухоморов. Пляж превратился в полосу, сливающуюся вдали с каштановой дымкой заката, а западный мыс Переклада Бенбаджа отсюда уже не было видно. Тропа выровнялась, пересекая плотную лавровую рощу, и привела Кугеля на поросшую сорняками обширную овальную площадь — по-видимому, когда-то здесь устраивали парады или спортивные состязания.

С левой стороны площадь ограничивалась высокой каменной стеной, прерывавшейся огромным церемониальным порталом с закреп-

ленным на нем древним геральдическим щитом. За открытыми воротами портала начиналась выложенная мраморными плитами прогулочная аллея длиной не меньше полутора километров, ведущая к дворцу — пышно декорированному многоэтажному зданию с позеленевшей бронзовой крышей. Перед дворцом возвышалась терраса — к ней с мраморной аллеи поднимались широкие ступени. Небо темнело — Солнце уже зашло. Не замечая вокруг никакого другого подходящего убежища, Кугель направился к дворцу.

Когда-то мраморная аллея была, по всей видимости, монументальным парковым сооружением, предназначенным для развлечений элегантной знати, но с тех пор дворцовый парк пришел в запустение, которому вечерняя заря придавала меланхолическую красоту. По обеим сторонам простирались искусно спланированные сады, ныне заброшенные и заросшие быльем. Аллею окаймляли ряды мраморных урн, украшенных искусственными гирляндами из сердолика и нефрита. Посреди аллеи тянулся ряд пьедесталов чуть выше человеческого роста, разделенных равными промежутками длиной примерно в пять шагов. На каждом пьедестале

был установлен бюст, обозначенный рунической надписью — Кугель распознал в этих надписях те символы, которыми гравер окружил граненые выступы браслета Слэев. Вереница пьедесталов с бюстами продолжалась по всей аллее, до самой террасы дворца. Резьбу ближайших ко входному порталу бюстов настолько сгладили дожди и ветры, что черты изображенных лиц едва можно было различить. Дальнейшие бюсты сохранились лучше. На Кугеле, устало маршировавшем к дворцу, одно за другим ненадолго задерживали взоры каменные лица. Последний бюст, перед ступенями, ведущими на террасу, изображал молодую женщину. Кугель остановился, как вкопанный: даже в смутных сумерках он сразу узнал лицо девушки в шагающей ладье, встретившейся ему далеко на севере: это была не кто иная, как Дерви Корем из династии Домберов, правительница Силя!

Мучимый опасениями, Кугель задержался, рассматривая громадный фасад дворца. Его расставание с Дерви Корем никак нельзя было назвать дружеским; скорее всего она подозревала, что Кугель похитил у нее магическую линзу. С другой стороны, при первой встрече она пригласила его к себе во дворец и говорила

с ним самым благожелательным тоном. Может быть, подозрения уже рассеялись, а благожелательность осталась? Вспоминая о неотразимой красоте принцессы в волшебной ладье, Кугель чувствовал, что не прочь был бы увидеться с ней снова.

Но что, если Дерви Корем затаила на него злобу? Пожалуй, на нее произвел бы должное впечатление черный браслет Слэев — постольку, поскольку она не знала, что Кугель не умел им пользоваться. Если бы только он знал, как прочесть рунические надписи, все было бы так просто! Но старый Слэй отказывался объяснить значение рун, а во дворце мог скрываться источник этих полезнейших сведений.

Кугель стоял у первой ступени пологой лестницы, ведущей на террасу. Мраморная поверхность ступеней растрескалась, балюстрада террасы покрылась пятнами мха и лишайника — в сумраке наступающей ночи все это внушало ощущение скорбного величия. Судя по всему, дворец как таковой находился в лучшем состоянии. Сразу за террасой была устроена чрезвычайно высокая аркада с изящными каннелированными колоннами и покрытым изощренной резьбой антаблементом — что изображали эти орнаменты,

Кугель уже не мог различить в сумраке. Между колоннами поблескивали высокие арочные окна, озаренные изнутри тусклыми огнями; посреди фасада темнел огромный входной портал.

Кугель медленно взошел по ступеням — его снова обуревали сомнения. Что, если Дерви Корем насмеется над его претензиями и с вызовом предложит ему воспользоваться чарами браслета? Что тогда? Стоны и горестные восклицания бесплотных духов, вызванные амулетом, могли оказаться недостаточными. Кугель неохотно пересек террасу — оптимизм покидал его с каждым шагом — и остановился под аркой; вероятно, лучше было бы искать убежища в другом месте. Когда он обернулся, однако, ему показалось, что он заметил высокую неподвижную фигуру, стоявшую у пьедестала. Не помышляя больше о поисках другого приюта, Кугель поспешно подошел к двустворчатой двери: представившись не более чем скромным путником, ищущим ночлега, возможно, ему удалось бы избежать внимания принцессы. На ступенях, ведущих к террасе, послышались вкрадчивые шаги. Кугель торопливо поднял и опустил дверной молоток. Во внутренних помещениях дворца стук отозвался многократным эхо.

Прошла минута, и Кугелю показалось, что он снова слышит какие-то шорохи за спиной. Он постучал снова, и опять по дворцу разнеслось эхо. В двери открылась смотровая щель — чей-то глаз внимательно разглядывал Кугеля. Глаз исчез — в щели появился рот: «Кто вы такой? И что вам нужно?» Рот сместился в сторону, к щели приложилось ухо.

«Я — странник. Хотел бы где-нибудь переночевать, и с этим нужно спешить, потому что меня преследует какое-то кошмарное существо».

Опять появился глаз, методично осмотревший террасу, после чего снова сосредоточивший внимание на Кугеле: «У вас есть какие-нибудь рекомендательные письма или документы, подтверждающие вашу респектабельность?»

«У меня их нет», — сокрушенно признался Кугель. Обернувшись, он торопливо прибавил: «Я предпочел бы, если возможно, обсуждать любые дальнейшие вопросы внутри, так как преследующее меня существо уже поднимается по ступеням».

Смотровая щель захлопнулась. Кугель уставился на закрытую дверь. Он несколько раз громко постучал дверным молотком, оглядываясь и пытаясь различить, что происходило в темноте.

Что-то звякнуло — дверь со скрипом приоткрылась. Из-за нее выглянул низенький коренастый человек в красновато-лиловой ливрее, нервными жестами подзывавший Кугеля: «Заходите, скорее!»

Кугель ловко проскользнул за дверь, и привратник захлопнул ее, тут же опустив три чугунных засова. Едва он успел это сделать, как снаружи кто-то надавил на дверь — она слегка затрещала.

Лакей торжествующе ударил по двери кулаком. «И опять я его надул! — с удовлетворением констатировал он. — Если бы я замешкался, он уже на вас набросился бы — к моему и к вашему огорчению. Я не в первый раз так развлекаюсь, в последний момент умыкая добычу из-под носа этого мерзавца».

«Вот как! — тяжело дыша, отозвался Кугель. — И какого рода мерзавец занимается охотой за посетителями у вас на террасе?»

Привратник пожал плечами: «О нем никто не знает ничего определенного. Он стал появляться только в последнее время, бродит по ночам между статуями. По всей видимости, это вурдалак, движимый неестественной похотью — каковой факт могли бы подтвердить несколько моих коллег, если бы они не погибли

в результате его гнусных домогательств. Так что теперь, чтобы развеять скуку, я дразню эту тварь, чтобы вызвать у нее разочарование и досаду». Лакей отошел на пару шагов, чтобы получше рассмотреть посетителя: «А вы? Какими побуждениями вы руководствуетесь? Ваша манера держаться, наклон головы и беспокойно бегающие глаза свидетельствуют об опрометчивости и непредсказуемости. Надеюсь, вы сможете сдерживать эти наклонности, если они на самом деле существуют».

«В данный момент, — сказал Кугель, — мои наклонности очень просты: меня устроила бы какая-нибудь ниша с кушеткой и что-нибудь съедобное на ужин. Предоставив мне такие удобства, вы обнаружите, что я — самый обходительный и благожелательный из людей. В частности, я готов принять участие в ваших развлечениях и придумать какую-нибудь новую приманку для вурдалака».

Лакей поклонился: «Ваши потребности будут удовлетворены. Так как вы прибыли издалека, наша правительница хотела бы побеседовать с вами — и сможет оказать вам щедрое гостеприимство, намного превосходящее упомянутые вами минимальные запросы».

Кугель поспешил заверить привратника в отсутствии у него подобных амбиций: «Я — человек низкого происхождения. Моя одежда испачкалась и пропотела. По сути дела, я воняю. Кроме того, я не отличаюсь красноречием, и от меня можно услышать только банальные пошлости».

«Мы постараемся устранить эти изъяны, — заверил его лакей. — Будьте добры, следуйте за мной».

Он провел Кугеля по коридорам, освещенным факелами, и наконец повернул в апартаменты, состоявшие из нескольких примыкавших одно к другому помещений: «Здесь вы сможете вымыться. А я тем временем почищу ваш костюм и найду свежее белье».

Кугель неохотно разделся. Он выкупался, подстриг свои мягкие черные волосы, побрился и натерся ароматным, покалывающим кожу маслом. Лакей принес свежее белье и чистый костюм; освеженный, Кугель оделся и почувствовал себя гораздо лучше. Надевая куртку, он случайно прикоснулся к одному из граненых выступов амулета, с которым не расставался и в ванной. Откуда-то из-под пола послышался стон, полный отчаянной, безысходной скорби.

Лакей испуганно подпрыгнул, после чего при-

смотрелся к браслету на руке Кугеля. У него отвисла челюсть, он сразу стал вести себя подобострастно: «Глубокоуважаемый господин, если бы я сразу распознал ваше высокое происхождение, я провел бы вас в подобающие вельможные апартаменты и предложил бы на ваш выбор лучшие наряды из нашего гардероба».

«Я не жалуюсь, — отозвался Кугель. — Хотя, раз уж вы затронули этот вопрос, простыни не отличаются первой свежестью». Шутливо подчеркивая свои слова, он постучал пальцем по выступу браслета, надетого на кисть левой руки, и последовавший горестный вой заставил задрожать колени лакея.

«Умоляю вас о снисхождении!» — проблеял слуга.

«О чем тут говорить! — снисходительно успокоил его Кугель. — По правде говоря, я надеялся проникнуть во дворец инкогнито, если можно так выразиться — чтобы посмотреть, как идут дела, ни во что не вмешиваясь».

«Весьма предусмотрительно с вашей стороны, — согласился лакей. — Не сомневаюсь, что по ближайшем рассмотрении их проступков, вы пожелаете уволить мажордома Сармана и помощника шеф-повара Бильбаба. Что касается

меня — может быть, когда ваше сиятельство соизволите восстановить прежнее величие Силя — для привратника Йодо, самого преданного и расторопного из ваших слуг, при дворе найдется какая-нибудь синекура…»

Кугель ответил великодушным жестом: «Если представится такая возможность — а в этом и состоит, разумеется, мое самое сокровенное желание — я о вас не забуду. Пока что я хотел бы незаметно оставаться в этих апартаментах. Вы могли бы подать мне здесь какой-нибудь подходящий ужин — с отборными винами, разумеется».

Йодо низко поклонился, прижав к груди одну руку и почти подметая пол другой: «Как будет угодно вашему сиятельству». Лакей удалился. Кугель развалился на самом удобном из диванов и снова принялся изучать амулет, немедленно вызвавший у Йодо приступ беззаветной преданности. Руны по-прежнему оставались невразумительными, а граненые выступы браслета по-прежнему заставляли раздаваться таинственные кошмарные стоны и завывания, помимо их развлекательных качеств не выполнявшие никакой полезной функции. Вспоминая все известные ему магические формулы, Кугель пробовал привести амулет в действие заклинаниями, заговорами,

командами и предписаниями — но тщетно.

Йодо вернулся в апартаменты без ужина, заказанного Кугелем.

«Ваше сиятельство! — объявил он. — Имею честь передать вам приглашение на вечерний банкет от прежней правительницы Силя, Дерви Корем».

«Как это может быть? — недовольно спросил испуганный Кугель. — Она не должна была подозревать о моем присутствии во дворце. Насколько я помню, я дал на этот счет недвусмысленные указания».

Йодо снова поклонился, подметая пол рукой: «Я неукоснительно выполнял указания вашего сиятельства. Тем не менее, ухищрения Дерви Корем превосходят мое понимание. Каким-то образом она узнала о вашем посещении и приказала мне передать приглашение».

«Что ж, так и быть, — угрюмо пробормотал Кугель. — Будьте так любезны, проводите меня. Вы упомянули ей о моем браслете?»

«Дерви Корем знает обо всем, — уклончиво ответил Йодо. — Прошу вас, пройдите за мной».

Он снова провел Кугеля по длинным коридорам и, наконец, через высокий узкий арочный проход, ведущий в огромный зал. По обеим сто-

ронам зала выстроились фигуры в бронзовых латах и в шлемах, украшенных в шахматном порядке белыми костяными и черными агатовыми пластинками. Фигур этих было сорок, но только шесть доспехов использовались живыми людьми; остальные поддерживались стойками. Закопченные перекладины высокого потолка опирались на преувеличенно удлиненных атлантов с причудливо искаженными лицами; на полу расстилался роскошный черный ковер с зелеными концентрическими кольцами.

Дерви Корем сидела в дальнем конце зала за круглым столом, настолько массивным, что рядом с ним она казалась девочкой — мрачно задумавшейся девочкой изысканной красоты. Кугель приблизился к ней с притворной самоуверенностью и сухо поклонился. Дерви Корем смерила его взглядом, выражавшим обреченную покорность судьбе — глаза ее остановились на черном браслете. Глубоко вздохнув, она спросила: «С кем я имею честь говорить?»

«Мое имя не имеет значения, — ответил Кугель. — Называйте меня „ваше превосходительство“».

Дерви Корем безразлично пожала плечами: «Как вам угодно. Ваше лицо кажется мне знако-

мым. Вы напоминаете мне бродягу, которого я недавно приказала выпороть».

«Я — тот бродяга, с которым вы повстречались в Смолоде, — признал Кугель. — Не могу утверждать, что ваши поступки произвели на меня исключительно приятное впечатление, и теперь хотел бы потребовать от вас объяснений». С этими словами Кугель прикоснулся к выступу амулета: раздался настолько отчаянный, исходящий из глубины души стон, что на столе зазвенели хрустальные бокалы.

Дерви Корем моргнула, у нее вытянулось лицо. Она ответила неприветливо и совсем не мелодично: «По всей видимости, я допустила непростительную ошибку и не распознала в вас высокопоставленную персону, будучи введена в заблуждение вашей внешностью, подобающей скорее бездельнику и проходимцу».

Кугель сделал шаг вперед, взял принцессу за маленький заостренный подбородок и повернул ее лицо вверх: «И все же вы просили меня навестить вас во дворце. Не так ли?»

Дерви Корем неохотно кивнула.

«Вот именно, — сказал Кугель. — Так что же? Я здесь!»

Дерви Корем улыбнулась и на мгновение снова

стала очаровательной: «Да, вы здесь — мошенник, безродный аферист, кто бы вы ни были! — и у вас на руке браслет, благодаря которому династия Слэев правила на протяжении двухсот поколений. Вы — наследник этого рода?»

«В свое время вы узнаете меня лучше, — уклонился Кугель. — Я человек щедрый, хотя временами и капризный. Если бы не мой приятель Фиркс… Так или иначе, я проголодался и приглашаю вас принять участие в банкете, который я приказал устроить расторопному Йодо. Будьте так добры, займите другое место, чтобы я мог сесть во главе стола».

Дерви Корем колебалась — Кугель демонстративно поднес руку к браслету. Принцесса живо пересела на другое место, а Кугель устроился в освобожденном ею кресле. Кугель постучал по столу: «Йодо! Куда он запропастился?»

«Здесь, ваше превосходительство!»

«Подай праздничный ужин — все лучшее, что есть во дворце!»

Йодо поклонился и поспешил прочь. Вскоре появилась целая череда лакеев с подносами и бутылями — стол накрыли блюдами и винами, превосходившими ожидания Кугеля.

Кугель не забыл применить магический

брелок, предоставленный ему Смешливым Волшебником: брелок не только превращал отходы органического происхождения в питательную массу, но и предупреждал сигналом, напоминавшим дрожание камертона, о наличии каких-либо ядовитых или вредных веществ. Первые несколько блюд оказались безупречными — Кугель с удовольствием утолил голод. Старые сильские вина также заслужили его одобрение; Кугель опорожнил немало бокалов из черного стекла, резной киновари и слоновой кости, инкрустированной бирюзой и перламутром.

Все это время Дерви Корем всего лишь играла с едой и пригубила немного вина, задумчиво поглядывая на Кугеля. Принесли другие деликатесы; Дерви Корем наклонилась к Кугелю и спросила: «Вы действительно намерены править Силем?»

«Таково мое сокровенное желание!» — горячо подтвердил Кугель.

Дерви Корем придвинулась ближе: «И вы не откажетесь содержать меня в качестве супруги-соправительницы? Ведь не откажетесь? Это будет для вас удобно во всех отношениях».

«Посмотрим, посмотрим, — великодушно отозвался Кугель. — Сегодня одно, завтра — другое.

Несомненно, предстоят существенные перемены».

Дерви Корем блекло улыбнулась и кивком подозвала Йодо: «Принеси самое старое из наших вин — выпьем за здоровье нового правителя Силя!»

Йодо поклонился и принес матовую бутыль, покрытую паутиной и пылью. Бутыль эту он разместил со всеми предосторожностями на подставке для декантации и наполнил драгоценным вином хрустальные бокалы. Кугель приподнял бокал и почувствовал, как задрожал предупреждающий брелок у него на груди. Он тут же опустил свой бокал — тем временем Дерви Корем подносила к губам другой. Протянув руку, он отнял у нее бокал — брелок снова задрожал. Яд в обоих бокалах? Странно. Может быть, она только приложила губы к стеклу, но не собиралась пить? Может быть, она приняла противоядие?

Кугель подал знак лакею: «Еще один бокал, будьте добры… и подставку с бутылью». Налив вино в третий бокал, Кугель опять почувствовал дрожание брелока.

«Несмотря на непродолжительность моего знакомства с расторопным Йодо, — сказал он, — я высоко ценю его услуги и отныне назначаю его

мажордомом дворца!»

«Ваше превосходительство! — заикаясь, пробормотал Йодо. — Это большая честь».

«Так попробуй же этот благородный напиток, чтобы отпраздновать свое повышение в должности!»

Йодо низко поклонился: «Премного благодарен, ваше превосходительство!» Подняв бокал, он выпил его содержимое. Дерви Корем безразлично наблюдала за происходящим. Йодо поставил порожний бокал на стол, нахмурился, судорожно дернулся, бросил изумленный взгляд на Кугеля, упал на ковер, сдавленно вскрикнул, еще раз дернулся и замер.

Кугель мрачно следил за принцессой. Судя по всему, она была поражена случившимся не меньше, чем Йодо. Резко повернувшись к Кугелю, она спросила: «Зачем вы отравили Йодо?»

«Его отравили вы, — возразил Кугель. — Разве не вы приказали подмешать яд в это вино?»

«Нет».

«Вы забыли прибавить „ваше превосходительство“».

«Нет, ваше превосходительство».

«А если не вы — то кто же?»

«Не понимаю. По всей видимости, кто-то хотел

меня отравить».

«Или нас обоих». Кугель подозвал другого лакея: «Удалите тело привратника».

Лакей подал знак паре служителей в капюшонах, и те унесли труп незадачливого мажордома.

Кугель поставил перед собой два прозрачных бокала, заполненных янтарной жидкостью, и долго смотрел на них, но не делился своими мыслями. Дерви Корем откинулась на спинку кресла и так же задумчиво рассматривала Кугеля. «Я в замешательстве, — сказала она наконец. — Весь мой жизненный опыт не позволяет определить, что́ вы за человек. Никак не могу различить цвет вашей ауры».

Кугеля заинтриговало это необычное выражение: «Вы судите о людях по оттенку их ауры?»

«Разумеется. Волшебница наделила меня этим даром, когда я родилась — она же подарила мне шагающую ладью. Она давно умерла, и теперь я одна — у меня нет друзей, меня никто не любит. Управление Силем не приносило мне почти никакой радости. А теперь явились вы — человек с аурой, мерцающей всеми цветами радуги. Я никогда еще не видела таких людей».

Кугель решил не упоминать о Фирксе, чья психическая эманация, несомненно, смешивалась

с аурой Кугеля, что и приводило к изменчивости излучения, регистрируемого принцессой. «Это явление вызвано чужеродным воздействием, — сказал он, — которое через некоторое время прекратится. По меньшей мере я надеюсь, что оно прекратится. До тех пор, однако, считайте, что моя аура сияет, как золотой нимб непогрешимости».

«Постараюсь иметь это в виду, ваше превосходительство».

Кугель нахмурился. В замечаниях и телодвижениях Дерви Корем он усматривал почти нескрываемую дерзость, что немало его раздражало. Тем не менее, надлежащей воспитательной работой можно было заняться впоследствии, когда станут известны методы использования амулета — этот вопрос нуждался в первоочередном рассмотрении. Откинувшись на подушку спинки кресла, Кугель произнес таким тоном, словно праздно размышлял вслух: «Земля умирает, на ней повсюду наблюдаются самые необычные явления. Недавно, в усадьбе Смешливого Волшебника Юкоуну, я видел увесистый либрам, в котором были перечислены все известные способы записи магических формул, в том числе разновидности тавматургических рун. Возможно, в вашей биб-

лиотеке имеются справочники такого рода?»

«Вполне может быть, — отозвалась Дерви Корем. — Гарт Хакст Четырнадцатый из династии Слэев увлеченно коллекционировал магические письмена и составил посвященные им пандекты».

Кугель хлопнул в ладоши: «Я хотел бы немедленно просмотреть эти полезнейшие материалы!»

Дерви Корем взглянула на него с удивлением: «Оказывается, вы — библиофил? Очень жаль, потому что Рубель Зафф Восьмой приказал сбросить именно этот компендиум в море с Обзорного мыса».

Кугель недовольно поморщился: «А другие трактаты на эту тему не сохранились?»

«Думаю, что их можно найти, — пожала плечами Дерви Корем. — Библиотека занимает все северное крыло дворца. Но разве вы не можете подождать с учеными изысканиями до завтра?» Лениво потянувшись, она придала своему телу сначала одно обольстительное положение, а затем другое, еще более привлекательное.

Кугель опорожнил бокал из черного стекла: «Действительно, спешить некуда. А теперь...» Его прервали истерические вопли немоло-

дой женщины в развевающихся коричневых одеждах — по-видимому, одной из служанок — ворвавшейся в трапезный зал. Лакеи бросились вперед, чтобы поддержать ее: упав на колени, она заливалась всхлипывающими стенаниями. Кое-как она сумела объяснить причину своего отчаяния: вурдалак только что надругался над ее дочерью, причем самым ужасным образом.

Дерви Корем изящным жестом указала на Кугеля: «Вот новый правитель Силя: он распоряжается могущественными чарами и прикажет уничтожить вурдалака. Не так ли, ваше превосходительство?»

Кугель задумчиво потирал подбородок: возникла нешуточная проблема. Теперь не только мать изнасилованной девушки, но и вся остальная прислуга умоляли его на коленях: «Ваше превосходительство! Если вам подчиняются чудодейственные силы, поспешите воспользоваться ими, чтобы избавить нас от гнусного вурдалака!»

Кугель скорчил гримасу и, отвернувшись, встретился глазами с задумчивым взглядом Дерви Корем. Он вскочил на ноги: «Тому, кто хорошо владеет шпагой, магия ни к чему! Я разрублю эту тварь на кусочки!» Он подал знак шести

стражникам в латах: «Пойдем! Возьмите факелы! Расчленим вурдалака, чтобы положить конец его выходкам раз и навсегда!»

Стражники подчинились без особого энтузиазма. Подгоняя их понуканиями, Кугель заставил стражу собраться у главного входа: «Как только я открою дверь, выбегайте с факелами, чтобы я мог увидеть эту адскую тварь! И держите мечи наготове — как только я нанесу первый удар, добивайте его, пока не сдохнет!»

Обнажив мечи, стражники стояли у выхода с горящими факелами. Кугель поднял засовы и распахнул двустворчатую дверь: «Наружу! Осветите вурдалака — пусть это будет последний свет, который он увидит!»

Стражники отчаянно ринулись на террасу, а Кугель горделивой походкой последовал за ними, помахивая шпагой. Стражники остановились там, где начинались ступени, и неуверенно поглядывали на прогулочную аллею, откуда доносились довольно-таки устрашающие звуки.

Обернувшись, Кугель заметил Дерви Корем, стоявшую в дверном проеме и внимательно наблюдавшую за происходящим. «Вперед! — закричал Кугель. — Окружите мерзавца — ему конец!»

Стражники начали опасливо спускаться по ступеням, а Кугель замыкал это шествие. «Рубите его! — восклицал он. — Где вурдалак? Почему не покажется, чтобы получить по заслугам?» При этом Кугель вглядывался в шевелящиеся тени, от всей души надеясь, что вурдалак уже испугался и сбежал.

Рядом послышался какой-то шорох. Повернувшись, Кугель увидел высокую бледную фигуру, безмолвную и неподвижную. Стражники охнули от ужаса и гурьбой побежали вверх по ступеням. «С ним справится только магия, ваше превосходительство! — закричал сержант. — Заколдуйте его, так будет лучше всего!»

Вурдалак приближался; Кугель, запинаясь, отступал. Вурдалак быстро шагнул вперед — Кугель поспешно спрятался за пьедесталом. Вурдалак протянул к нему руку — Кугель ударил по ней шпагой и скрылся под защитой другого пьедестала, после чего со всех ног взбежал по ступеням на террасу. Дверь уже закрывалась — Кугель бросился к ней и успел проскочить внутрь. Захлопнув дверь, он закрыл ее на три засова. Вурдалак навалился всем весом на дубовые панели — засовы протестующе затрещали.

Обернувшись, Кугель встретился с крити-

ческим горящим взором Дерви Корем. «Что случилось? — спросила она. — Почему вы не уничтожили вурдалака?»

«Стражники с факелами разбежались, — оправдывался Кугель. — В темноте бесполезно размахивать шпагой, ничего не видно».

«Странно! — задумчиво произнесла Дерви Корем. — Казалось бы, освещение было достаточным для решения такой простой задачи. А почему вы не применили чары браслета и не разорвали вурдалака на части?»

«Это был бы слишком примитивный и безболезненный способ с ним расправиться, — с достоинством ответил Кугель. — Мне нужно хорошенько подумать, чтобы решить, какого наказания заслуживают его преступления».

«Разумеется, — кивнула Дерви Корем, — само собой».

Кугель направился обратно в трапезный зал: «Продолжим банкет! Пусть льется вино! Пусть каждый поднимет тост в честь восшествия на престол нового правителя Силя!»

«Ваше превосходительство! — шелковым тоном обратилась к нему Дерви Корем. — Не могли бы вы продемонстрировать возможности вашего амулета — просто для того, чтобы удовле-

творить наше любопытство?»

«Пожалуйста!» — Кугель стал нажимать на один граненый выступ за другим; повсюду стали раздаваться горестные стоны и рыдания, время от времени прерываемые воплями и всхлипывающим воем.

«И вы больше ничего не умеете?» — с дьявольской улыбочкой поинтересовалась принцесса.

«Почему бы я стал разрушать дворец по такому пустячному поводу? Довольно! Пусть все пьют и веселятся!»

Дерви Корем повелительно подозвала сержанта: «Отрубите руку этому самозванцу и принесите мне браслет!»

«С превеликим удовольствием, ваше сиятельство!» — стражник обнажил клинок.

«Стой! — закричал Кугель. — Еще один шаг, и заклинание вывернет тебя наизнанку!»

Сержант взглянул на Дерви Корем; та рассмеялась: «Делай, что тебе приказано, или я тебя накажу — сам знаешь, как!»

Сержант поморщился и снова сделал шаг вперед. Но теперь на защиту Кугеля бросился один из служителей в капюшонах — под капюшоном Кугель распознал лицо старого Слэя. «Я спасу вас! — пообещал Слэй. — Но покажите мне аму-

лет».

Кугель позволил нетерпеливым пальцам старика нащупать выступы браслета. Слэй нажал на граненый выступ и торжествующе выкрикнул что-то так громко и быстро, что Кугель не успел различить слова. Стены и пол покачнулись — в дальнем конце трапезного зала стояла гигантская черная фигура. «Кто не дает мне покоя? — простонал гигант. — Кто положит конец моим мучениям?»

«Я! — закричал в ответ старый Слэй. — Подойди и убей всех, кроме меня!»

«Нет! — воскликнул Кугель. — Я — владелец амулета! Ты должен подчиняться мне! Убей всех, кроме меня!»

Дерви Корем схватила Кугеля за предплечье, пытаясь разглядеть надписи на амулете: «Он никого не слушается, если его не назовут по имени. Нам конец!»

Кугель схватил Слэя за воротник: «Как его зовут? Говори!»

«Отпустите! — отбивался Слэй. — Я предлагаю…»

Кугель ударил старика кулаком в висок, отбежал и спрятался за массивным столом. Демон приближался, ненадолго задерживаясь, чтобы

схватить то одного, то другого стражника и расплющить его об стену. Дерви Корем подбежала к Кугелю: «Дайте мне амулет! Неужели вы вообще ничего не умеете? Я прикажу ему остановиться!»

«Ни в коем случае! — отбивался Кугель. — Меня не зря прозвали пройдохой! Скажите, как его зовут, и покажите, какой выступ нужно нажать!»

Наклонившись к браслету, Дерви Корем прочла руническую надпись и приготовилась нажать граненый выступ, но Кугель оттолкнул ее: «Как его зовут? Скорее, или мы все пропали!»

«Призовите Ванилла! Нажмите вот здесь и призовите Ванилла!»

Кугель нажал на граненый выступ: «Ванилл! Остановись!»

Черный демон ухом не повел. Более того, с оглушительным шумом появился второй громадный демон. Дерви Корем завопила от ужаса: «Это не был Ванилл! Покажите мне браслет еще раз!»

Но времени не оставалось: черный демон уже подступил к ним.

«Ванилл! — заорал Кугель. — Расправься с черным чудищем!»

Ванилл, демон широкий и приземистый, с переливчатой зеленой чешуей и глазами, горящими, как рубиновые фонари, набросился на первого

демона. Рев оглушил всех оставшихся в живых, глаза не успевали следить за бешеной дракой. Демоны швыряли друг друга — стены тряслись, потолочные балки трещали. Массивный стол раскололся под огромной перепончатой лапой — Дерви Корем отлетела в угол. Кугель подполз к ней на четвереньках — ушибленная принцесса ничего не соображала и смотрела в одну точку. Кугель поднес браслет к ее глазам: «Читайте руны! Называйте имена, одно за другим! Я буду пробовать каждое по очереди! Скорее — или мы погибли!»

Но Дерви Корем только беззвучно шевелила губами. Посреди зала черный демон, вскочив верхом на Ванилла, методично рвал когтями и разбрасывал куски плоти зеленого монстра. Ванилл ревел и визжал, мотая из стороны в сторону клыкастой головой, щелкая пастью и пытаясь скинуть с себя противника мощными зелеными лапами. Черный демон погрузил когти глубоко в спину зеленого, схватил и вырвал какой-то магический нервный узел: Ванилл тут же растекся мерцающей зеленой слизью из бесчисленных колышущихся клеток — каждая искрилась, трепетала и впитывалась каменными плитами пола.

Над Кугелем стоял ухмыляющийся Слэй: «Хочешь жить? Отдай амулет, и я пощажу тебя. Не мешкай — смерть близка!»

Кугель снял черный браслет, но никак не мог заставить себя расстаться с ним. Ему пришла в голову новая уловка: «Я мог бы отдать амулет черному демону».

Старый Слэй поднял брови: «Тогда мы все погибнем. Мне, по сути дела, уже все равно. Так что решай сам. Хочешь жить? Отдавай амулет».

Кугель покосился на принцессу: «А что будет с ней?»

«Ее тоже выгонят из Силя. Давай амулет — демон уже здесь».

Их накрыла тень — демон протянул руку вниз. Кугель торопливо передал амулет Слэю; старик что-то резко выкрикнул и нажал на граненый выступ браслета. Демон заскулил, свернулся в узел, сжался в точку и пропал.

Торжествующе усмехаясь, Слэй отступил на пару шагов: «А теперь убирайтесь — и ты, и твоя подруга! Я сдержал слово и сохранил твою никчемную жизнь. Больше я тебе ничем не обязан».

«Выполните одно мое желание! — взмолился Кугель. — Что вам сто́ит? Перенесите нас в Альмерию, в долину Кззана, где я мог бы избавиться

от паразита по имени Фиркс!»

«Нет! — Слэй был неумолим. — Чем больше ты чего-то хочешь, тем меньше я хочу тебе помочь. Даже если это самое сокровенное из твоих желаний, ты от меня ничего не получишь. Убирайся — сию минуту!»

Кугель помог принцессе подняться на ноги. Все еще оглушенная, она недоуменно смотрела на обломки стола и осыпавшиеся стены. Кугель повернулся к Слэю: «Снаружи поджидает вурдалак».

Старик кивнул: «Вполне может быть. Завтра я с ним разберусь. А сегодня я вызову из преисподней бесов-ремонтников, чтобы они восстановили трапезный зал и вернули Силю прежнее величие. Прочь отсюда! Какое мне дело до того, что с вами сделает вурдалак?»

Кугель взял Дерви Корем под руку и повел ее к выходу. Слэй стоял, подбоченившись и расставив ноги, приподняв плечи и выпятив голову вперед — глаза его следили за каждым движением Кугеля.

Кугель поднял засовы, отворил дверь и вышел на террасу.

На прогулочной аллее царила тишина. Кугель помог Дерви Корем спуститься по ступеням

и тут же отвел ее в сторону, в буйно разросшиеся кусты старого сада. Здесь он задержался и прислушался. Из дворца доносился шум бурной деятельности: там что-то пилили и скребли, оттуда слышались хриплые окрики и яростная ругань, по всему зданию перемигивались разноцветные вспышки. Вдоль центральной вереницы бюстов по аллее приближалась высокая белесая фигура: выступая из тени одного пьедестала, она скрывалась за другим. Но вурдалак задержался, прислушиваясь к исходившему из дворца шуму и с удивлением наблюдая за вспышками. Пока упырь стоял, зачарованный новизной происходящего, Кугель потихоньку повел спутницу к выходу из парка, держась поодаль от аллеи за плотной стеной заброшенной живой изгороди. Тени среди теней, Кугель и принцесса растворились в непроглядном мраке ночи.

Горы Магнатца

Вскоре после рассвета Кугель и Дерви Корем выбрались из хлева на склоне холма, где они провели ночь, прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Дул прохладный утренний бриз, а Солнце — винно-красный пузырь за пеленой высокой дымки — совсем не грело. Кугель потирал руки и пританцовывал, чтобы восстановить кровообращение; тем временем продрогшая Дерви Корем стояла, безвольно прислонившись к стене старого хлева.

Через некоторое время ее поза, молчаливо выражавшая пренебрежение, начала раздражать Кугеля. «Набери хворосту, — сухо приказал он. — Я разведу огонь, и мы позавтракаем на славу».

Бывшая принцесса Силя без лишних слов пошла собирать дрок. Кугель повернулся лицом на восток, обозревая туманные дали и автоматически проклиная Смешливого Волшебника Юкоуну, чья злобная мстительность забросила его в эти затерянные северные просторы.

Дерви Корем вернулась с охапкой прутьев; Кугель одобрительно кивнул. В течение некоторого времени после их изгнания принцесса вела себя

с неподобающим высокомерием, каковое Кугель терпел, молчаливо улыбаясь про себя. Их первая совместная ночевка была беспокойной и обременительной, но в результате характер поведения Дерви Корем изменился — по меньшей мере внешне. Правильные, деликатные черты ее лица по-прежнему оставались задумчиво-меланхолическими, но ее высокомерие сменилось новым, бдительным отношением к действительности; в ней что-то перебродило, что-то покрылось коркой, как созревающий сыр.

Костер весело потрескивал; пока они завтракали корневищами колокольчика-рапунцеля и мясистыми черными ягодами остролиста, Кугель расспрашивал спутницу о землях к востоку и к югу от Силя. То немногое, что могла сообщить Дерви Корем, не располагало к оптимизму: «Говорят, что к востоку отсюда лес продолжается без конца. Я слышала, как его называли по-разному: Долгий Эрм, Восточный лес, Лиг-Тиг… А если смотреть на юг, видно горы Магнатца — туда никто не осмеливается ходить».

«Почему? Какие опасности там угрожают? — встрепенулся Кугель. — Нам это важно знать — по пути в Альмерию нужно будет перевалить через эти горы».

Дерви Корем покачала головой: «До моих ушей доходили какие-то слухи, но я не обращала на них особого внимания, потому что не ожидала, что мне когда-нибудь приведется туда попасть».

«Я тоже ничего такого не ожидал, — проворчал Кугель. — Если бы не Юкоуну, духу моего здесь не было бы».

Лицо принцессы оживилось проблеском любопытства: «Кто такой Юкоуну?»

«Мерзавец, альмерийский чародей! Его башка напоминает вареную тыкву, и он вечно усмехается, как идиот. Во всех отношениях паршивый и вредный тип, мстительный, как только что оскопленный евнух!»

Губы Дерви Корем растянулись ледяной усмешкой: «И ты навлек на себя гнев чародея».

«Ничего особенного я ему не сделал! Пустяки! Но он забросил меня на крайний север и потребовал, чтобы я выполнил невозможное поручение. Ха! Не зря меня прозвали Пройдохой Кугелем! Поручение выполнено, и теперь я возвращаюсь в Альмерию».

«Альмерия — приятная страна?»

«Довольно приятная, по сравнению с дикими лесами и туманной тундрой. И все же, там есть свои недостатки. Мой опыт показывает, что там

слишком много колдовства, и на справедливость надеяться трудно».

«Расскажи мне еще об Альмерии. Там есть города? Там кто-нибудь живет, кроме бродячих мошенников и чародеев?»

Кугель нахмурился: «Города там есть, хотя они — всего лишь тени былой славы. Есть городок Азеномей, где Кззан сливается с водами Скаума, есть Кайин, столица Асколаиса, и другие города на побережье напротив Кочика. В Кочике живут изысканные и утонченные люди, большие хитрецы».

Дерви Корем задумчиво кивнула: «Я пойду с тобой в Альмерию. От последствий нашего знакомства я смогу быстро избавиться».

Кугель покосился на спутницу — ему не понравился характер ее последнего замечания. Но прежде, чем он успел выразить недовольство, она спросила: «Через какие страны придется пройти, чтобы добраться до Альмерии?»

«Мне известно только то, что они обширны, опасны и населены гиддами, эрбами и деодандами, а также левкоморфами, василисками и упырями. Больше ничего не знаю. Если мы выживем в пути, это будет чудо из чудес».

Дерви Корем с тоской обернулась к Силю, но по-

жала плечами и промолчала.

Их скудный завтрак подошел к концу. Кугель прислонился спиной к стене хлева, наслаждаясь теплом костра, но Фиркс решил напомнить ему о своем существовании. Поморщившись, Кугель вскочил на ноги: «Пора идти. Месть Юкоуну не дает мне покоя!»

Они спустились с холма по тропе, которая, по-видимому, когда-то была проезжей дорогой. Характер местности менялся. За вересковыми зарослями последовала болотистая низина, и вскоре они приблизились к лесу. Кугель недоверчиво поглядывал на сумрачную чащу: «Нужно держаться как можно незаметнее — надеюсь, мы не привлечем внимание какой-нибудь пагубной твари. Я буду смотреть вперед, а ты следи за тем, что делается сзади, чтобы никто не подкрался к нам из-за спины».

«Мы заблудимся».

«Солнце светит с юга, по нему можно ориентироваться».

Дерви Корем опять пожала плечами; они углубились в чащу. Кроны деревьев раскинулись высоко и широко — просачиваясь через листву, солнечный свет только подчеркивал сумрак лесного пространства. Им повстречался ручей,

и, продолжая идти вниз по его течению, через некоторое время они достигли прогалины, где текла полноводная река.

На берегу, у привязанного плота, сидели четыре оборванца. Смерив спутницу критическим взглядом, Кугель сорвал с ее одежды пуговицы, украшенные драгоценными камнями: «Судя по внешности, это разбойники — следует утолить их алчность, даже если они привыкли жить в нищете».

«Лучше вообще с ними не иметь дело, — заметила Дерви Корем. — Это не более чем звери в человеческом облике».

Кугель позволил себе не согласиться: «Нам нужен их плот, и они могут послужить проводниками. Но их услуги лучше приобрести. Если мы обратимся за помощью с пустыми руками, они решат, что мы у них в долгу, и придумают какой-нибудь подвох». Кугель двинулся вперед, и бывшей принцессе пришлось волей-неволей последовать за ним.

По ближайшем рассмотрении внешность оборванцев не производила более благоприятное впечатление. У них были длинные спутанные волосы и бугорчатые лица, их глаза напоминали надкрылья жуков, а когда они открывали рот, вы-

глядывали гнилые желтые зубы. В целом и в общем, однако, выражение их лиц было достаточно беззлобным, и они наблюдали за приближением Кугеля и Дерви Корем скорее опасливо, нежели враждебно. Среди четверых, по всей видимости, была одна женщина, хотя по ее одежде, лицу или манерам об этом трудно было судить. Кугель приветствовал их жестом, полным величественного снисхождения, на что они только моргнули в замешательстве.

«Вы откуда?» — спросил Кугель.

«Мы — бусяки, — ответил старший из мужчин. — Так называют наш народ — и так называется наша семья. Что народ, что семья — какая разница? Тем более, что у нас принято многомужество».

«Вы живете в этом лесу, и вам известны его тропы?»

«Можно сказать и так, — признал старший бусяк, — хотя мы далеко не ходим. Ведь это Долгий Эрм — он тянется и тянется, лига за лигой, без конца».

«Неважно, — сказал Кугель. — Мы всего лишь хотели бы переправиться через реку и узнать, как можно было бы безопасно пройти в южные страны».

Старший бусяк посоветовался с сотоварищами — все они с сомнением покачали головами.

«Безопасного пути на юг нет. Дорогу преграждают горы Магнатца».

«Даже так!» — отозвался Кугель.

«Если я переправлю вас на другой берег, — продолжал старший бусяк, — считайте, что вам конец. Там водятся эрбы и василиски. Шпага вам не поможет, а чары у вас неважнецкие. Мы, бусяки, чуем магию, как эрб чует человеческое мясо».

«Как же нам, в таком случае, пройти на юг?» — настаивал Кугель.

Местные жители не проявляли особого интереса к его вопросу. Но у бусяка помоложе, взглянувшего на сильскую принцессу, внезапно появилась какая-то идея: он стал пристально смотреть на противоположный берег реки, хотя умственное усилие вскоре превысило его возможности, и он опустил голову, признавая поражение.

Кугель, внимательно наблюдавший за ним, спросил: «Что тебя так удручает?»

«Не слишком сложная задача, — ответил молодой бусяк. — Мы редко руководствуемся логикой, и размышления обычно заводят нас в тупик.

Меня, в сущности, интересовал вопрос о том, какое имущество вы могли бы предложить проводнику, который согласился бы провести вас через лес».

Кугель сердечно рассмеялся: «Правильно поставленный вопрос. Но мне принадлежит только то, что на мне, а именно одежда, обувь, плащ и шпага, и все эти вещи мне необходимы. Хотя, если уж говорить откровенно, мне известно заклинание, позволяющее создать пару пуговиц, инкрустированных драгоценными камнями».

«Драгоценных пуговиц недостаточно. Неподалеку есть склеп, полный драгоценностей — их там буквально по горло».

Кугель задумчиво потер подбородок: «О щедрости бусяков рассказывают легенды. Может быть, вы могли бы провести нас к этому склепу?»

Молодой бусяк ответил безразличным жестом: «Могу, конечно, если вам так хочется. Должен заметить, однако, что рядом со склепом — логово старой самки гидда, и как раз сейчас у нее течка».

«В таком случае направимся прямо на юг, — заявил Кугель. — Пойдем, задерживаться ни к чему».

Бусяк продолжал упрямо сидеть на корточках:

«И вы не предлагаете никакого вознаграждения?»

«Никакого, кроме моей благодарности, которая сама по себе — исключительная редкость».

«Как насчет вашей женщины? Ей не мешало бы пополнеть, но она достаточно привлекательна. Так как вы все равно погибнете в горах Магнатца, зачем тащить ее за собой?»

«Верно! — Кугель обернулся к Дерви Корем. — Может быть, мы как-нибудь договоримся».

«Что? — принцесса ахнула от возмущения. — Ты смеешь предлагать подобную сделку? Я скорее утоплюсь в реке!»

Кугель отвел ее в сторону. «Меня не зря прозвали Пройдохой Кугелем, — прошептал он ей на ухо. — Поверь мне, я обведу этого олуха вокруг пальца!»

Дерви Корем недоверчиво смерила его взглядом и отвернулась; слезы горькой обиды покатились по ее щекам. Кугель обратился к молодому бусяку: «Тебе не занимать практической смекалки. Так пойдем же, что нас задерживает?»

«Женщина может остаться здесь, — сказал бусяк, выпрямляясь во весь рост. — Мы пойдем по заколдованной тропе, вам придется неукоснительно выполнять мои указания».

Дерви Корем решительно шагнула к реке. «Нет-нет! — поспешно возразил Кугель. — У нее сентиментальный характер, она хотела бы убедиться в том, что я доберусь до гор Магнатца в целости и сохранности — даже если мне там грозит неминуемая гибель».

Бусяк пожал плечами: «Мне все равно». Он завел их на плот, отвязал веревку и принялся толкать плот шестом к противоположному берегу. Река казалась мелководной — шест ни разу не опустился больше чем сантиметров на шестьдесят. Кугель подумал, что мог бы без труда перейти ее вброд.

Догадавшись о его размышлениях, бусяк-проводник сказал: «Река кишит стекловидными рептилиями, атакующими не подозревающего об этом путника, как только он зайдет в воду».

«Неужели?» — с сомнением отозвался Кугель, разглядывая реку.

«Именно так. А теперь я должен предупредить вас по поводу тропы. Вас будут упрашивать и заманивать всевозможными способами, но, если вам дорога жизнь, не отходите ни на шаг, ступайте только по моим следам».

Плот пристал к другому берегу; бусяк соскочил на берег и привязал плот к дереву: «Теперь

идите за мной». Он уверенно углубился в чащу. Дерви Корем за ним по пятам, а Кугель замыкал шествие. Тропа была настолько малозаметной, что Кугель почти не отличал ее от окружающей лесной подстилки, но бусяк находил ее безошибочно. Солнце редко проглядывало в просветы древесной листвы, в связи с чем Кугель не был уверен, в каком именно направлении они шли. Так они продвигались в глубокой тишине лесной чащи — здесь не было слышно даже птиц.

Дело шло к вечеру, а тропа становилась совершенно незаметной. В конце концов Кугель позвал проводника: «Ты уверен, что мы идем правильно? Возникает впечатление, что мы поворачиваем то налево, то направо без всякого смысла».

Бусяк остановился и пояснил: «Мы живем в лесу, населенном изобретательными тварями, но у нас есть особенное средство защиты». Проводник многозначительно постучал себя по сплющенному носу: «Мы чуем магию. Тропа, по которой мы следуем, проложена в незапамятные времена — и только мы, бусяки, угадываем ее направление».

«Вполне возможно, — раздраженно сказал Кугель. — Но она исключительно извилиста

и запутана. И где, спрашивается, те кровожадные существа, о которых ты упоминал? Я заметил только одну безобидную полевку, и ни разу не почувствовал характерный запах эрба».

Проводник недоуменно покачал головой: «Сам не могу понять, куда они все подевались. Но жаловаться на их отсутствие было бы странно. Пойдемте дальше, пока они не вернулись». И он поспешил вперед по тропе, не менее неразличимой, чем прежде.

Солнце опускалось к горизонту. Лес немного поредел, и косые алые лучи пробивались между стволами, озаряя узловатые корни и позлащая опавшие листья. Бусяк остановился на поляне, где он повернулся к спутникам с торжествующим выражением на лице: «Мы достигли своей цели!»

«Каким образом? — не понимал Кугель. — Мы все еще в глубине леса».

Бусяк указал вперед: «Видите? Там четыре протоптанные, хорошо заметные тропы».

«Кажется, вижу», — ворчливо признал Кугель.

«Одна из них ведет к южной окраине леса. Другие углубляются в чащу, после чего время от времени разветвляются».

Вглядываясь в пространство между стволами,

Дерви Корем протянула руку и вскрикнула: «Там, шагах в пятидесяти — река и плот!»

Кугель угрожающе повернулся к бусяку: «Что тут происходит?»

Проводник внушительно кивнул: «На этом пространстве нет никакой защиты от магии. Я пренебрег бы своими обязанностями, если бы провел вас кратчайшим путем. А теперь...» Он подошел к Дерви Корем, взял ее за руку и повернулся к Кугелю: «Можете пройти по поляне туда, где начинаются тропы, и я сообщу, какая из них ведет к южной окраине леса». Бусяк принялся обвязывать талию Дерви Корем веревкой. Та яростно сопротивлялась; ее заставили подчиниться только затрещины и ругательства. «Это необходимо для того, чтобы предотвратить неожиданные пробежки и самостоятельные экскурсии, — лукаво подмигнув Кугелю, сказал бусяк. — Я не так быстро бегаю и, когда мне потребуется женщина, не хотел бы гоняться за ней по всему лесу. Но разве вы не спешили? Солнце заходит, а после наступления темноты появляются левкоморфы».

«Хорошо — какая из троп ведет из леса?» — деловито спросил Кугель.

«Перейдите поляну — тогда скажу. Конечно,

если вы не доверяете моим указаниям, можете сами сделать выбор. Не забывайте, что мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы заполучить тощую, малокровную злючку. Так что мы в расчете».

Кугель нерешительно поглядывал то на поляну, то на Дерви Корем, смотревшую на него с ужасом и отчаянием. В конце концов Кугель энергично заявил: «Ладно, по сути дела так будет лучше всего. Горы Магнатца славятся непроходимостью и опасностью. В компании этого лживого оборванца, Дерви, у тебя больше шансов выжить».

«Нет! — завопила принцесса. — Отвяжи от меня веревку! Он тебя надул, обвел вокруг пальца! Какой ты пройдоха? Ты последний дурак!»

«Не следует прибегать к вульгарным выражениям, — заметил Кугель. — Мы с бусяком заключили сделку — священный договор, можно сказать. Долг платежом красен».

«Прикончи это животное! — кричала Дерви Корем. — Зачем тебе шпага? Лес кончается поблизости, он тебе все наврал!»

«Ошибочный выбор тропы может завести в чащу Долгого Эрма, — возразил Кугель и поднял руку прощальным жестом. — Гораздо лучше

уступить прихотям этого обросшего головореза, чем рисковать жизнью в горах Магнатца!»

Бусяк ухмыльнулся, выражая полное согласие, и дернул веревку, приструнив принцессу жестом правомочного обладателя. Кугель поспешил перейти поляну; упреки Дерви Корем все еще звучали у него в ушах, но каким-то способом — Кугель предпочел не видеть, каким именно — бусяк заставил ее молчать. Бусяк прокричал: «Кстати, вы приближаетесь к правильной тропе! Следуйте по ней, и вы скоро выйдете к населенным местам!»

Кугель в последний раз попрощался взмахом руки и направился вперед. Дерви Корем истерически расхохоталась: «Пройдоха Кугель? Не смеши людей! Жалкое ничтожество!»

Кугель торопливо шагал по тропе в слегка расстроенных чувствах. «Женщина явно одержима одной идеей! — убеждал он себя. — Ей не хватает ясности мышления и восприимчивости. Что еще я мог бы сделать для ее благополучия, не жертвуя своим? Мое поведение предельно рационально — утверждать обратное было бы бессмысленно!»

Он не прошел и ста шагов, как тропа вывела его из леса. Кугель остановился и поджал губы: меньше сотни шагов? Кроме того, вызывал

удивление тот факт, что три другие тропы тоже выходили из леса неподалеку — все они соединялись дальше с тропой, на которой он стоял. «Любопытно! — пробормотал Кугель. — Неплохо было бы вернуться, найти бусяка и потребовать от него объяснений…»

Он задумчиво нащупал эфес шпаги и даже сделал пару шагов к лесной чаще. Но Солнце уже почти зашло, промежутки между сучковатыми стволами заполнил сумрак. Пока Кугель предавался сомнениям, Фиркс нетерпеливо ерзал, царапая печень Кугеля шипами и колючками — Кугелю пришлось расстаться с помыслами о возвращении в лес.

Теперь тропа пересекала открытое пространство — дальше в южном небе темнели горы. Кугель торопился, не забывая о темной чаще за спиной, но все еще перебирал в уме всевозможные оправдания. Время от времени, когда в его воображении возникала особенно неприятная картина, он раздраженно шлепал себя по бедру. Напрасные порывы! Он очевидно принял оптимальное решение. Тупой, неотесанный болван-бусяк! Как он мог надеяться надуть Кугеля? Абсурдное предположение! А в том, что касается Дерви Корем… Что ж, рано или поздно

ей придется смириться с обстоятельствами новой жизни…

Когда Солнце уже скрылось за горами Магнатца, Кугель приблизился к примитивному селению с таверной на перекрестке — крепко сколоченным сооружением из камня и бревен, с круглыми окнами, состоявшими из множества синих глазчатых стеклышек. Задержавшись на крыльце, Кугель подвел итог своим скудным ресурсам. При этом он вспомнил об инкрустированных пуговицах, сорванных с платья Дерви Корем, и похвалил себя за предусмотрительность.

Толкнув дверь, он зашел в продолговатое помещение, озаренное старыми бронзовыми светильниками. Трактирщик сидел за короткой буфетной стойкой, наливая грог и пунш трем посетителям. Все они обернулись и разглядывали вошедшего Кугеля.

Трактирщик обратился к нему достаточно вежливо: «Приветствуем путника! Чего пожелаете?»

«Сначала я хотел бы выпить чарку вина, а затем поужинать и переночевать. Кроме того, мне оказались бы полезными любые доступные сведения о дальнейшей дороге на юг».

«Ужин и ночлег я мог бы предоставить. А по по-

воду дороги на юг могу сказать только одно: она ведет во владения Магнатца. Как правило, упоминания об этом более чем достаточно».

«Значит, Магнатц создает настолько чудовищную угрозу?»

Трактирщик скорбно покачал головой: «Никто из тех, кто отправился на юг, не вернулся. И никто, насколько помнят местные жители, никогда не приходил с юга. За это, по меньшей мере, я могу поручиться».

Три посетителя, сидевших с кружками в руках, торжественно кивнули, подтверждая слова бармена. Двое были местными фермерами, а третий носил высокие черные сапоги профессионального охотника за ведьмами. Один из крестьян распорядился: «Налей несчастному чарку вина, за мой счет!»

Кугель принял чарку из рук трактирщика, испытывая смешанные чувства: «Благодарю за выпивку, хотя решительно отказываюсь рассматривать себя как „несчастного“ — не хотел бы, чтобы значение этого слова отразилось на моей судьбе».

«Как вам угодно, — безразлично отозвался фермер. — Хотя в нынешние печальные времена кто может надеяться на лучшее?» Некоторое время

крестьяне спорили о том, как следовало чинить каменную ограду, разделявшую их земли.

«Придется здорово поработать, но преимущества очевидны!» — заявил один.

«Верно, — согласился другой. — Но что, если, как только мы починим ограду, Солнце погаснет, и все это будет ни к чему?»

Первый крестьянин насмешливо развел руками, отвергая такой аргумент: «Придется рискнуть. Смотри: я пью вино, хотя, вполне может быть, не успею напиться и умру. Разве это соображение меня останавливает? Ни в малейшей степени! Я бросаю вызов будущему! Я пью сейчас, а удастся ли мне напиться — это уже будет зависеть от обстоятельств».

Трактирщик рассмеялся и ударил кулаком по стойке: «Хитростью ты не уступишь бусяку — говорят, они устроили табор где-то неподалеку. Может быть, наш новый знакомый с ними повстречался?» Бармен бросил вопросительный взгляд на Кугеля.

Кугель неохотно кивнул: «Я обменялся парой слов с группой бусяков. Мне они показались скорее невежественными, нежели проницательными. Но я хотел бы вернуться к вопросу о дороге на юг: кто-нибудь может дать какой-нибудь по-

лезный совет?»

Охотник за ведьмами проворчал: «Могу дать самый полезный совет — не ходите туда. Сперва вас будут осаждать голодные каннибалы-деоданды. А дальше начинаются владения Магнатца, по сравнению с которым деоданды покажутся вам ангелами милосердия — если верить хотя бы десятой части слухов».

«Обескураживающий совет, — отозвался Кугель. — Нет никакого другого пути на юг?»

«Конечно, есть! — сказал охотник за ведьмами. — И я его настоятельно рекомендую. Вернитесь по тропе в Долгий Эрм и продолжайте идти на восток по всему лесу — он будет становиться все гуще и все опаснее. Само собой, чтобы не попасться в зубы вампиров, вурдалаков, эрбов и левкоморфов, вам потребуются виртуозное владение шпагой и ноги, быстрые, как ветер. Добравшись до восточной окраины леса, вы сможете повернуть на юг по долине Дхарада, где, говорят, все еще сохранились руины древнего города Мар, кишащие василисками. Если вам удастся от них отбиться, дальше вас ожидают просторы Средней степи — там нет воды, нет ничего съестного, а в небе роятся пельграны. Там, где кончится степь, вам придется повернуть

на запад и брести по ядовитым болотам. За ними начинаются земли, о которых я ничего не знаю, кроме того, что их называют „страной Зловещих Воспоминаний“. Только после того, как вы пройдете всю эту страну, южные склоны гор Магнатца окажутся у вас за спиной».

Кугель поразмыслил: «Предлагаемый вами маршрут, несмотря на то, что он может оказаться более безопасным и не столь обременительным по сравнению с прямой дорогой на юг, представляется мне чрезмерно продолжительным. Я склоняюсь к тому, чтобы рискнуть и подняться в горы».

Первый крестьянин взглянул на него с почтением: «Надо полагать, вы — знаменитый чародей, битком набитый заклинаниями».

Кугель с улыбкой покачал головой: «Я — Пройдоха Кугель, ни больше ни меньше. А теперь — налейте мне еще вина!»

Через некоторое время хозяин таверны подал ужин: рагу из сухопутных крабов с чечевицей, приправленное черемшой и черникой.

После еды два крестьянина выпили по последней чарке вина и удалились, а Кугель, трактирщик и охотник за ведьмами уселись перед пылающим камином и стали обсуждать

различные аспекты бытия. В конце концов охотник за ведьмами поднялся, чтобы отправиться на покой. Перед тем, как уйти, он откровенно обратился к Кугелю: «Я заметил ваш плащ, качеством превосходящий то, что обычно называют „накидками“ в здешних отсталых селениях. Так как вы решительно намерены сгинуть в горах, почему бы вам не подарить мне плащ — он мне очень пригодился бы».

Кугель лаконично отказался и тоже направился в предоставленную ему комнату.

Ночью его разбудил скрип у изголовья. Кугель вскочил с постели и схватил какого-то щуплого низкорослого человека. Подтащив вора к светильнику, он узнал парнишку, прислуживавшего в таверне — тот все еще сжимал в руках сапоги Кугеля. «Что это за безобразие? — разозлился Кугель, отвесив пареньку затрещину. — Говори! Как ты посмел тащить у меня сапоги?»

Воришка умолял Кугеля отпустить его: «Какая разница? Тому, кто идет на смерть, не нужна добротная обувь!»

«Об этом судить буду я, а не ты! — возразил Кугель. — С какой стати я должен идти на смерть, карабкаясь в горы Магнатца босиком? Пошел вон!» Кугель вышвырнул испуганного подрост-

ка в коридор с такой силой, что тот растянулся на полу.

Утром, за завтраком, он упомянул об этом инциденте трактирщику; тот не выразил особого интереса. Когда настало время рассчитываться, Кугель бросил на стойку одну из пуговиц принцессы: «Оцените, будьте добры, рыночную стоимость этой драгоценности, вычтите причитающуюся с меня сумму и верните сдачу золотыми монетами».

Хозяин таверны изучил украшение, поджал губы и склонил голову на бок: «Причитающаяся с вас итоговая сумма в точности соответствует стоимости этой безделушки — то есть никакой сдачи вам не полагается».

«Как так? — взъярился Кугель. — Этот чистый, как слеза, аквамарин, окаймлен четырьмя изумрудами! За пару чарок дрянного вина, чечевичную похлебку и ночлег, прерванный воровскими происками поваренка? У вас таверна или разбойничий притон?»

Трактирщик пожал плечами: «Мои расценки несколько выше обычных, но деньги, плесневеющие в кармане мертвеца, никому не принесут никакой пользы».

В конечном счете Кугелю удалось выудить

из хозяина таверны несколько золотых монет, а также небольшую сумку с хлебом, сыром и вином. Проводив его до крыльца, трактирщик указал на юг: «Туда ведет только одна тропа, вы не собьетесь с пути. Горы Магнатца — прямо перед вами. Прощайте!»

Не без мрачных предчувствий Кугель направился в горы. Сначала он шел мимо возделанных полей; затем по обеим сторонам стали вздыматься предгорья, и тропа превратилась в едва заметный след, вьющийся вдоль высохшего русла между порослями терновника, молочая, тысячелистника и златоцветника. Гребень холма, параллельный руслу, покрывали почти непрерывной чащей низкорослые дубки. Решив, что эти дебри могли послужить дополнительным прикрытием, Кугель вскарабкался по склону и продолжил путь в тени листвы.

Воздух был чист и прозрачен, яркое темно-синее небо радовало глаз. Солнце всплывало к зениту, и Кугель вспомнил о провизии, которую он нес в сумке. Усевшись на камень, однако, он тут же заметил краем глаза какое-то движение — ползучую темную тень. Кугель похолодел от страха. Конечно же, эта тварь собиралась броситься ему на спину!

Кугель притворился, что ничего не замечает, и через некоторое время тень переместилась ближе: деоданд, повыше и потяжелее человека, угольно-черный — за исключением блестящих белков глаз, белых клыков и когтей — в сбруе из кожаных полос, поддерживавшей зеленый бархатный килт.

Кугель никак не мог решить, что́ следовало предпринять в первую очередь. Лицом к лицу, грудь к груди, деоданд разорвал бы его на куски. Со шпагой наготове Кугель мог удерживать хищника на безопасном расстоянии взмахами и выпадами, но лихорадочная жажда крови в конце концов заставила бы деоданда забыть о боли и накинуться на добычу, невзирая на раны. Возможно, быстроногий Кугель мог бы убежать от этой твари, но только после упорной утомительной погони… Деоданд подкрался еще ближе — теперь он притаился за крошащимся выступом скалы в двадцати шагах ниже по склону оттуда, где сидел Кугель. Как только макушка деоданда скрылась, Кугель вскочил, сбежал по склону и вспрыгнул на скальный выступ. Здесь он поднял камень потяжелее и, как только увидел прячущегося внизу деоданда, сбросил камень ему на спину. Деоданд перевер-

нулся и растянулся на животе, судорожно пиная ногами щебень. Кугель спрыгнул к нему, чтобы нанести последний удар шпагой.

Деоданд сумел приподняться на локте, опираясь спиной на камень, и зашипел от ужаса, увидев обнаженный клинок. «Подожди, не убивай! — сказал людоед. — Моя смерть ничего тебе не даст».

«Ничего, кроме удовольствия прикончить того, кто хотел меня сожрать».

«Бесплодное наслаждение!»

«Плодотворные наслаждения редки, — возразил Кугель. — Но, пока ты жив, ты мог бы сообщить мне кое-что о горах Магнатца».

«Горы как горы — древнее нагромождение черных скал».

«А кто такой Магнатц?»

«Не имею представления. Не знаю никого, кто называл бы себя Магнатцем».

«Как же так? Люди, живущие под северными предгорьями, трепещут при одном упоминании о нем!»

Деоданд подтянулся чуть выше: «Вполне может быть. Я слышал, как говорили о Магнатце, но, насколько мне известно, все это сказки и легенды, не более того».

«Почему же никто не ходит на север через эти горы?»

«Кому охота идти на север? А те, что шли на юг, послужили пищей мне и моим собратьям», — деоданд мало-помалу поднимался. Кугель подобрал большой камень, высоко занес его над головой и швырнул в черную тварь. Деоданд снова упал, слабо шевеля руками и ногами. Кугель поднял еще один камень.

«Стой! — слабым голосом вскрикнул деоданд. — Пощади меня, я помогу тебе спастись».

«Каким образом?» — спросил Кугель.

«Ты хочешь пройти на юг. Другие деоданды живут в пещерах вдоль всего пути. Если я не проведу тебя там, где они почти никогда не охотятся, как ты спасешься?»

«Ты можешь это сделать?»

«Если пообещаешь меня не убивать».

«Превосходно! Но придется принять меры предосторожности — кровожадность может заставить тебя позабыть о нашем соглашении».

«Ты меня искалечил. Какие еще предосторожности тебе нужны?» — воскликнул деоданд.

Тем не менее, Кугель связал руки людоеда за спиной и стянул петлей его толстую черную шею.

Так они пустились в путь; деоданд, хромая и подпрыгивая, повел Кугеля обходным путем, минуя находившиеся ниже пещеры.

Горы вздымались все выше; ветер ревел в каменных ущельях и отзывался угрожающим эхом. Кугель продолжал расспрашивать деоданда о Магнатце, но тот упорно придерживался того мнения, что Магнатц был сказочным персонажем.

Наконец они вышли на песчаниковое плоскогорье, простиравшееся высоко над низинами. Здесь, по словам людоеда, кончалась зона обитания местного племени деодандов.

«Чтó дальше, за плоскогорьем?» — спросил Кугель.

«Не знаю. Никогда там не был. А теперь отпусти меня и ступай туда, куда идешь, а я вернусь к своему племени».

Кугель покачал головой: «Скоро наступит ночь. Что удержит тебя от нового нападения? Лучше тебя прикончить здесь и сейчас».

Деоданд печально рассмеялся: «За тобой следуют трое других. Они держались поодаль только потому, что я подавал им знаки. Убей меня — и ты никогда не увидишь снова восход Солнца».

«Значит, мы пойдем дальше вместе», — решил

Кугель.

«Как тебе угодно».

Кугель направился на юг, а деоданд прихрамывал позади. Они спустились в долину, вскоре превратившуюся в ущелье, усеянное гигантскими валунами. Оглядываясь, Кугель замечал черные фигуры, перебегавшие из одной тени в другую. Деоданд многозначительно осклабился: «Тебе было бы полезно остановиться: зачем ждать темноты? Смерть не так страшна, когда еще светит Солнце».

На это Кугель ничего не ответил, но продолжал продвигаться вперед со всей возможной быстротой. Тропа покинула ущелье, поднимаясь к горным лугам, где дул прохладный ветер. По обеим сторонам росли лиственницы, каобабы и бальзамовые кедры, среди поросшей травы и мелких горных цветов журчал ручей. Деоданд начал проявлять беспокойство, натягивая узду и преувеличивая свою хромоту. Кугель нетерпеливо спросил: «Почему ты волочишь ноги? Я хочу найти какое-нибудь убежище до наступления темноты. Ты мне мешаешь своими задержками и остановками».

«Тебе следовало бы подумать об этом перед тем, как ты повредил мои кости камнем, — возразил

людоед. — В конце концов, я тебя сопровождаю не по своей воле».

Кугель обернулся: три деоданда, раньше таившиеся между скал, теперь преследовали его открыто.

«Ты никак не можешь умерить кровожадный аппетит сородичей?» — спросил Кугель.

«Я неспособен контролировать даже собственный аппетит, — ответил деоданд. — Только переломы конечностей не позволяют мне впиться зубами тебе в глотку».

«Ты хочешь жить?» — многозначительно поинтересовался Кугель, положив руку на эфес шпаги.

«В какой-то степени, хотя не так лихорадочно, как держатся за жизнь люди твоей породы».

«Если ты сколько-нибудь дорожишь своей шкурой, прикажи соплеменникам вернуться и прекратить их зловещее преследование».

«Это было бы совершенно бесполезно. В любом случае, зачем тебе жизнь? Смотри — перед тобой громоздятся горы Магнатца!»

«Ха! — пробормотал Кугель. — Разве ты не утверждал, что репутация этих гор носит исключительно легендарный характер?»

«Именно так. Но я не вдавался в подробности

легенд».

Как только деоданд произнес последнюю фразу, в воздухе раздался свист, напоминавший резкий вздох. Быстро оглянувшись, Кугель увидел, что три деоданда упали, пронзенные стрелами. Из ближайшей рощи выступили четыре молодых человека в коричневых охотничьих костюмах. Светлокожие и стройные, со светло-каштановыми волосами, они вели себя спокойно и уверенно.

Один из них обратился к Кугелю, остановившись в нескольких шагах: «Как вам удалось придти с севера, где никто не живет? И почему вы ведете на привязи эту ночную тварь?»

«Могу без труда ответить на оба ваших вопроса, — отозвался Кугель. — Прежде всего, на севере все еще живут люди, хотя их немного — несколько сот человек, надо полагать. А это черную помесь демона и каннибала я использовал, чтобы он провел меня по безопасному маршруту через горы, но я далеко не удовлетворен его услугами».

«Я сделал все, что от меня ожидалось! — протестовал деоданд. — Отпусти меня — ведь мы договорились!»

«Будь по-твоему!» — Кугель отпустил веревку, сжимавшую петлей горло людоеда. Тот, прихра-

мывая, поспешил прочь со связанными за спиной руками, бросая злобные взгляды через плечо. Повернувшись к предводителю охотников, Кугель сделал приглашающий жест. Тот что-то сказал своим спутникам. Они натянули тетивы луков, и деоданд упал, пронзенный несколькими стрелами.

Кугель одобрительно кивнул: «Так кто же вы такие? И как насчет Магнатца, из-за которого, если верить слухам, ходить в этих горах небезопасно?»

Охотники рассмеялись: «Сказки! Пустая болтовня! Когда-то здесь действительно обитало чудище по имени Магнатц, и по традиции в нашем селении — в Вулле — одного из жителей назначают дозорным. Но это все, что осталось от старинной легенды».

«Странно! — заметил Кугель. — Почему бы древняя легенда пользовалась таким влиянием в окрестностях?»

Охотники безразлично пожали плечами: «Скоро стемнеет, пора возвращаться. Присоединяйтесь к нам — в Вулле есть таверна, вы можете там переночевать».

«С радостью воспользуюсь вашим гостеприимством».

Отряд стал подниматься по тропе. Пока они шли, Кугель расспрашивал охотников о дороге на юг, но те не могли предоставить существенную информацию: «Поселок Вулль — на берегу озера Вулль, по которому нельзя плавать из-за многочисленных водоворотов, так что немногие из нас бывали в южной части гор. Говорят, там нет воды, и горные склоны спускаются к безлюдной серой пустыне».

«Может быть, легендарный Магнатц все еще бродит по горам с другой стороны озера?» — осторожно предположил Кугель.

«Наши традиции не позволяют ничего сказать по этому поводу», — ответил охотник.

Примерно через час отряд достиг Вулля — поселка, благополучие которого удивило Кугеля. Добротные жилища из камня и бревен выстроились вдоль хорошо спланированных улиц с чистыми сточными канавами; в поселке были рыночная площадь, зернохранилище, ратуша, казначейство, несколько таверн и даже, местами, довольно-таки роскошные усадьбы. Пока охотничий отряд шел по главной улице, кто-то из местных жителей прокричал им: «Важные новости! Дозорному пришел конец!»

«В самом деле? — с живым интересом отклик-

нулся предводитель охотников. — И кто его пока что заменяет?»

«Лафель, сын гетмана — кто еще?»

«Действительно, кто еще?» — буркнул охотник, и отряд двинулся дальше.

«Значит, должность дозорного пользуется почетом?» — спросил Кугель.

Охотник пожал плечами: «Точнее всего было бы назвать ее церемониальной синекурой. Не сомневаюсь, что завтра выберут постоянного часового. Но смотрите-ка!» Охотник указал на стоявшего в дверях ратуши приземистого широкоплечего субъекта в коричневой, окаймленной мехом мантии и фетровой шляпе с продольной вмятиной: «Это Хайлэм Вискод, гетман собственной персоной! Эй, Вискод! Мы встретили путника из северных стран!»

Хайлэм Вискод приблизился и вежливо приветствовал Кугеля: «Добро пожаловать! Чужеземцы редко появляются в наших краях — не стесняйтесь, пользуйтесь нашим гостеприимством!»

«Благодарю вас от всей души, — откликнулся Кугель. — Не ожидал встретить столь щедрых и благожелательных людей в горах Магнатца, о которых повсеместно отзываются с ужасом».

Гетман усмехнулся: «Предрассудки встреча-

ются повсюду. Кое-какие из наших традиций могут показаться вам архаическими и причудливыми — например, обычай выставлять „дозор Магнатца“. Но пойдемте! Вот наша лучшая таверна. После того, как вы устроитесь, мы поужинаем».

Кугеля провели в весьма комфортабельное помещение, и через некоторое время, помывшись и немного отдохнув, он присоединился к Хайлэму Вискоду в общем трапезном зале. Ему подали аппетитный ужин с бутылью вина.

После еды гетман устроил Кугелю нечто вроде экскурсии по поселку, откуда открывались прекрасные виды на озеро.

Судя по всему, сегодня вечером намечалось какое-то важное мероприятие: везде пламенели яркие факелы, местные жители ходили по улицам, собираясь небольшими группами, и о чем-то совещались. Кугель поинтересовался причиной такого очевидного общественного волнения: «Все это из-за того, что погиб дозорный?»

«Так оно и есть, — сказал гетман. — Мы относимся к традициям со всей серьезностью, и выбор нового дозорного — вопрос, подлежащий публичному обсуждению. Но смотрите: вот казначейство, общественная сокровищница нашего

поселка. Не желаете ли заглянуть внутрь?»

«Рад доставить вам такое удовольствие, — отозвался Кугель. — Если вы желаете проинспектировать золотой запас вашей общины, не откажусь вас сопровождать».

Гетман отворил дверь: «Здесь у нас не только золото! Вот в этом сундуке — драгоценные камни. А здесь, на полках — древние монеты. Там — кипы тончайшего шелка и узорной камчатной ткани, вдоль стены — ящики с драгоценными пряностями, дальше — еще более драгоценные эликсиры и настойки, целебные мази и составы, которым цены нет! Но, конечно, все это мало впечатляет такого опытного путешественника, как вы, искушенного в настоящей роскоши».

Кугель заверил гетмана в том, что сокровища Вулля ни в коей мере не заслуживали пренебрежения. Гетман благодарно поклонился, и они вышли на прогулочную набережную озера, теперь представлявшего собой огромное темное пространство, озаренное лишь бледным сиянием звезд.

Гетман указал на купол, вознесенный изящной колонной на сто пятьдесят метров в небо: «Вы догадываетесь о назначении этого сооружения?»

«Надо полагать, там находится пост дозорно-

го», — сказал Кугель.

«Вот именно! Вы проницательный человек. Жаль, что вы спешите и не сможете погостить в Вулле подольше».

Сравнивая пустоту своего кошелька с несметными богатствами местной сокровищницы, Кугель ответил любезным жестом: «Не прочь был бы провести больше времени у вас в гостях, но, откровенно говоря, я растратился в пути, и мне пришлось бы найти какую-нибудь хорошо оплачиваемую работу. Насколько я понимаю, должность дозорного пользуется у вас высокой репутацией?»

«Несомненно, — кивнул гетман. — Сегодня ночью вахту несет мой сын. Тем не менее, нет никаких причин считать, что вы не смогли бы стать подходящим кандидатом на этот пост. Обязанности дозорного вовсе не обременительны; по сути дела, это нечто вроде синекуры».

Кугель почувствовал, как беспокойно зашевелился Фиркс: «И каково жалованье дозорного?»

«Оно превосходно. Престиж дозорного Вулля невозможно переоценить, так как он — исключительно в ритуальном смысле, конечно — всех нас предохраняет от опасности».

«И в чем, конкретно, заключается его возна-

граждение?»

Гетман помолчал, собираясь с мыслями, после чего стал перечислять пункты, загибая пальцы: «Во-первых, ему предоставляют удобное помещение в дозорной башне — там предусмотрены кресло с мягкой обивкой и оптическое устройство, позволяющее рассматривать вблизи удаленные объекты, печка, обогревающая воздух, а также изобретательная система связи. Далее, дозорному бесплатно подают отборные блюда и напитки, которые он может заказывать по своему усмотрению. Кроме того, как правило, дозорного назначают на дополнительную должность „хранителя общественной сокровищницы“, причем, чтобы его обязанности не стали слишком обременительными, он облечен неограниченным правом распоряжаться всеми финансовыми средствами Вулля. В-четвертых, он может жениться на девушке, которая покажется ему наиболее привлекательной. Наконец, дозорному присваивается титул „барона“, и все жители Вулля обязаны относиться к нему с глубочайшим почтением».

«В самом деле! — откликнулся Кугель. — Возникает впечатление, что возможность выполнения обязанностей дозорного заслуживает внима-

тельного рассмотрения. Кстати, в чем именно заключаются эти обязанности?»

«Они соответствуют установленным правилам. Дозорный обязан нести вахту — это один из строго соблюдаемых у нас старинных обычаев. В целом его функции достаточно просты, но ими ни в коем случае нельзя пренебрегать, так как это означало бы насмешку над традициями, а мы исключительно серьезно относимся даже к самым необычным условностям».

Кугель понимающе кивнул: «Требования достаточно просты. Дозорный несет вахту. Невозможно выразиться яснее. Тем не менее: кто такой Магнатц, в каком направлении следует ожидать его приближения, и как его распознать?»

«Эти вопросы не имеют почти никакого практического значения, — ответил гетман, — так как Магнатц, в принципе, не существует».

Кугель взглянул наверх, на дозорную башню, вперед — на озеро, назад — на казначейство: «Прошу принять от меня заявление с просьбой о назначении на должность дозорного, с предоставлением мне всех соответствующих полномочий и льгот».

Фиркс немедленно подверг внутренности Кугеля нескольким приступам острой боли, что

заставило Кугеля согнуться пополам и схватиться за живот. Выпрямившись, Кугель извинился перед недоумевающим гетманом и отошел в сторону. «Прояви терпение! — увещевал он Фиркса. — Сдержанность! Неужели ты не понимаешь, как сложились обстоятельства? У меня нет денег, а впереди еще недели и месяцы пути! Для того, чтобы вернуться как можно скорее, мне нужно восстановить силы и пополнить кошелек. Я намерен работать дозорным только до тех пор, пока не будут достигнуты эти цели, после чего поспешу в Альмерию со всех ног!»

Фиркс неохотно прекратил пытку, и Кугель вернулся к ожидавшему его гетману.

«Все в порядке, — заверил его Кугель. — Мне пришлось еще раз поразмыслить по этому поводу, но я считаю, что смогу нести вахту надлежащим образом».

Гетман кивнул: «Рад слышать. Вы увидите, что мое изложение фактов соответствует действительности во всех существенных отношениях. Я тоже поразмыслил — и могу с уверенностью сказать, что в настоящее время ни один из граждан Вулля не осмелится претендовать на столь августейший пост, в связи с чем официально назначаю вас дозорным нашего поселка!» Гетман

вынул церемониальный золотой воротник и надел его на шею Кугелю.

Они направились обратно в таверну; по пути местные жители, замечая золотой воротник Кугеля, приставали к гетману с расспросами. «Да, — отвечал гетман, — этот господин продемонстрировал свои способности, и я назначил его дозорным Вулля!»

Услышав об этом, обитатели поселка сразу становились исключительно любезными и поздравляли Кугеля так, как будто знали и уважали его всю жизнь.

Народ собрался в таверне; подали вино и приправленное пряностями мясо. Появились волынщики, молодежь стала танцевать и веселиться — впрочем, с достоинством и соблюдая приличия.

Тем временем Кугель заметил исключительно красивую девушку, танцевавшую с одним из знакомых ему охотников. Кугель подтолкнул гетмана локтем и обратил его внимание на эту красавицу.

«Как же, как же! Обворожительная Марлинка! Она танцует с парнем, за которого, насколько я понимаю, намерена выйти замуж».

«Возможно ли внести изменения в ее намере-

ния?» — многозначительно спросил Кугель.

Гетман лукаво подмигнул ему: «Вы находите ее привлекательной?»

«В высшей степени — и, раз уж такова прерогатива моей должности, настоящим объявляю это прелестное создание моей нареченной невестой. Бракосочетание должно состояться сию минуту!»

«Так скоро? — удивился гетман. — А! Кровь юности кипит и не терпит отлагательств!» Он подозвал девушку; та, весело пританцовывая, приблизилась к их столу. Гетман произнес: «Марлинка, дозорный Вулля находит желательным, чтобы ты стала его супругой».

Сначала Марлинка растерялась от неожиданности, но затем ситуация ее скорее позабавила. Бросив на Кугеля задорный взгляд, она присела в глубоком реверансе: «Дозорный оказывает мне честь».

«Кроме того, — прибавил гетман, — он требует, чтобы брак был заключен здесь и сейчас».

Марлинка с сомнением покосилась на Кугеля, после чего обернулась к юноше, с которым танцевала. «Хорошо, — сказала она. — Как вам будет угодно».

Церемония состоялась, и Кугель скоропа-

лительно стал супругом Марлинки, каковая по ближайшем рассмотрении оказалась восхитительно оживленной, грациозной девушкой с изящными очаровательными манерами. Обняв ее за талию, Кугель прошептал ей: «Пойдем! Удалимся потихоньку и скрепим наши брачные узы торжественным актом!»

«Не сейчас, — прошептала в ответ Марлинка. — Мне нужно время, чтобы привести себя в порядок. Я слишком волнуюсь!» Она высвободилась и, пританцовывая, убежала.

Пиршество и празднование продолжались; к своему величайшему неудовольствию Кугель заметил, что Марлинка снова танцевала с бывшим женихом, молодым охотником. От его внимания не ускользнуло также, что она неоднократно заключала этого юношу в пылкие объятия. Кугель решительно подошел к ним, остановил их танец и отвел супругу в сторону: «Твое поведение трудно назвать подобающим — ты вышла за меня замуж всего лишь час тому назад!»

Марлинка, удивленная, но нисколько не пристыженная, рассмеялась, потом нахмурилась, после чего снова рассмеялась и пообещала вести себя приличнее. Кугель попытался отвести ее

к себе в комнату, но она опять заявила, что он выбрал неподходящее время.

Раздраженный Кугель глубоко вздохнул, но его утешило воспоминание о других прерогативах дозорного: например, он мог свободно распоряжаться казначейством. Придвинувшись к гетману, он сказал: «Так как теперь я официально назначен хранителем общественной сокровищницы Вулля, с моей стороны было бы предусмотрительно подробнее познакомиться с ценностями, которые я должен охранять. Если вы были так любезны и передали мне ключи от хранилища, я занялся бы предварительной инвентаризацией».

«Превосходно! — одобрил гетман. — Я буду вас сопровождать и сделаю все возможное, чтобы оказать вам содействие».

Они прошли к зданию казначейства. Гетман открыл дверь и зажег светильник. Кугель зашел внутрь и принялся осматривать содержимое сокровищницы. «На первый взгляд здесь все в порядке, — заметил он. — Возможно, мне следует освоиться и привыкнуть к новым обязанностям прежде, чем приступать к подробной описи. Тем временем...» Кугель направился к сундуку, заполненному драгоценными камнями, выбрал

несколько самоцветов и начал засовывать их в свою поясную сумку.

«Одну минуту! — задержал его гетман. — Боюсь, вы причиняете себе неудобство. В ближайшее время вам выдадут роскошные одежды, приличествующие вашему рангу. А драгоценности удобнее всего хранить здесь, в сокровищнице. Зачем обременять себя их весом или рисковать их потерей?»

«В том, что вы говорите, есть определенный смысл, — отозвался Кугель, — но я хотел бы приступить к строительству усадьбы с видом на озеро, и мне понадобятся средства для оплаты работ».

«Всему свое время. Фактически работы не могут начаться до тех пор, пока вы не осмотрите окрестности и не выберете самый подходящий участок».

«Верно, — согласился Кугель. — Очевидно, что в ближайшее время я буду очень занят. Что ж — вернемся в таверну! Моя супруга проявляет чрезмерную скромность, и теперь я не потерплю никаких задержек!»

Но по их возвращении оказалось, что Марлинки нигде нет. «Не сомневаюсь, что она удалилась, чтобы нарядиться самым обольстительным обра-

зом, — объяснил ситуацию гетман. — Призываю вас к терпению!»

Кугель недовольно поджал губы; еще больше его раздражало то обстоятельство, что молодой охотник тоже исчез из таверны.

Тем временем пиршество продолжалось пуще прежнего, и после многочисленных тостов за его здоровье Кугель почувствовал себя не очень хорошо, в связи с чем его пришлось отнести в комнату и уложить в постель.

Рано утром гетман постучался к нему и, услышав голос Кугеля, зашел в спальню. «Теперь мы должны посетить дозорную башню, — сказал он. — Прошлой ночью вахту нес мой сын, так как наши традиции требуют, чтобы бдительное наблюдение никогда не прерывалось».

Кугель неохотно оделся и последовал за гетманом на берег озера, где дул прохладный ветер. Они подошли к дозорной башне — Кугеля поразила не только ее высота, но и элегантная простота ее конструкции: обзорный купол поддерживала напоминающая стебель растения тонкая колонна, возносившаяся в небо на полтораста метров.

Единственным средством доступа к куполу служила веревочная лестница. Гетман начал по ней подниматься; Кугель последовал его при-

меру — лестница дергалась и раскачивалась, что вызывало у Кугеля сильнейшее головокружение.

Они добрались до купола в целости и сохранности, после чего заспанный отпрыск гетмана спустился на берег. Убранство обзорного помещения оказалось далеко не таким роскошным, каким его ожидал увидеть Кугель; по сути дело, обстановка была аскетической. Он указал гетману на этот факт, и тот заявил, что любые недостатки могут быть немедленно устранены: «Вам достаточно предъявить требования, и они будут выполнены!»

«Хорошо, в таком случае я хотел бы, чтобы пол покрыли толстым ковром — по возможности, зеленым с золотым орнаментом. Мне потребуется также гораздо более удобный и обширный диван вместо жалкой табуретки, стоящей у стены, так как моя супруга, Марлинка, будет проводить здесь много времени. Здесь следует поставить застекленный шкаф для драгоценностей и прочих радующих глаз изделий, а здесь — сервант для сладостей и деликатесов, с выдвижным подносом для ароматических эссенций. Необходима также этажерка с глубокими отделениями для льда, охлаждающего вина».

Гетман согласился выполнить все условия:

«Все будет сделано согласно вашим указаниям. Но теперь мы должны обсудить ваши обязанности. В сущности, они настолько просты, что их и обсуждать-то нечего. Вы должны следить за Магнатцем!»

«Понятно. В связи с чем неизбежно возникает дополнительный вопрос. Для того, чтобы работать с максимальной эффективностью, мне нужно знать, чего именно я должен ожидать, глядя в подзорную трубу. Если я не сумею распознать Магнатца, он сможет беспрепятственно прогуливаться по набережной. Как выглядит Магнатц?»

Гетман покачал головой: «Не могу сказать. Эти сведения затерялись во тьме времен. Легенда гласит, что когда-то некий чародей обманул или заколдовал Магнатца и заставил его скрыться». Гетман подошел к обзорной площадке: «Вот оптическое устройство. Благодаря изобретательной конструкции, оно увеличивает изображение того участка, на который вы смотрите. Время от времени вы можете, по желанию, разглядывать местные достопримечательности. Вдали, напротив — гора Темус. Под ней — озеро Вулль, по нему никто не плавает из-за опасных омутов и водоворотов. Слева вы можете видеть Пада-

гарский перевал, ведущий на восток, в пределы Мерса. Даже в телескоп отсюда едва заметна памятная пирамидка из камней, сооруженная Гузпагом Великим, когда он привел сюда восемь армий, чтобы расправиться с Магнатцем. Магнатц возвел другую пирамиду — видите эту огромную насыпь на севере? — чтобы захоронить искалеченные тела бойцов Гузпага. А там — расщелина, которую Магнатц пробил через горный хребет, чтобы по долине мог циркулировать прохладный свежий воздух. На другом берегу озера остались титанические руины бывшего дворца Магнатца».

Кугель рассматривал различные ориентиры, пользуясь телескопическим устройством: «Таким образом, судя по всему, Магнатц — нечто вроде исполина или гиганта».

«Таково древнее поверье. А теперь — последняя обязанность дозорного. Если Магнатц появится — смехотворно маловероятная ситуация, разумеется — вы должны потянуть на себя этот стержень, заставляющий звенеть огромный гонг. Учтите, что наши законы строго запрещают бить в набат в отсутствие признаков появления Магнатца. Это преступление наказывается исключительно жестоко. Да будет вам известно, что последний

дозорный нарушил этот запрет и разбудил весь поселок без всякой на то причины. Конечно, ему вынесли суровый приговор: после того, как его разорвали на куски скрещенными цепями, останки выбросили в озерный водоворот».

«Глупец, каких мало! — заметил Кугель. — Ради быстротечной и бесполезной забавы от отказался от богатства, угощений и почестей?»

«Все обитатели Вулля придерживаются того же мнения», — сказал гетман.

Кугель нахмурился: «Меня приводит в замешательство его поступок. Он был настолько молод и легкомыслен, что рискнул жизнью, чтобы послушать, как звенит гонг?»

«У него не было даже такого оправдания. Седовласый старец, он исправно прослужил дозорным шестьдесят лет».

«Тем более невероятным выглядит его поведение», — недоумевал Кугель.

«В поселке все до единого поражаются его поступку». Гетман деловито потер руки: «Кажется, мы обсудили все существенные детали. Мне пора — не буду мешать выполнению ваших обязанностей».

«Один момент! — задержал его Кугель. — Я настаивал на определенных изменениях и улуч-

шениях. Как насчет ковра, шкафа, удобного дивана, деликатесов и эссенций?»

«Да-да, конечно!» — спохватился гетман. Перегнувшись через поручень узкого балкона, окружавшего купол, он прокричал указания находившимся внизу. Никакого немедленного ответа не последовало, и гетман разозлился. «Сплошные заботы! — пожаловался он. — Все приходится делать самому!» Он стал спускаться по веревочной лестнице.

«Пожалуйста, не забудьте прислать сюда мою супругу, Марлинку! — прокричал ему вслед Кугель. — Я хотел бы кое-что с ней обсудить».

«Непременно ее отыщу», — подняв голову, пообещал гетман.

Через несколько минут Кугель услышал, как поскрипывает большой шкив — веревочную лестницу опускали на конце привязанного к ней троса. Наклонившись с балкона, он увидел, что внизу готовились понимать подушки. Толстый трос, спускавший лестницу, шумно скользил в пазу шкива, в то же время поднимая трос потоньше — в сущности, не более чем прочную веревку — и вместе с веревкой поднимались подушки. Кугель с неодобрением разглядывал старые пыльные подушки, качество которых ни-

коим образом не соответствовало его ожиданиям. Несомненно, ему надлежало настоять на предоставлении удобств, гораздо более подобающих высокопоставленной должности дозорного! Надо полагать, гетман приказал поднять подушки в качестве временной меры, пока не будет подготовлен надлежащий роскошный диван. Кугель кивнул: разумеется, в этом и заключалась причина происходящего.

Обозревая горизонт, Кугель не заметил никаких признаков появления Магнатца. Взмахнув пару раз руками, чтобы размяться, он прошелся взад и вперед, после чего решил взглянуть на главную площадь поселка, где, по его расчетам, работники должны были уже приступить к сборке заказанных для него предметов мебели. Никто, однако, ничего подобного не делал; судя по всему, местные жители продолжали предаваться привычным заботам и увеселениям. Магнатц по-прежнему не показывался.

Снова взглянув на площадь, Кугель нахмурился и прищурился: неужели его супруга, Марлинка, прогуливалась там в компании молодого человека? Кугель направил телескопическую трубу на грациозную фигуру. Действительно, эта была Марлинка, причем к ней дерзко наклонился, взяв

под локоть, тот самый охотник, с которым она была обручена раньше. Кугель возмущенно сжал зубы. Такой распущенности следовало положить конец! Когда Марлинка соблаговолит подняться, наконец, на дозорную башню, ей придется выслушать самый безапелляционный выговор.

Солнце достигло зенита — веревка задрожала. Перегнувшись через поручень, Кугель увидел, что ему поднимают в корзине обед, и потер руки, предвкушая возможность полакомиться. Приподняв кусок ткани, прикрывавший корзину, он обнаружил, однако, только полбуханки хлеба, кусок жесткого вареного мяса и флягу разбавленного вина. Шокированный столь жалким зрелищем, Кугель решил тут же спуститься, чтобы поставить вещи на свои места. Прокашлявшись, он наклонился над перилами и попросил поднять лестницу. Никто, казалось, его не слышал. Он позвал громче. Пара прохожих с некоторым любопытством взглянули вверх и пошли по своим делам. Кугель раздраженно взялся за веревку и стал поднимать ее, вращая шкив, но вслед за веревкой не появились ни толстый трос, ни веревочная лестница. Тонкая веревка, способная выдержать вес не более чем корзины с едой, оказалась бесконечной замкну-

той петлей.

Кугель задумчиво присел, чтобы оценить ситуацию. Затем он снова направил телескоп на площадь и попытался найти гетмана, у которого намеревался потребовать объяснений.

Ему пришлось долго ждать — только поздно вечером дверь таверны распахнулась, и на улицу, пошатываясь, вышел гетман — явно под мухой. Кугель повелительно позвал его, наклонившись над поручнем; гетман остановился, озираясь в поисках источника обратившегося к нему голоса, озадаченно покачал головой и побрел по площади дальше.

Косые лучи заходящего Солнца позолотили воды озера Вулль; теперь на поверхности воды можно было четко различить коричневатые и черноватые спирали водоворотов. На башню подняли ужин Кугеля: миску овсяной каши с тушеным луком-пореем. Взглянув на это блюдо без всякого интереса, Кугель вышел на балкон купола дозорной башни и закричал: «Поднимите лестницу! Становится темно! А в темноте бесполезно следить за Магнатцем или за кем-нибудь другим!»

Как прежде, никто не обратил внимания на его замечания. Фиркс, по всей видимости, осознал

положение вещей и вызвал несколько резких приступов боли, сжимая когтями внутренности Кугеля.

Кугель провел беспокойную ночь. По мере того, как из таверны выходили запоздавшие выпивохи, он призывал их помочь ему спуститься с башни, но никто даже ухом не повел.

Когда из-за гор взошло Солнце, на башню подняли завтрак — вполне съедобный, но ни в малейшей степени даже не напоминавший о том уровне обслуживания, который обещал Кугелю лукавый гетман. Кугель яростно раскричался на находившихся внизу, но его приказы игнорировали. Глубоко вздохнув, Кугель убедился наконец в том, что ему оставалось полагаться только на его собственные ресурсы. Конечно, как иначе? Разве его зря прозвали Пройдохой Кугелем? Но как спуститься с башни? Он стал рассматривать различные возможности.

Веревка, с помощью которой в купол поднимали еду, была слишком тонка. Если бы он сложил ее вчетверо, она, пожалуй, выдержала бы его вес, но опустилась бы лишь на четверть расстояния, отделявшего его от набережной. Будучи связаны крепкими узлами, его ремни и одежда, разорванная на полосы, позволили бы удлинить

веревку еще метров на шесть, но все равно он повис бы в воздухе высоко над землей. Гладкая опора дозорной башни не позволяла за что-либо зацепиться. Если бы у него были подходящие инструменты и достаточное количество времени, он мог бы, наверное, вырубить на наружной поверхности колонны углубления-захваты и таким образом спуститься — или даже постепенно укорачивать столб, пока он не смог бы спрыгнуть на набережную… Но все эти проекты были практически неосуществимы. Кугель в отчаянии опустился на подушки. Все было ясно. Его околпачили. Он оказался в заключении. Сколько провел на башне предыдущий дозорный? Шестьдесят лет? Такая перспектива никак не устраивала Кугеля.

Фиркс придерживался того же мнения и яростно ворочался в животе Кугеля, усугубляя его огорчение шипами и когтями.

Так проходили дни и ночи. Кугель долго и мрачно размышлял, поглядывая с башни на жителей Вулля с безмерным отвращением. Время от времени он подумывал о том, чтобы позвонить в набат так, как это сделал его доведенный до безумия предшественник, но сдерживался, вспоминая о грозившем за это наказании.

Кугель познакомился во всех подробностях с планировкой поселка, а также с топографией озера и окружающего ландшафта. По утрам озеро окутывал плотный туман; на протяжении следующих двух часов его рассеивал прохладный бриз. Из водоворотов, рассеянных по всему озеру, доносились хлюпающие и стонущие звуки; местные рыбаки не отваживались отплывать от берега дальше, чем на расстояние, равное длине их лодок. Кугель научился распознавать всех обитателей поселка и досконально изучил их привычки. Марлинка, его супруга-предательница, часто проходила по площади, но почти никогда не поднимала глаза к дозорной башне. Теперь Кугель прекрасно знал, где она жила, и часто следил за этим небольшим одноэтажным строением с помощью телескопической трубы. Даже если она устраивала свидания молодому охотнику, Марлинка проявляла исключительную осторожность — Кугелю ни разу не удалось обнаружить неопровержимые свидетельства, подтверждавшие его подозрения.

Качество еды не улучшалось со временем, а иногда Кугеля вообще забывали покормить. Фиркс постоянно напоминал о своем раздражении, и Кугель расхаживал из одного конца

тесного помещения купола в другой с беспокойством, принимавшим все более лихорадочный характер. Однажды вечером, уже после захода Солнца, Фиркс особенно докучал Кугелю, вызывая частые кратковременные приступы боли. Расхаживая, как обычно, из угла в угол, Кугель внезапно остановился. Он понял, как спуститься с башни. Идея отличалась гениальной простотой! Как он не догадался об этом раньше? Тугодум Кугель, простофиля Кугель!

Он разорвал на полосы все куски ткани, какие нашел в куполе, и сплел из них веревку длиной примерно шесть метров. Теперь нужно было подождать пару часов, чтобы в поселке все затихло.

Фиркс снова напал на его печень, и Кугель воскликнул: «Втяни свои когти, ахернарский скорпион! Сегодня мы сбежим из этой тюрьмы! Незачем меня подзуживать!»

Фиркс прекратил пытку, и Кугель принялся наблюдать за главной площадью. Выдалась холодная, туманная ночь — идеальная в том, что касалось намерений Кугеля, так как местные жители отправились спать пораньше.

Кугель осторожно разрезал и подтянул к себе веревку, на которой для него поднимали прови-

зию. Сложив ее вчетверо и скрутив, он изготовил трос, способный выдержать его вес. На одном конце троса он устроил широкую петлю, а другой закрепил на оси шкива. Окинув горизонт последним взглядом, он стал спускаться по тросу вдоль опоры башни. Достигнув конца троса, он проскользнул в петлю и уселся в ней, покачиваясь в ста двадцати метрах над набережной. Привязав, в качестве грузила, один сапог к концу дополнительной шестиметровой веревки, он смог, после нескольких попыток, закинуть веревку за опору башни так, чтобы поймать сапог с другой стороны, после чего подтянулся вплотную к узкой колонне. С бесконечной осторожностью высвободившись из петли первого троса, он постепенно спустился на землю, пользуясь, как тормозом, обхватившей колонну петлей второй веревки. Коснувшись набережной, он тут же спрятался в тени и надел снятый сапог. Как только Кугель поднялся на ноги, дверь таверны распахнулась, и на площадь скорее вывалился, нежели вышел, пьяный Хайлэм Вискод. Неприятно усмехнувшись, Кугель последовал за шатающимся гетманом в боковой переулок.

Одного удара в затылок оказалось достаточно — гетман упал в сточную канаву. Кугель сразу

бросился к нему и ловкими пальцами вытащил из кармана ключи. Поспешив к казначейству, он отворил дверь, проскользнул внутрь и набил мешок самоцветами, монетами, флаконами с дорогостоящими эссенциями, антикварными украшениями и прочими ценностями.

Вернувшись на улицу, Кугель отнес мешок к причалу на набережной и спрятал его под рыбацкой сетью. Теперь он направился к домику, где жила его супруга Марлинка. Прокравшись вдоль стены, он приблизился к открытому окну и, запрыгнув в него, оказался в спальне Марлинки.

Она проснулась, ощутив пальцы, схватившие ее за шею. Марлинка попыталась закричать, но пальцы сжались, и она не смогла даже пискнуть. «Это я, твой муж! — прошипел Кугель. — Вставай, пойдешь со мной. Ни звука! Попробуй поднять шум, и я тебя прикончу!»

Девушка в ужасе подчинилась. Следуя указаниям Кугеля, она набросила на плечи плащ и надела сандалии. «Куда мы пойдем?» — дрожащим шепотом спросила она.

«Неважно. Давай, вылезай из окна. И помни — ни звука!»

Стоя снаружи в темноте, Марлинка испуганно взглянула на дозорную башню: «Кто несет вахту?

Кто охраняет Вулль от Магнатца?»

«Никто! — сказал Кугель. — На башне никого нет».

У Марлинки подкосились колени, она стала опускаться на землю. «Вставай! — приказал Кугель. — Вставай, нам пора идти!»

«Но дозорного нет! Чары, заколдовавшие Магнатца, рассеются — а он поклялся отомстить, как только башня опустеет!»

Кугель заставил девушку подняться на ноги: «Меня это нисколько не беспокоит: я не несу никакой ответственности за ваш дозор. Вы решили надуть чужеземца и принести его в жертву? Где обещанная мебель? Где обещанные деликатесы? И где была ты, обещанная мне супруга?»

Девушка закрыла лицо руками и тихо рыдала, пока Кугель вел ее к причалу. Подтянув поближе рыбацкую лодку, он приказал Марлинке залезть в нее и бросил туда же мешок с драгоценностями.

Отвязав лодку от причала, Кугель вставил весла в уключины и стал грести к середине озера. Марлинка испугалась еще больше: «Мы утонем в водовороте! Ты с ума сошел?»

«Напротив, я в своем уме! Я тщательно изучил расположение водоворотов и хорошо помню,

на каком расстоянии и в каком направлении находится каждый из них».

Пока лодка плыла по озеру, Кугель подсчитывал взмахи весел, глядя на звезды: «Двести гребков на восток… сто гребков на север… еще двести гребков на восток… пятьдесят гребков на юг…»

Так маневрировал Кугель, огибая шумящие справа и слева водовороты. Но звезды затянуло туманом, и Кугелю пришлось бросить якорь. «Все в порядке, — сказал Кугель. — Здесь мы в безопасности, и нам еще многое предстоит обсудить».

Девушка отползла от него как можно дальше, но Кугель сделал пару шагов и присел к ней на корме: «Я — твой супруг! Почему ты не радуешься тому, что мы наконец остались наедине? Моя комната в трактире была удобнее, но и лодка подойдет».

«Нет! — шептала Марлинка. — Не трогай меня! Церемония ничего не значила — мы просто тебя обманули, чтобы ты поднялся на дозорную башню».

«Чтобы я просидел там шестьдесят лет и, обезумев от одиночества, ударил в гонг?»

«Я тут ни при чем! Я просто пошутила! Но что станет с Вуллем? На башне никого нет, древние

чары рассеются!»

«Тем хуже для вашего народца предателей и лжецов! Так им и надо! Они потеряли сокровища, потеряли самую красивую из девушек — а когда взойдет Солнце, их накажет Магнатц!»

Марлинка пронзительно вскрикнула — но ее голос потонул в глухом тумане: «Не произноси это проклятое имя!»

«Почему нет? Я буду кричать так, чтобы мой голос разносился по всему озеру! Я сообщу Магнатцу, что заклятию пришел конец, что теперь он может отомстить от души своим тюремщикам!»

«Нет, нет! Пожалуйста, не надо!»

«Тогда веди себя хорошо и не противься моим желаниям».

Обливаясь слезами, девушка подчинилась; через некоторое время через туман стало просачиваться бледное красное зарево — начинался рассвет. Кугель выпрямился в лодке во весь рост, но еще не мог различить никаких ориентиров.

Прошел еще час; Солнце всходило все выше. Жители Вулля скоро должны были обнаружить пропажу дозорного — и пропажу сокровищ. Кугель усмехнулся. Утренний бриз рассеивал клочья тумана, в разрывах появлялись знакомые Кугелю детали ландшафта. Подскочив к носу

лодки, он стал вытягивать якорный трос, но, к его вящему огорчению, якорь застрял.

Кугель стал дергать якорь — он понемногу подавался. Кугель налег на трос изо всех сил. Из-под воды стали подниматься огромные пузыри. «Водоворот!» — ужаснулась Марлинка.

«Никаких водоворотов тут нет», — запыхаясь, отозвался Кугель и снова дернул якорь на себя. Натяжение троса ослабло, и Кугель стал его вытягивать. Взглянув в сторону, он увидел гигантское бледное лицо. Якорь зацепился за ноздрю исполина. Чудовище открыло глаза.

Разрубив якорный трос, Кугель бросился к веслам и стал лихорадочно грести к южному берегу.

Над водой поднялась рука величиной с дом. Рука пыталась что-то схватить. Марлинка завизжала. Озеро всколыхнулось, поднялась огромная волна, отбросившая лодку, как щепку, к южному берегу. Посреди озера Вулль сидел Магнатц.

Из поселка послышался звон — кто-то бешено бил в набат.

Магнатц тяжело приподнялся на колени; с его гигантского тела струились потоки воды и грязи. Якорь, пронзивший его ноздрю, все еще болтался в ней; из раны сочилась густая черная жидкость. Исполин раздраженно шлепнул по воде, стараясь

дотянуться до лодки; его удар поднял вспененную волну головокружительной высоты, накатившуюся на лодку. Мешок с драгоценностями, Кугель и девушка погрузились в темные глубины озера.

Энергично работая руками и ногами, Кугель всплыл на пузырящуюся поверхность. Магнатц уже поднялся на ноги и смотрел в сторону Вулля.

Кугель доплыл до берега и выбрался на сушу. Марлинки нигде не было — она утонула. Магнатц медленно брел к поселку по дну озера.

Кугель не стал дожидаться последствий. Повернувшись, он со всех ног побежал вверх по горному склону.

Чародей Фарезм

Горы остались позади: темные ущелья, ледяные озера, отзывающиеся эхом каменные высоты — все это превратилось в пепельно-серую массу на северном горизонте. Некоторое время Кугель блуждал среди пологих округлых возвышенностей, цветом и консистенцией напоминавших старое трухлявое дерево; по гребням холмов тянулись плотные поросли иссиня-черных деревьев. Затем ему повстречалась едва заметная тропа — лениво огибая холмы, она мало-помалу спускалась на юг и наконец вывела его на бескрайнюю сумрачную равнину. Справа, примерно в полумиле, темнела череда высоких утесов, немедленно приковавших его внимание — они вызывали у него щемящее ощущение «дежа вю». Кугель остановился в полном замешательстве. Когда-то, где-то он уже видел эти утесы. Когда? Каким образом? Память не отвечала на эти вопросы.

Кугель присел отдохнуть на плоский камень, покрытый пятнами лишайника, но Фиркс скоро потерял терпение и напомнил о себе стимулирующим приступом резкой боли. Кряхтя

от усталости, Кугель поднялся на ноги и погрозил кулаком на юго-восток — в том направлении, где, судя по всему, находилась Альмерия: «Юкоуну! Юкоуну! Если бы я мог отплатить тебе хотя бы десятой частью того, что ты причинил мне, меня обвинили бы в необузданной жестокости!»

Кугель продолжил путь по тропе, вьющейся под утесами, пробуждавшими в нем отчетливые, но совершенно невозможные воспоминания. Далеко внизу простиралась равнина, заполнявшая три четверти горизонта оттенками, сходными с расцветкой камня, на котором только что сидел Кугель: черные пятна рощ перемежались серым крошевом заполненных руинами низин, смутными полосками серо-зеленых, лавандовых и серовато-коричневых тонов и свинцовыми отблесками двух больших рек, скрывавшихся в туманных далях.

Кратковременный отдых только усугубил болезненные ощущения в одеревеневших суставах Кугеля: они прихрамывал, поясная сумка натирала ему бедро. Еще больше его раздражал голод, постоянно напоминавший о себе бурчанием в животе. И за это ему заплатит Смешливый Волшебник! Да, Юкоуну предоставил ему чудодейственный брелок, превращавший

несъедобные для человека материалы органического происхождения, такие, как сено, дерево, рога и копыта, шерсть, перегной и тому подобное, в питательную пастообразную массу. К сожалению — и в этом, несомненно, тоже проявилось язвительное чувство юмора Юкоуну — полученный таким образом «паштет» сохранял вкусовые качества исходной субстанции. Во время длительного перехода через горы Кугелю не привелось пробовать ничего лучше волчьего лыка, высохших остатков падали, окопника, веточек карликового дуба и дубильных орешков, а однажды, когда уже не оставалось ничего другого, ему пришлось удовольствоваться некими отбросами, найденными в пещере бородатого тавна. Разумеется, подобные «продукты» Кугель употреблял в минимальных количествах, в связи с чем его высокая худощавая фигура стала положительно тощей и костлявой — скулы выступили подобно спонсонам, черные брови, некогда беспечно-иронически приподнятые, хмуро опустились. «Поистине, Юкоуну за многое придется ответить!» — повторял про себя Кугель, на ходу пытаясь представить себе, каким именно способом он отомстит Смешливому Волшебнику, когда вернется наконец в Альмерию.

Тропа повернула и спустилась на обширное плоскогорье, где ветром и песком были вырезаны из камня тысячи причудливых фигур. Глядя по сторонам, Кугель не мог не заметить некую упорядоченность расположения и форм этих скульптурных произведений эрозии и остановился, задумчиво потирая подбородок. Закономерность отличалась исключительной изощренностью — настолько замысловатой, что Кугель усомнился: не становится ли он жертвой своего воображения? Изучая фигуры вблизи, он обнаружил тщательно продуманные сложные элементы и не менее изобретательные мельчайшие подробности их обработки — переплетения, спиральные шпильки и завитки, диски, седловидные углубления и частично вывернутые наизнанку сферы, равномерно перекрученные и волнообразно изогнутые поверхности, веретенообразные, кардиоидные и копьевидные элементы… Перед ним явно были результаты исключительно терпеливой, мастерской и трудоемкой резьбы по камню — никакое усилие воображения не позволяло представить себе, каким образом случайные сочетания погодных условий могли бы сотворить нечто подобное, даже на протяжении тысячелетий. Кугель оза-

даченно хмурился — побуждения, заставившие кого-то создать такую колоссальную скульптурную экспозицию, трудно было себе представить.

Переходя от одной фигуры к другой, через некоторое время Кугель услышал голоса и звонкий перестук инструментов. Кугель замер и осторожно прислушался, после чего направился туда, откуда исходили звуки, и увидел бригаду, состоявшую из примерно полусотни работников всевозможных размеров — от невероятных карликов величиной с вершок до великанов высотой в два или три человеческих роста. Кугель опасливо приблизился к ним, но, взглянув на него разок, мастеровые больше не обращали на него внимания и продолжали долбить, сверлить, скрести, ошкуривать и полировать камень с прилежанием, граничившим с одержимостью.

Понаблюдав за их усилиями несколько минут, Кугель подошел к стоявшему за пюпитром бригадиру — человеку, голова которого едва доходила Кугелю до пояса. Пользуясь неким хитроумным оптическим прибором, бригадир следил за выполнением работ, часто сверяясь с чертежами, закрепленными на пюпитре. Казалось, он одновременно подмечал все, что делали его подчиненные, выкрикивая указания и упре-

ки, выговаривая одних за допущенные ошибки и объясняя другим, как им следовало пользоваться инструментами в том или ином случае. С тем, чтобы практически демонстрировать предъявляемые требования, бригадир чудесным образом удлинял указательный палец, чтобы постучать им по поверхности, находившейся метрах в десяти от него, быстро нацарапать на ней эскиз и тут же втянуть свой необыкновенный отросток.

Когда бригадир отступил от пюпитра на пару шагов, будучи временно удовлетворен достигнутым прогрессом, Кугель обратился к нему: «Какие работы здесь выполняются, и с какой целью?»

«Сами видите, какие! — ответил бригадир таким тоном, словно в объяснениях не было никакой необходимости. — Из естественной скальной породы мы высекаем формы в строгом соответствии с указаниями чародея Фарезма… Эй, что ты делаешь? Разве так можно?» Последние восклицания были адресованы человеку в полтора раза выше Кугеля, колотившему скалу заостренной кувалдой. «Осторожно! Не увлекайся! — указательный палец бригадира мгновенно вытянулся. — Это соединение требует особо тщательной обработки: здесь камень может рас-

колоться, и тогда все придется начинать с начала! В этой точке следует нанести удар по вертикали, применяя полусвободный захват рукоятки и прилагая только одну шестую максимального усилия, здесь — удар снизу вверх в направлении соединения, но прилагая четверть того же усилия, после чего нужно удалить растревоженный клин мягкочугунным пробойником диаметром в четверть калибра».

Убедившись в том, что теперь все будет сделано правильно, бригадир погрузился в изучение чертежей, хмурясь и недовольно покачивая головой: «Мы отстаем от графика! Мастеровые еле шевелятся, как сонные тетери, и упрямо не желают понимать простейшие вещи! Вчера, например, Дадио Фессадиль — тот верзила высотой три с половиной метра, с зеленым платком на голове, видите? — вздумал ковырять центральную выемку небольшого вогнутого четырехлистника вымораживающим дюбелем девятнадцатого калибра!»

Кугель сочувственно развел руками — так, будто ему никогда не приходилось слышать о столь вопиющем промахе, после чего снова спросил: «Но в чем заключается конечная цель всей этой исключительно сложной и, на первый взгляд,

беспорядочной обработки скальной породы?»

«Не могу сказать, — отозвался бригадир. — Работы ведутся уже триста восемнадцать лет, но с тех пор, как они начались, Фарезм ни разу не позаботился объяснить свои побуждения. Надо полагать, однако, что он решает какую-то определенную, точно сформулированную задачу, так как ежедневно проводит инспекции и сразу замечает погрешности». Бригадир отвлекся, чтобы посоветоваться с мастеровым, голова которого едва доходила Кугелю до колена — тот выражал сомнения по поводу градиента закрутки какого-то спирального раструба. Сверившись с перечнем технических условий, бригадир внес необходимые уточнения, после чего снова повернулся к Кугелю, на этот раз с явным профессиональным интересом.

«Вы производите впечатление человека проницательного и расторопного — почему бы вам не устроиться к нам на работу? Нам не хватает нескольких мастеровых мелкой разновидности, ростом полметра. Или, если вы предпочитаете демонстрацию силы, нам пригодился бы подмастерье-каменобоец ростом восемнадцать метров. Размеры работников регулируются по мере надобности, а возможности продвиже-

ния по службе в каждой категории крупности примерно одинаковы. Как видите, мой рост — метр с небольшим. Отработав один год, я занял должность молотобойца, через три года стал камнерезом, через десять лет — помощником чейда, и теперь выполняю обязанности мастера-чейда уже девятнадцать лет. Мой предшественник был больше двух метров ростом, а человек, занимавший должность мастера-чейда до него — одиннадцатиметровым великаном». Бригадир принялся перечислять преимущества трудоустройства на каменоломне Фарезма: чародей предоставлял работникам кров и пищу, широкий ассортимент наркотиков, привилегии, позволявшие посещать нимфариум, стипендию, составлявшую сначала десять терциев в день, а затем возраставшую с выслугой лет, а также различные другие льготы, в том числе услуги самого Фарезма в качестве прорицателя и экзорциста. «Кроме того, Фарезм содержит консерваторию — в ней каждый из нас может обогащать свой интеллект. Лично я посещаю занятия по идентификации насекомых и геральдической символике королей Древнего Гомаза, классы пения в унисон и практической каталепсии, а также лекции для приверженцев ортодоксальной доктрины. Вы нигде не найдете

более щедрого работодателя, чем чародей Фарезм!»

Кугель с трудом сдерживал улыбку перед лицом энтузиазма мастера-чейда; тем не менее, его желудок продолжал бурчать от голода, и он не решился сразу отвергнуть предложение. «Я никогда не рассматривал возможность подобной карьеры, — сказал он. — Вы упомянули о многих преимуществах, которые я раньше не принимал во внимание».

«Верно — мы не кричим о наших льготах на каждом углу».

«Не могу сразу дать вам положительный или отрицательный ответ. Такое решение чревато последствиями, все аспекты которых следует внимательно рассмотреть».

Мастер-чейд понимающе кивнул: «Мы рекомендуем всем нашим мастеровым предварительно оценивать последствия их действий — ведь каждый удар молотка по долоту должен производить желаемый эффект. Для того, чтобы устранить даже мельчайшую погрешность величиной с ноготок, приходится заменять целый каменный блок, вставляя вместо него новый и начиная обработку заново. А до тех пор, пока не будет выполнен заданный объем работ, никто

из нас не получает доступ к нимфариуму. Естественно, мы не хотели бы, чтобы в состав нашей бригады входили оппортунисты или новички, подчиняющиеся внезапным порывам».

Фиркс, по-видимому, только теперь понял, что Кугелю предложили надолго задержаться в каменоломне, и стал протестовать, причиняя приступы нестерпимой боли. Схватившись за живот, Кугель отошел в сторону и, пока мастер-чейд недоуменно наблюдал за ним, принялся горячо спорить с ахернарским отродьем: «Как я могу идти дальше, если мне нечего есть?» Фиркс ответил безжалостным уколом шипов, вонзившихся в печень. «Ты требуешь невозможного! — протестовал Кугель. — Да, в принципе брелок Юкоуну позволяет мне выживать, но я больше не могу жевать волчье лыко! Не забывай о том, что, если я растянусь на тропе и сдохну, ты никогда не увидишься со своим партнером в лаборатории Юкоуну!»

Фиркс осознал справедливость такой аргументации и неохотно затих. Кугель вернулся к пюпитру — но мастера-чейда уже отвлекло обнаружение крупного турмалина, препятствовавшего формированию некой сложносоставной геликоидальной поверхности. Через некоторое

время Кугелю удалось, наконец, снова обратить на себя внимание бригадира: «Пока я оцениваю преимущества предлагаемого трудоустройства и противоречивые возможности моего уменьшения или увеличения в размерах, мне нужно было бы где-то ночевать. Кроме того, я хотел бы испробовать на практике упомянутые вами льготы — хотя бы на протяжении одного или двух дней».

«Ваша предусмотрительность похвальна! — заявил мастер-чейд. — В наши дни люди скоропалительно берут на себя обязательства, а потом об этом сожалеют. Не так было в годы моей молодости — тогда преобладали трезвость и благоразумие. Я позабочусь о том, чтобы вас пропустили на территорию нашего жилого комплекса, и вы сможете убедиться в справедливости всех моих утверждений. Вы увидите, что Фарезм — строгий, но великодушный хозяин; основания жаловаться есть только у тех, кто ленится и халтурит в каменоломне. Смотрите-ка, однако! Вот и чародей Фарезм собственной персоной — явился проводить ежедневную инспекцию!»

К ним величественно поднимался человек в развевающейся белой мантии. Лицо его отличалось снисходительно-благожелательным

выражением, волосы напоминали пушистое желтоватое облачко, глаза были обращены к небу, как если бы их обладатель был погружен в созерцание чего-то невыразимо возвышенного. Сдержанно сложив руки на поясе, он медленно плыл над тропой — ноги его не двигались. Работники обнажили головы и, одновременно поклонившись, произнесли нараспев почтительное приветствие, на каковое Фарезм ответил наклоном головы. Заметив Кугеля, чародей задержался, наскоро оценил проделанную за день работу и неспешно подлетел к пюпитру бригадира.

«Все выглядит более или менее правильно, — сообщил он мастеру-чейду. — На мой взгляд, в полировке с нижней стороны эпипроекции 65—16 допущены некоторые неровности. Кроме того, я замечаю микроскопическую щербинку на вторичном пояске девятнадцатой остроконечной спирали. Ни то, ни другое не имеет особого значения, и я не стану рекомендовать дисциплинарные меры».

«Дефекты будут устранены, а неосторожным мастеровым я вынесу строгий выговор — как минимум! — в яростном возбуждении заверил чародея мастер-чейд. — А теперь я хотел бы представить вам потенциального рекрута, про-

явившего интерес к участию в нашем проекте. Он не претендует на какой-либо опыт работы в каменоломне и хотел бы предварительно взвесить все „за“ и „против“, прежде чем принять окончательное решение. Если, однако, он выразит желание поступить к нам на работу, я предложил бы первоначально поручить ему, как обычно, уборку щебня и обломков перед тем, как ему можно будет доверить заточку инструментов и предварительные землекопные работы».

«Да, это соответствовало бы нашим традиционным методам. Тем не менее...» Не прилагая ни малейших усилий, Фарезм приблизился к Кугелю по воздуху, взял его за руку и, едва прикасаясь к ногтям, мгновенно произвел какую-то прорицательную манипуляцию: «Замечаю противоречия четырех разновидностей. Очевидно, тем не менее, что оптимальное приложение ваших способностей не относится к сфере обработки камня и создания абстрактных скульптур. Рекомендую вам найти какую-нибудь другую работу, достаточно совместимую с вашими предрасположенностями».

«Хорошо сказано! — воскликнул мастер-чейд. — Чародей Фарезм демонстрирует безукоризненный альтруизм! Для того, чтобы ни в чем

не уступить ему в этом отношении, настоящим я отзываю свое предложение трудоустройства! Так как теперь нет никакой необходимости предоставлять вам ночлег или возможность оценить предоставляемые работникам льготы, мы можем больше не тратить незаменимое время».

Кугель нахмурился и угрюмо возразил: «Столь скоропалительное гадание вполне может оказаться ошибочным».

Мастер-чейд вытянул указательный палец на десять метров вверх, тем самым выражая упрек и праведное негодование, но Фарезм безмятежно кивнул: «Совершенно верно, и я рад буду совершить ритуал более точного и надежного предсказания, хотя этот процесс занимает от шести до восьми часов».

«Так долго?» — поразился Кугель.

«Как минимум — может быть и дольше. Прежде всего вас следует натереть с головы до ног внутренностями только что убитых сов, после чего вы должны принять теплую ванну в растворе тайного состава, содержащем ряд органических веществ. Конечно же, придется обуглить мизинец вашей левой ноги и достаточно расширить ваши носовые пазухи, чтобы через них мог проникнуть зонд-скарабей, регистрирующий входящие

и выходящие сигналы, поступающие по волокнистым нервным соединениям вашего сенсориума. Позвольте пригласить вас в синоптикум, где через некоторое время мы сможем приступить к составлению детального прогноза».

Раздираемый противоречивыми стремлениями, Кугель пару раз дернул себя за подбородок. Наконец он сказал: «Я человек осторожный, мне нужно поразмыслить о целесообразности такой сложной и рискованной процедуры; тем временем мне потребуются несколько дней полусонного покоя, способствующего медитации. Насколько я понимаю, ваш жилой комплекс и прилегающий к нему нимфариум позволяют создать условия, необходимые для пребывания в таком состоянии, в связи с чем…»

Фарезм благодушно покачал головой: «Осторожность, так же, как и любую другую добродетель, не следует доводить до крайности. К прецизионному предвещанию следует приступить безотлагательно».

Кугель пытался выдвигать другие аргументы, но Фарезм не уступил ни на йоту и вскоре покинул каменоломню, плавно спускаясь по воздуху над тропой.

Безутешно отойдя в сторону, Кугель тщет-

но пытался придумать какую-нибудь уловку или хитрость. Солнце уже приближалось к зениту, и работники перекликались, обсуждая возможное меню предстоящего обеда. Наконец мастер-чейд подал знак; все сложили инструменты и собрались вокруг тележки, содержавшей провизию.

Кугель шутливо заметил во всеуслышание, что не отказался бы присоединиться к трапезе, если бы его пригласили, но мастер-чейд твердо отказал ему: «Как во всем, что делает Фарезм, в этом отношении должен преобладать точный расчет. Поглощение пятьюдесятью четырьмя людьми запаса пищи, предназначенного для пятидесяти трех, привело бы к недопустимой погрешности».

Кугель не смог найти оснований для возражения и молча сидел, пока камнерезы поглощали пироги с мясом, сыры и соленую рыбу. Все они игнорировали пришлого незнакомца — за исключением одного тридцатисантиметрового карлика, щедрость которого существенно превосходила его размеры; он пообещал оставить Кугелю какую-то часть своего рациона. Кугель ответил, что не голоден и, поднявшись на ноги, принялся бродить по каменоломне в надежде

найти какую-нибудь еду, припрятанную про запас.

Он заглядывал то в одну расщелину, то в другую, но уборщики щебня и обломков не оставили ничего, что могла бы помешать обзору и обработке сложных поверхностей. Так и не утолив голод, Кугель забрел в центр гигантской скульптурной экспозиции, где случайно заметил исключительно странное существо, распластавшееся на вырезанном из камня диске: по существу, желеобразную сферу, в которой плавали светящиеся частицы. Из сферы тянулись несколько прозрачных трубок или щупалец, постепенно сужавшихся и словно растворявшихся в воздухе. Кугель нагнулся, чтобы получше рассмотреть это существо, медленно пульсировавшее в такт какому-то внутреннему ритму. Он потрогал прозрачную сферу пальцем, и от места прикосновения стали распространяться кольцами яркие маленькие искорки. Существо отличалось самыми любопытными свойствами!

Вынув из воротника булавку, Кугель уколол одно из щупалец. Щупальце отреагировало раздраженной вспышкой света, и по всей его длине пробежались туда-сюда золотистые блестки. Заинтригованный пуще прежнего, Кугель подсел

поближе и принялся экспериментировать, прикасаясь булавкой то к сфере, то к щупальцам — вызванные уколами искристые фейерверки забавляли его.

Новая мысль посетила Кугеля. Существо отличалось характеристиками, свойственными как иглокожим, так и кишечнополостным. Сухопутный голожаберный моллюск? Моллюск, потерявший раковину? Что важнее всего, съедобно ли это существо?

Кугель вынул чудодейственный брелок и приложил его к центральной сфере и к каждому из щупалец неизвестного животного. При этом он не услышал никакого жужжания и не почувствовал в брелоке никакой дрожи. Существо не было ядовитым. Вынув нож, Кугель попробовал отрезать одно из щупалец, но плоть странной твари оказалась слишком упругой и плотной — она не поддавалась лезвию. Неподалеку была жаровня, в которой мастеровые поддерживали огонь, чтобы ковать и затачивать притупившиеся инструменты. Приподняв существо за пару щупалец, Кугель перенес его к жаровне и разместил над огнем. Когда он решил, что добыча достаточно прожарилась, Кугель попробовал ее съесть. Плоть не жевалась и не отрывалась зубами, так

что после нескольких безуспешных попыток что-нибудь откусить Кугель самым неизящным образом затолкал всю эту тварь в глотку и проглотил целиком. Она показалась ему безвкусной и лишенной питательных свойств.

Тем временем камнерезы возвращались к работе. Бросив многозначительный взгляд на бригадира, Кугель стал спускаться по тропе.

Неподалеку находилось жилище чародея Фарезма: продолговатое приземистое строение из плавленого камня, увенчанное восемью причудливыми куполами из меди, слюды и ярко-синего стекла. Фарезм собственной персоной отдыхал на крыльце, обозревая долину с выражением безмятежного, всеобъемлющего великодушия. Приподняв руку спокойным приветственным жестом, чародей сказал: «Желаю вам благополучного странствия и успехов во всех ваших начинаниях!»

«Само собой, я высоко ценю ваши пожелания, — с некоторой обидой отозвался Кугель. — Но они оказались бы гораздо более осмысленными, если бы вы поделились со мной полдником своей бригады».

Мирное благодушие Фарезма ничуть не поколебалось: «Такой поступок свидетельствовал бы

об альтруистическом заблуждении. Чрезмерная щедрость развращает того, кто ею пользуется, и обесценивает намерения того, кто ее демонстрирует».

Кугель горько рассмеялся: «Я — человек незыблемых принципов и не жалуюсь, несмотря на то, что, не находя ничего лучшего, мне пришлось сожрать какого-то огромного прозрачного слизня, лежавшего посреди ваших изваяний».

Внезапно насторожившись, Фарезм стремительно повернулся к Кугелю: «Как вы сказали — огромного прозрачного слизня?»

«Слизня, эпифита, моллюска — кто его знает? Никогда не видел ничего подобного — и даже после того, как я его подрумянил на жаровне, он показался мне довольно-таки непримечательным на вкус».

Фарезм взлетел, повиснув на двухметровой высоте, и поднял Кугеля в воздух так, чтобы тот находился несколько ниже. Наклонив голову и вперив в Кугеля напряженно горящий взор, чародей приказал, тихо и хрипло: «Подробно опишите это существо!»

Удивляясь неожиданной строгости Фарезма, Кугель подчинился: «Оно было примерно вот таких размеров, — он показал руками. — Желеобразное,

прозрачное, наполненное бесчисленными золотистыми искорками. Когда я прикасался к нему, искорки мерцали и пульсировали. Его щупальца становились все тоньше и тоньше — и скорее исчезали в воздухе, нежели чем-нибудь кончались. Существо отличалось, в некотором смысле, упрямой неподатливостью, проглотить его было трудно».

Фарезм схватился за голову, запустив пальцы в пушистые желтые волосы. Возведя очи к небу, он издал трагический вопль: «А! Пятьсот лет я трудился не покладая рук, чтобы приманить это существо, день за днем отчаиваясь, мучаясь сомнениями, не зная сна по ночам — но никогда меня не покидала надежда на то, что мои расчеты оправдаются, что мой монументальный талисман обладает непреодолимой притягательной силой! И вот, когда оно наконец явилось, его нашел какой-то бродяга, чтобы удовлетворить свое омерзительное чревоугодие!»

Слегка обескураженный гневом чародея, Кугель заметил, однако, что у него отсутствовали какие-либо злонамеренные побуждения. Фарезм был неумолим. Чародей указал на тот факт, что, неправомочно вступив на не принадлежащую ему территорию, Кугель тем самым лишился

права претендовать на невиновность: «Само твое существование — подвох судьбы, отягощенный тем, что ты принес мне самую неприятную весть из всех возможных! Великодушие побудило меня терпеть твое присутствие, что оказалось непростительной ошибкой!»

«В таком случае, — с достоинством поклонился в воздухе Кугель, — я позволю себе безотлагательно расстаться с вами. Желаю вам провести остаток дня наилучшим образом — прощайте!»

«Не торопись! — самым ледяным тоном приказал Фарезм. — Нарушен непреложный баланс. Для того, чтобы соблюдался закон всемирного равновесия, требуется возмещение нанесенного ущерба. Серьезность ущерба можно определить таким образом: если бы я распылил тебя сию минуту на мельчайшие составляющие частицы, это не позволило бы компенсировать даже одну десятимиллионную долю того вреда, который ты мне нанес! Необходимо гораздо более суровое возмездие».

Донельзя огорченный, Кугель сказал: «Я понимаю неприемлемость последствий моего поступка, но прошу вас учитывать, что мое присутствие здесь носит, по существу, чисто случайный характер. Я категорически заявляю,

во-первых, о своей невиновности, во-вторых, об отсутствии у меня каких-либо преступных намерений и, в-третьих, о своей готовности принести глубочайшие извинения. Каковые…»

Фарезм прервал его угрожающим жестом. Кугель замолчал. Чародей глубоко вздохнул: «Ты не осознаешь размеров причиненной катастрофы. Я объясню — хотя бы для того, чтобы ты не слишком удивлялся невзгодам, уготовленным тебе судьбой. Как я уже упомянул в общих чертах, прибытие поглощенного тобой существа стало кульминацией моего многовекового труда. Я определил свойства этого феномена, изучив сорок две тысячи либрамов, заполненных тайными письменами на давно забытом языке — на это ушло больше ста лет. На протяжении второго столетия я разрабатывал сочетание закономерностей, способное привести к материализации этого явления в концентрированном виде, и рассчитывал соответствующие точные технические условия и допуски. Затем я нанял бригаду камнерезов и в течение следующих трехсот лет воплощал модель сформулированных мной взаимозависимостей. Так как сходство порождается сходством, а подобное притягивается подобным, корреляция независимых переменных и коагу-

ляция пересечений зон их влияния приводят к межпространственному каскадному ветвлению всех направлений, интервалов и характеристик с образованием кристорроидального завихрения, в конечном счете возбуждающего нуль-потенциацию протокоординационного канала. Сегодня имела место резонансная каденция поэтапного слияния: „существо“, как ты его назвал, сфокусировалось в трехмерном пространстве — а ты, в припадке преступного идиотизма, сожрал его!»

Оскорбленно выпрямившись, Кугель указал на то обстоятельство, что «припадок преступного идиотизма», как изволил выразиться разочарованный чародей, был вызван самым обыкновенным голодом: «Как бы то ни было, в чем заключается невероятная ценность этой крапчатой медузы, распластавшейся на камне? Не менее уродливых тварей можно обнаружить в сетях любого рыбака».

Фарезм тоже выпрямился во весь рост, обжигая Кугеля возмущенным взглядом. «Эта „тварь“, — громогласно объявил он, — не что иное, как ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ! Ее центральная сфера заключает в себе бесконечное пространство-время, видимое в обращении. Трубчатые отростки сферы соединяют ее с различными эпохами,

и ужасные последствия твоих тычков и уколов, а тем более дальнейших попыток поджарить и разжевать это воплощение всего, что было, есть и будет, невозможно себе представить!»

«Как насчет воздействия пищеварительных соков? — деликатно поинтересовался Кугель. — Сохранят ли свои изначальные свойства различные компоненты пространства, времени и бытия по мере прохождения через мой желудочно-кишечный тракт?»

«Чепуха! Бесплодная игра воображения! Достаточно сказать, что ты нанес чудовищный ущерб и создал опасные напряжения в онтологической ткани Вселенной. От тебя неизбежно потребуется восстановление устойчивого равновесия мироздания».

Кугель развел руками: «Неужели нельзя предположить, что допущена какая-то ошибка? Что упомянутое „существо“ — не более, чем псевдо-ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ? Или что такое существо можно было бы приманить снова каким-либо другим способом?»

«Первые две теории не выдерживают критики. В том, что касается последней, должен признаться, мне приходили в голову возможности извлечения ВЕЗДЕСУЩНОСТИ чрезвычайными

методами». Фарезм взмахнул рукой; ступни Кугеля снова опустились на каменистую почву, но приросли к ней намертво: «Теперь я направлюсь в синоптикум, чтобы в полной мере оценить значение последних достойных сожаления событий. В свое время я вернусь».

«К тому времени я ослабею от голода, — тревожно отозвался Кугель. — В самом деле! Корка хлеба и кусочек сыра позволили бы предотвратить все достойные сожаления события, в связи с которыми я подвергаюсь незаслуженным обвинениям».

«Молчать! — рявкнул Фарезм. — Не забывай, что размеры и характер твоего наказания еще не определены. Приставать с жалобами и упреками к тому, кто и так уже едва заставляет себя сохранять разумную сдержанность — в высшей степени бесстыдная и опрометчивая дерзость!»

«Позвольте мне сказать только одно, — упорствовал Кугель. — Если вы вернетесь и найдете на этой тропе мой окостеневший труп, вы только потеряете время зря, определяя размеры незаслуженного мной наказания».

«Возобновление жизнедеятельности — тривиальная задача, — обронил Фарезм. — Вынесенный тебе приговор вполне может предусматривать

многократную казнь посредством применения контрастирующих методов умерщвления». Чародей уже направился к синоптикуму, но обернулся и раздраженно подозвал Кугеля рукой: «Пойдем! Проще тебя накормить, чем возвращаться и воскрешать твое тело».

Кугель обрел свободу передвижения и последовал за Фарезмом по дорожке, широко огибавшей жилище чародея; дорожка привела их ко входу в синоптикум. В просторном помещении с расходящимися вверх наклонными серыми стенами, ярко освещенном трехцветными многогранниками, Кугель жадно поглотил пищу, появившуюся по мановению руки Фарезма. Тем временем чародей заперся в лаборатории и занялся прорицаниями. Шло время. Кугель начинал терять терпение; три раза он подходил к арочному выходу из синоптикума, и каждый раз ему являлось магическое предупреждение — сперва в форме призрака, загородившего путь, затем в виде зигзагообразного голубого разряда энергии, и, наконец, в ипостаси жужжащего роя блестящих лиловых ос.

Отказавшись от мысли о побеге, Кугель присел на скамью и принялся ждать, уткнувшись локтями в колени длинных ног и опустив голову

на ладони.

Наконец Фарезм появился снова — в мятой мантии, со взъерошенными волосами, торчавшими наподобие ореола из тонких желтых игл. Кугель медленно поднялся на ноги.

«Я
определил
местонахождение ВЕЗДЕСУЩНОСТИ! — произнес Фарезм, выделяя каждый слог подобно звонкому удару в гонг. — Возмущенная недостойным обращением, она покинула твой желудок и с отвращением удалилась на миллион лет в прошлое».

Кугель торжественно покачал головой: «Позвольте выразить мои искренние соболезнования. Могу дать только один совет: никогда не отчаивайтесь! Возможно, в один прекрасный день это существо снова посетит ваш музей абстрактной скульптуры».

«Перестань болтать! ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ должна быть возвращена. Пойдем!»

Кугель неохотно последовал за Фарезмом в небольшую комнату со стенами, выложенными голубой плиткой, и с высоким куполом из синего и оранжевого стекла. Чародей указал на черный диск посреди пола: «Встань сюда».

Кугель мрачно подчинился: «В каком-то смысле можно было бы утверждать…»

«Молчать! — Фарезм приблизился. — Видишь этот предмет?» Чародей продемонстрировал шар оттенка слоновой кости, диаметром примерно в два кулака, покрытый исключительно сложной, микроскопически точной резьбой: «Это трехмерный график закономерностей, послуживших основой моему гигантскому проекту. Он отражает символическое значение НЕБЫТИЯ, к которому ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ неизбежно должна испытывать притяжение — согласно Второму закону криптороидального филогенетического родства Кратинджея, с которым ты, возможно, знаком».

«Не могу сказать, что знаком со всеми его аспектами, — отозвался Кугель. — Но хотел бы поинтересоваться: в чем состоят ваши намерения?»

На губах Фарезма промелькнула холодная усмешка: «Я намерен попытаться применить одно из самых могущественных заклинаний, когда-либо сформулированных древними специалистами — заклинание необратимое, но чреватое столь расплывчатыми последствиями и не поддающимися контролю погрешностями,

что Фандаал, верховный чародей Великого Мофолама, запретил его использование. Если мне удастся справиться с этой задачей, ты вернешься на миллион лет в прошлое. Там ты и останешься, пока не выполнишь мое поручение, после чего сможешь вернуться в настоящее время».

Кугель быстро отступил от черного диска: «Я не тот человек, который мог бы выполнить такую задачу, в чем бы она ни заключалось. Настоятельно рекомендую вам воспользоваться услугами другого агента!»

Фарезм игнорировал протесты: «Задача, само собой, состоит в том, чтобы сферический символ НЕБЫТИЯ соприкоснулся с ВЕЗДЕСУЩНОСТЬЮ». В пальцах чародея появилось нечто напоминающее комочек свалявшейся паутины: «Для того, чтобы содействовать твоим поискам, я наделяю тебя этим средством, разъясняющим смысл любых имеющих значение звуковых сигналов, выраженных в соответствии с любой возможной системой кодирования». Он вложил комочек в ухо Кугеля, где паутина тут же развернулась и прижилась так, словно всегда была неотъемлемой частью слухового аппарата. «Вот таким образом, — сказал Фарезм. — Теперь тебе достаточно прислушиваться к незнакомому языку

всего лишь три минуты — и ты сможешь свободно владеть этим языком. А теперь — еще одно средство, увеличивающее вероятность успеха: это кольцо. Обрати внимание на вставленный в него драгоценный камень: если ты будешь находиться на расстоянии менее полутора километров от ВЕЗДЕСУЩНОСТИ, бегущие внутри камня огоньки укажут направление и приведут тебя к искомому объекту. Все ясно?»

Кугель уныло кивнул: «Возникает еще один вопрос. Допустим, вы допустили ошибку в расчетах, и ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ вернулась в прошлое лишь на девятьсот тысяч лет — что тогда? Мне суждено будет закончить свои дни в давно забытом столетии — возможно, среди каких-нибудь варваров?»

Фарезм недовольно нахмурился: «Для того, чтобы возникла такая ситуация, погрешность расчета должна была бы составлять десять процентов. В моей системе прогнозирования ошибка редко выходит за пределы одного процента».

Кугель начал было подсчитывать в уме годы и века, но чародей, указав на черный диск, приказал ему снова встать на него: «Назад! И не двигайся, а то хуже будет!»

Кугель вспотел от страха, колени его дрожали и подгибались — но он вернулся на указанное

место.

Фарезм отошел в дальний конец помещения, где он вступил в середину бухты гибкой золотой трубки, тотчас же туго обмотавшей его торс по спирали. Затем чародей взял со стола четыре небольших черных диска и принялся тасовать их и жонглировать ими с такой быстротой и ловкостью, что в глазах Кугеля диски превратились в смутные пересекающиеся траектории. Наконец Фарезм отбросил диски в сторону; вращаясь и кувыркаясь, они повисли в воздухе, постепенно приближаясь к Кугелю.

Фарезм взял белую трубку, прижал ее конец к губам и произнес заклинание. Трубка вспучилась, раздулась и превратилась в большой шар. Закрутив пальцами оставшийся открытым конец трубки, Фарезм прокричал громовым голосом еще одно заклинание, швырнул белый шар так, чтобы он столкнулся с плавающими в воздухе четырьмя черными дисками — и все взорвалось. Что-то обволокло и схватило Кугеля, то пытаясь разорвать его во всех направлениях, то сжимая его с такой же безжалостной настойчивостью; в конечном счете он был выброшен в направлении, перпендикулярном всем трем измерениям, с усилием, эквивалентным энергии

потока времени протяженностью в миллион лет. Искаженные видения и ослепительные огни стали мелькать у Кугеля в глазах — он потерял сознание.

Кугель очнулся в зареве золотисто-оранжевого света — никогда раньше он не видел такого сияния. Он лежал на спине, глядя в теплые, светлые, мягко-голубые небеса, непохожие на суровый темно-синий небосвод его времени.

Проверив, действуют ли его конечности, Кугель не обнаружил никаких повреждений, сел, а затем медленно поднялся на ноги, моргая в непривычно слепящих солнечных лучах.

Топография окружающей местности изменилась несущественно. Северные горы стали выше, их силуэты были резче очерчены, и Кугель не мог определить, откуда именно он с них спустился (точнее говоря, откуда он с них спустится в далеком будущем). Пустынное плоскогорье каменоломни Фарезма теперь занимал низкорослый пролесок — роща деревьев с перистой светло-зеленой листвой, на ветвях которых висели грозди красных ягод. Равнина под плоскогорьем выглядела по-прежнему, хотя реки текли в других направлениях, а по берегам рек расположились три больших города — один поближе,

два других дальше. Ветерок, поднимавшийся из долины, приносил странный терпкий аромат, смешанный со знакомыми с древности запахами плесени и затхлости — Кугелю казалось, что воздух наполняла какая-то необычная меланхолия. В самом деле, ему почудилось, что откуда-то раздавались тихие звуки музыки — медленная жалобная мелодия, настолько печальная, что от нее невольно слезы наворачивались на глаза. Кугель попытался найти источник этой мелодии, но она постепенно затихла и смолкла, пока он занимался поисками, и зазвучала снова только после того, как он перестал прислушиваться.

Наконец Кугель обратил внимание на утесы, возвышавшиеся на западе, и снова, еще сильнее, чем прежде в будущем, ощутил приступ «дежа вю». Кугель в замешательстве поглаживал подбородок. Так как он теперь смотрел на эти утесы на миллион лет раньше, чем в другой раз, в принципе теперь он должен был видеть их впервые. Но при этом, несомненно, он видел их во второй раз, так как в его памяти сохранилось первоначальное впечатление от этих утесов, воспринятое в будущем. С другой стороны, причинно-следственная логика времени была неопровержима, в связи с чем его нынешнее впечатление предше-

ствовало изначальному. «Парадокс! — подумал Кугель. — Воистину головоломка!» Какое из двух впечатлений служило причиной неприятно щемящего ощущения давнего знакомства с ландшафтом, посетившего его в обоих случаях?…

Кугель решил, что размышлять на эту тему было бесполезно, и уже почти отвернулся от утесов, когда заметил краем глаза какое-то движение. Он снова присмотрелся к утесам, и воздух внезапно наполнился вибрирующей напряженной музыкой — той музыкой, которую он слышал раньше, музыкой скорби и возвышенного отчаяния. Кугель застыл от изумления. Высоко на фоне отвесного обрыва взмахивало крыльями большое белое существо в развевающихся на ветру белых одеждах. Его длинные крылья, с ребристыми прожилками черного хитина, состояли из натянутой серой мембраны. С почтением, граничившим с ужасом, Кугель наблюдал за тем, как крылатое существо нырнуло в пещеру, зиявшую высоко в стене утеса.

Прозвучал удар гонга — откуда? Кугель не мог определить. По воздуху пронеслись гулкие волны обертонов; когда они затихли, неуловимая музыка стала почти осязаемой. Вдали над равниной появилось еще одно крылатое существо, несущее

человека — какого возраста, какого пола? Кугель не мог определить. Воспарив почти к верхнему краю утеса, существо уронило свою ношу. Кугелю показалось, что он услышал при этом слабый отчаянный крик — печальная музыка стала торжественной и звучной. Утес был настолько высок, что падение тела казалось замедленным; наконец оно ударилось об основание обрыва. Отпустившее тело крылатое существо воспарило к уступу на вершине утеса, сложило крылья и встало на нем подобно человеку, глядя в туманную даль равнины.

Кугель спрятался, пригнувшись за скалой. Остался ли он незамеченным? Об этом трудно было судить. Он глубоко вздохнул. Ему не нравился этот скорбный золотистый мир прошлого — чем скорее он смог бы его покинуть, тем лучше. Кугель взглянул на кольцо, полученное от Фарезма, но вставленный в него камень оставался темным, как матовое цветное стекло — никаких огоньков, которые указывали бы путь к ВЕЗДЕСУЩНОСТИ, не было. Опасения Кугеля оправдались. Фарезм ошибся в расчетах, и Кугелю не суждено было вернуться в свое время.

Хлопки огромных крыльев заставили его быстро взглянуть наверх и пригнуться еще ниже,

сидя на корточках под прикрытием скального обнажения. Над головой пронеслась и затихла вдали волна скорбных звуков: озаренное лучами заходящего Солнца, крылатое существо повисло в воздухе на фоне утеса и сбросило вниз очередную жертву, после чего приземлилось на уступе и, шумно хлопая крыльями, скрылось в пещере.

Сгущались янтарные сумерки. Кугель поднялся на ноги и крадучись побежал вниз по тропе.

Тропа привела его в рощу, где Кугель задержался, чтобы перевести дыхание, после чего стал двигаться осторожнее. Он пересек возделанный участок земли, где стояла заброшенная хижина. Кугель подумал, что здесь можно было бы переночевать, но ему показалось, что из глубины хижины за ним следила некая темная фигура, и он решил обойти хижину стороной.

Тропа удалялась от утесов, петляя по низинам среди холмов, и как раз перед тем, как погасли последние лучи вечерней зари, Кугель увидел селение, ютившееся неподалеку от большого пруда.

Кугель с опаской приближался к небольшой россыпи человеческих жилищ, но ему придавали уверенности добротность построек и признаки умелого ведения хозяйства. В парке

на берегу пруда виднелся павильон — возможно, предназначенный для исполнения музыки, представления пантомим или декламаций. Вокруг парка были рассредоточены небольшие дома с узкими фронтонами и крутыми крышами с высокими коньками, на гребнях которых торчали декоративные фестоны. Напротив, на другом берегу пруда, находилось строение покрупнее с фасадом, украшенным плетеными деревянными полосами и красными, синими и желтыми эмалированными плитками. Крыша этого здания состояла из трех высоких коньков, причем на гребне среднего была закреплена панель, украшенная замысловатой резьбой, а на гребнях боковых коньков — вереницы маленьких сферических голубых фонарей. Перед входом в здание была устроена просторная беседка с решетчатыми ограждениями и навесом; в беседке были расставлены скамьи и столы, а свободное пространство между ними освещалось огненными веерами, испускавшими языки красного и зеленого пламени. Вдыхая ароматические курения и распивая вино, здесь отдыхали местные жители постарше, пока юноши и девушки исполняли причудливый танец, высоко вскидывая ноги и капризно кружась под аккомпанемент

дудочников и баяниста.

Ободренный мирным характером открывшейся перед ним сцены, Кугель приблизился к беседке. Жители поселка принадлежали к никогда не встречавшейся Кугелю расе: у большинства были крупные круглые головы и длинные руки, постоянно находившиеся в беспокойном движении. Кожа их отличалась насыщенным темно-оранжевым оттенком, наподобие кожуры спелой тыквы. У них были черные глаза и черные зубы, массивные подбородки и широкие скулы; их волосы, тоже черные, обрамляли лица мужчин гладкими, свободно висящими локонами и заканчивались каймой голубых бусин, тогда как женщины завивали волосы вокруг белых колечек и шпилек, сооружая таким образом довольно-таки сложные куафюры. Наружные уголки их широко расставленных глаз загибались вниз, как у паяцев, наложивших изображающий слезы грим. Их длинные носы и уши оживленно шевелились, явно подчиняясь мышечному контролю, что позволяло им строить всевозможные рожи и гримасы. Мужчины носили черные юбки в складку, коричневые камзолы и головные уборы, состоявшие из широкого черного диска, поверх которого были закреплены черный

цилиндр и еще один черный диск меньшего диаметра, увенчанный позолоченным помпоном. Женщины наряжались в черные шаровары, коричневые блузы с эмалированными круглыми пряжками в районе пупка, а каждую из их ягодиц украшал искусственный петушиный хвост из длинных красных или зеленых перьев — цвет каковых, возможно, свидетельствовал о замужестве или девичестве.

Кугель вступил в круг, освещенный огненными веерами; все разговоры тут же прекратились. Подвижные носы замерли, глаза сосредоточились на незнакомце, уши с любопытством вертелись из стороны в сторону. Кугель с улыбкой раскланялся налево и направо, развел руками, тем самым дружески приветствуя всех присутствующих, и присел к не занятому столу.

Селяне, сидевшие за другими столами, изумленно что-то бормотали, но их слишком тихие слова не достигали ушей Кугеля. Вскоре один из старейшин поднялся, подошел к Кугелю и произнес какую-то фразу — но Кугель его не понял, так как объем лингвистической информации, зарегистрированной сетчатым прибором, вживленным Фарезмом в ухо Кугеля, очевидно был еще недостаточен. Кугель снова улыбнулся

и развел руками, изображая благожелательную беспомощность. Старейшина повторил вопрос, на этот раз значительно более резким тоном. Кугель снова пояснил жестами, что не понимает. Уши старейшины неодобрительно подернулись; он отвернулся. Кугель подозвал рукой хозяина заведения и, указывая на соседний стол, где лежал хлеб и стояла бутыль вина, пояснил без слов, что хотел бы, чтобы ему подали то же самое.

Трактирщик задал вопрос, который Кугель хорошо понял, хотя не разобрал ни слова. Кугель вынул из кармана и продемонстрировал золотую монету; удовлетворенный, трактирщик удалился.

Разговоры за соседними столами возобновились, и вскоре Кугель начал понимать значение произнесенных слов и фраз. Когда он поел и выпил вина, Кугель встал и подошел к столу старейшины, обращавшегося к нему раньше. Вежливо поклонившись, Кугель спросил: «Не позволите ли мне присесть за ваш стол?»

«Садитесь, если вам так угодно, — старейшина указал свободное место на скамье. — Ваше поведение позволило предположить, что вы не только глухонемой, но и стали жертвой задержки умственного развития. Теперь, по меньшей мере,

ясно, что вы можете слышать и говорить».

«Мне свойственна также некоторая сообразительность, — заверил его Кугель. — Я пришел издалека, мне незнакомы ваши обычаи. Поэтому я решил, что мне не помешало бы понаблюдать за происходящим несколько минут, чтобы не допустить случайно какое-нибудь нарушение приличий».

«Изобретательный, хотя и довольно-таки необычный подход, — заметил старейшина. — Так или иначе, ваши поступки не вступают в прямое противоречие с Каноном. Могу ли я поинтересоваться, какое срочное дело привело вас в Фарван?»

Кугель взглянул на путеводное кольцо; кристалл оставался матовым и безжизненным — очевидно, ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ нельзя было найти поблизости: «Мои родные места недостаточно цивилизованы. Я путешествую, чтобы изучать нравы и традиции более развитых народов».

«В самом деле!» Старейшина поразмыслил, после чего кивнул, выражая тем самым осторожное предварительное одобрение побуждений чужеземца: «Вы носите необычную одежду, у вас необычные черты лица — где находятся ваши родные места?»

«В стране настолько далекой, — сказал Кугель, — что до сих пор я никогда не слышал о Фарване!»

Старейшина удивленно прижал уши, как настороженный кот: «Как? Славный Фарван неизвестен у вас на родине? Великие города — Импергос, Таруве, Раверджанд — вы о них даже не слышали? Неужели у вас не знают о знаменитых семберах? Не может быть! Семберы изгнали звездных пиратов, наполнили морскими водами Свайный Край! Роскошь их дворца в Падаре неописуема!»

Кугель скорбно покачал головой: «До моих ушей еще не доходили слухи о столь выдающихся достижениях».

Нос старейшины язвительно подернулся: перед ним явно был какой-то болван. Он сухо обронил: «Я ни в чем не преувеличиваю».

«А я ни в чем не сомневаюсь! — возразил Кугель. — По существу, я признаюсь в полном невежестве. Но объясните кое-что еще — боюсь, мне придется провести некоторое время в вашей стране. Например, кто эти крылатые существа, обитающие в пещерах на утесах? Никогда раньше не видел подобных созданий».

Старейшина указал на небо: «Если бы у вас

были глаза ночного титвита, вы могли бы заметить темную луну — она кружится вокруг Земли, но люди видят ее только тогда, когда ее тень надвигается на солнечный диск. Ангелы смерти — обитатели этого темного мира; никто не знает, откуда они прибыли изначально и кто они такие по существу. Они служат всемогущему богу Елисею следующим образом: когда бы ни наступила пора мужчине или женщине умереть, норна умирающего оповещает об этом ангелов смерти отчаянным сигналом. Ангел забирает несчастного и возносит его к своей пещере, каковая на самом деле есть магический портал Безднума, обители блаженных».

Кугель откинулся на спинку скамьи, скептически приподняв дуги черных бровей. «Конечно, как иначе?» — произнес он тоном, который не показался старейшине достаточно серьезным.

«В достоверности излагаемых мною фактов не может быть никаких сомнений! На упомянутом аксиоматическом основании зиждется Канон, причем обе системы взаимно дополняют одна другую и, следовательно, вдвойне неоспоримы!»

Кугель нахмурился: «Несомненно, положение вещей таково, как вы утверждаете… Неужели,

однако, крылатые обитатели пещер никогда не ошибаются в выборе очередной жертвы?»

Старейшина раздраженно постучал пальцами по столу: «Учение неопровержимо, потому что те, кого забирают ангелы смерти, никогда не выживают — даже если перед этим возникает впечатление, что умирающие здоровы и полны жизненных сил. Нельзя не признать, что падение с утеса на скалы способствует их кончине, но таково милосердие Елисея, дарующего быстротечную смерть и тем самым избавляющего нас от мучительной и, возможно, продолжительной агонии. Существующая система целиком и полностью благотворна. Ангелы смерти забирают только обреченных, которые затем входят через портал утеса в Безднум, страну блаженства. Время от времени еретики возражают против Канона, и в таких случаях… надеюсь, однако, что вы разделяете каноническое вероучение?»

«Всей душой! — подтвердил Кугель. — Догматы вашей веры — очевидная истина». С этими словами Кугель опорожнил кубок вина. Как только он поставил кубок обратно на стол, его ушей коснулись переливчатые, едва слышные звуки музыки — бесконечно сладостные и бесконечно печальные гармонии. Все сидевшие под навесом

беседки замолчали, хотя сам Кугель еще не был уверен в том, что на самом деле что-то услышал.

Старейшина слегка пригнулся к столу и тоже выпил вина. Только после этого он взглянул наверх: «Над нами летят ангелы смерти».

Кугель задумчиво погладил подбородок: «Что позволяет защититься от этих крылатых убийц?»

Вопрос был сформулирован неудачно. Растопырив уши, старейшина негодующе уставился на нарушителя традиций: «Если человеку суждено умереть, появляются ангелы смерти. Если нет, ему нечего бояться».

Кугель несколько раз кивнул: «Вы разъяснили вопрос, вызывавший у меня некоторое замешательство. Завтра — так как и вы, и я очевидно здоровы и не намерены умирать — поднимемся вместе к утесам и прогуляемся туда-сюда вдоль их подножия».

«Ни в коем случае! — отказался старейшина. — И вот по какой причине: в горах нездоровый разреженный воздух. Кроме того, там можно вдохнуть какое-нибудь пагубное испарение и заболеть».

«Понятно, тут больше не о чем говорить, — Кугель повернулся к танцующей молодежи. — По-

чему бы нам не поговорить о вещах не столь удручающих? Пока что мы живы и здоровы, и нас в какой-то степени скрывает навес беседки. Давайте есть и пить — и смотреть на то, как веселятся другие. Надо сказать, девушки из вашей деревни очень ловко пляшут».

Осушив свой бокал, старейшина поднялся на ноги: «Делайте, что хотите. Для меня, однако, настало время ритуального самоуничижения, составляющего неотъемлемую часть нашего богослужения».

«Я тоже сделаю нечто в этом роде через некоторое время, — пообещал Кугель. — Желаю вам успешного самоуничижения».

Старейшина покинул беседку, и Кугель лишился единственного собеседника. Вскоре, однако, несколько молодых людей, движимые любопытством, присоединились к нему, и Кугелю пришлось снова объяснять свое прибытие, хотя на этот раз он уделял меньше внимания варварскому невежеству своих вымышленных соотечественников, так как в состав собравшейся группы входили несколько девушек, и Кугеля возбуждали их непосредственные повадки и экзотическая внешность. Вино подали еще и еще раз — Кугеля уговорили попытаться исполнить

местный танец, подпрыгивая, кружась и дрыгая ногами, причем он неплохо справился с этой задачей.

Выполняя это упражнение, он оказался поблизости от особенно привлекательной молодой особы, весело представившейся как Жиамль Враз. Закончив танец, она обняла Кугеля за талию, провела его обратно к столу и уселась ему на колени. Такой прямолинейный флирт не вызывал, судя по всему, никакого осуждения окружающих, и Кугель решился сделать следующий шаг: «Я еще не договорился о ночлеге. Может быть, мне следовало бы это сделать прежде, чем станет слишком поздно».

Девушка подозвала трактирщика: «Вы уже приготовили комнату для этого чужеземца с точеным каменным лицом?»

«Разумеется. Он может взглянуть на нее и сказать, подойдет ли ему такая спальня».

Хозяин заведения отвел Кугеля в приятное помещение на первом этаже, содержавшее кровать, комод, циновку и светильник. На одной стене висел ковер с лиловыми узорами на черном фоне, на другой — изображение исключительно уродливого ребенка, свернувшегося калачиком в прозрачном шаре. Комната эта вполне

устраивала Кугеля, о чем он и сообщил трактирщику, после чего вернулся в беседку, откуда уже начинали расходиться подвыпившие посетители. Девушка, Жиамль Враз, все еще была в наличии и приветствовала Кугеля с теплотой, заставившей его забыть о последних остатках осторожности. Опустошив еще один бокал вина, он прошептал ей на ухо: «Может быть, я тороплю события или слишком высокого мнения о себе — но почему бы нам не удалиться в мою комнату и не поразвлечься?»

«Почему бы нет? — откликнулась девушка. — Я не замужем и, пока не выйду замуж, могу делать все, что хочу — таков наш обычай».

«Превосходно! — отозвался Кугель. — Ты пойдешь туда первая — или нам следует потихоньку обогнуть здание и зайти с заднего хода?»

«Пойдем вместе — скрывать тут нечего!»

Они направились в спальню вдвоем и выполнили там ряд эротических упражнений, после чего Кугель, утомленный исключительно беспокойным днем, заснул без задних ног.

Посреди ночи он проснулся и обнаружил, что Жиамль Враз ушла. Сонливость, однако, заставила его пренебречь этим обстоятельствам, и он вернулся в объятия Морфея.

Его снова разбудил стук гневно распахнутой двери; приподнявшись в постели, Кугель увидел, что, хотя Солнце еще не взошло, к нему в спальню ввалилась целая делегация во главе со старейшиной, с ужасом и отвращением взиравшим на сидящего в кровати чужеземца.

Остановившись в сумраке, старейшина протянул к Кугелю длинный дрожащий указательный палец: «Мне уже вечером показалось, что я заметил в нем еретические наклонности! Теперь тайное стало явным. Обратите внимание: он спал с непокрытой головой, а на подбородке у него нет никаких следов благочестивого помазания! Девица Жиамль Враз сообщила, что во время их совокуплений он ни разу не воззвал к Елисею с мольбой о благословении!»

«Ересь! Никаких сомнений быть не может!» — провозгласил другой член делегации.

«Чего еще ожидать от чужеземца? — презрительно вопросил старейшина. — Смотрите! Даже теперь он не желает осенить себя священным знамением!»

«Мне неизвестны ваши священные знамения! — протестовал Кугель. — Я ничего не знаю о ваших обрядах! Это не ересь — всего лишь невежество!»

«Подобным доводам невозможно доверять, — упорствовал старейшина. — Только вчера я изложил тебе, в общих чертах, принципы канонического вероучения».

«Достойная сожаления ситуация, — зловеще-горестным тоном заметил еще один делегат. — Ересь возможна только в результате оскверняющего отступления за пределы корректности».

«Неисправимое, фатальное извращение!» — так же скорбно откликнулся другой.

«Воистину! Увы, так оно и есть! — вздохнув, подтвердил делегат, стоявший в дверном проеме. — Несчастный, он сам навлек на себя гнев Елисея!»

«Пойдем! — позвал Кугеля старейшина. — Этот вопрос нуждается в безотлагательном решении».

«Не беспокойтесь! — возразил Кугель. — Позвольте мне одеться, и я покину ваше селение, чтобы никогда сюда не возвращаться».

«Чтобы заражать умы своими мерзостными повадками в других местах? Нет уж, не получится!»

Голого Кугеля схватили, вытащили из комнаты и, крепко поддерживая под локти, заставили промаршировать через парк к центральному павильону. Собравшиеся быстро соорудили на возвышении перед павильоном нечто вроде

открытого сверху тесного квадратного загона из перекрещенных деревянных кольев, после чего Кугеля затолкнули в эту клетку. «Что вы делаете?! — кричал он. — Я не желаю участвовать в ваших обрядах!»

Никто не обращал внимания на его возгласы; теперь Кугель стоял в загоне, выглядывая через просветы ограждения. Тем временем деревенские жители поднимали в воздух большой воздушный шар из зеленой бумаги, наполненный горячим воздухом, нагретым тремя зелеными огненными веерами, зажженными под нижним отверстием шара.

Бледный рассвет озарил западные предгорья. Убедившись в том, что все было устроено по правилам, селяне отошли на окраину парка. Кугель пытался выбраться из загона, но размеры и взаимное расположение гладких деревянных кольев никак не позволяли ему ухватиться.

Небо светлело; высоко над площадкой перед павильоном горели зеленые огненные веера. Сгорбленный, покрывшийся гусиной кожей в зябком утреннем воздухе, Кугель расхаживал из угла в угол тесного загона. Издалека послышалась щемящая сердце музыка — Кугель остановился, как вкопанный. Таинственная музыка становилась

громче, уже почти достигая порога фактической слышимости. Высоко в небе появилось крылатое существо в развевающихся, хлопающих на ветру белых одеждах. Оно опускалось — от страха у Кугеля стали подгибаться колени.

Ангел смерти завис над загоном, нырнул в него, окутал Кугеля белой мантией и попытался взмыть в воздух. Но Кугель схватился за перекладину клетки, и крылатое существо тщетно махало крыльями. Перекладина заскрипела, застонала, треснула. Кугель вырвался из душивших его объятий белой мантии и, приложив истерическое усилие, дернул на себя и расщепил деревянный кол. Схватив остроконечный обломок, он швырнул его в крылатое существо. Кол проткнул белую мантию; ангел смерти огрел Кугеля крылом по виску. Кугель поймал ребристый хитиновый выступ серой мембраны крыла и, навалившись всем телом, изо всех сил загнул его вверх и от себя — черный хитин переломился, мембрана порвалась, крыло обвисло. Испуганный ангел сделал гигантский прыжок, все еще не отпуская Кугеля; они свалились на крышу павильона и вместе соскользнули по ней на землю — Кугель откатился в сторону, а его обидчик принялся прыгать по поселку, размахивая одним

крылом и волоча за собой другое.

Кугель пустился вдогонку, обрабатывая спину изувеченного существа обломком деревянного кола. Краем глаза он заметил, что местные жители смотрели на происходящее, оцепенев от ужаса — их слюнявые рты широко раскрылись так, словно они все вместе беззвучно вопили. Крылатое существо стало прыгать быстрее по тропе, поднимавшейся к утесам, но Кугель бежал за ним и яростно колотил дубиной по спине. Далекие горы ярко вспыхнули в лучах золотого Солнца; ангел смерти внезапно обернулся лицом к Кугелю, и Кугель почувствовал леденящий холод его взгляда — несмотря на то, что глаза существа были прикрыты капюшоном мантии. Обескураженный, задыхающийся, Кугель отступил на пару шагов — и только теперь осознал, что здесь, в одиночестве и без прикрытия, он оказался бы практически беззащитен, если бы другие человекообразные стервятники набросились на него с неба. Злобно выругавшись в адрес ангела смерти, Кугель повернулся и побежал обратно в деревню.

Все ее обитатели разбежались. В деревне не было ни души. Кугель расхохотался. Вернувшись в гостиницу, он оделся и прицепил к поясу шпагу.

Заглянув в денежный ящик под прилавком трактирщика, он нашел пригоршню монет, каковые переместил в свою поясную сумку — туда же, где лежал резной шар из слоновой кости, символизировавший НЕБЫТИЕ. После этого он поспешил выйти на улицу: лучше всего было убраться подобру-поздорову, пока никто не пытался его задержать.

Его внимание привлек какой-то огонек — камень, вставленный в кольцо на его пальце, мерцал десятками бегущих искр; потоки искр указывали туда, куда вела тропа, поднимавшаяся к утесам.

Кугель устало покачал головой, после чего снова проверил направление, в котором перемещались трассирующие огоньки. Они однозначно указывали в ту сторону, откуда он пришел. Прогноз Фарезма, в конечном счете, оказался правильным. Кугелю следовало действовать решительно, пока ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ снова не оказалась за пределами достижимости.

Он задержался только для того, чтобы найти топор, после чего поспешил вверх по тропе, следуя указаниям мерцающих искр самоцвета.

Неподалеку от того места, где Кугель расстался с ангелом смерти, искалеченное существо сидело

на камне у тропы, опустив голову, прикрытую капюшоном. Подобрав камень потяжелее, Кугель швырнул его в эту поникшую фигуру — существо мгновенно распалось в пыль; от него осталась только горстка белой ткани.

Поднимаясь ближе к утесам, Кугель старался держаться под прикрытием деревьев и скал, но тщетно. Вскоре над его головой уже хлопали крыльями несколько ангелов смерти, нырявших вниз и пытавшихся подхватить его. Размахивая топором, Кугель угрожал разрубить им крылья — существа поднялись выше в небо, но продолжали кружить над ним.

Сверяясь с путеводным кольцом, Кугель поднимался все выше под пристальным наблюдением ангелов смерти, проносившихся над самой его головой. Теперь камень, вставленный в кольцо, просто сиял, переливаясь пламенными искрами: ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ мирно распласталась на камне прямо перед ним!

Кугель сдержал торжествующий крик, готовый вырваться из его груди. Вынув вырезанный из слоновой кости символ НЕБЫТИЯ, он подбежал к ВЕЗДЕСУЩНОСТИ и приложил шар к ее желеобразной центральной сфере.

Как и предсказывал Фарезм, шар и сфера мгно-

венно соединились. В тот же момент Кугель почувствовал, как ослабевает заклинание, перенесшее его в древнюю эпоху.

Огромные хлопающие крылья внезапно оглушили его и сбили с ног. Белая мантия облекла Кугеля. Удерживая шар НЕБЫТИЯ одной рукой, он размахивал другой, пытаясь защищаться топором, но ангелы смерти вырвали топор из его пальцев. Ему пришлось отпустить НЕБЫТИЕ — держась за неровности сколы и отчаянно пинаясь, он каким-то образом умудрился освободиться и бросился к упавшему топору. Крылатое существо схватило НЕБЫТИЕ вместе с прикрепившейся к нему ВЕЗДЕСУЩНОСТЬЮ, взмыло высоко в небо и стало планировать в направлении пещеры в стене утеса.

Непреодолимые силы разрывали Кугеля одновременно во все стороны. Оглушительный рев наполнил его уши, в глазах трепетали фиолетовые вспышки — Кугель падал в пропасть будущего — все дальше и дальше — сквозь миллион лет.

Он пришел в сознание все в той же комнате со стенами, выложенными голубой плиткой, ощутив во рту вкус ароматной настойки. Нагнувшись над ним, Фарезм пошлепал его по щекам

и влил ему в рот еще немного той же жидкости: «Очнись! Где ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ? Как ты сумел без нее вернуться?»

Кугель оттолкнул чародея и сел на койке.

«ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ! — ревел Фарезм. — Где она? И где мой талисман?»

«Я все объясню, — глухо сказал Кугель. — Я уже держал ее в руках, но ее выхватила крылатая сволочь на службе у всемогущего бога Елисея».

«Говори, говори!»

Кугель подробно изложил обстоятельства, которые привели сначала к обнаружению, а затем к потере искомого Фарезмом вывернутого наизнанку отображения времени-пространства. Пока он рассказывал, лицо Фарезма морщилось от горя, плечи бессильно опускались. Наконец он вывел Кугеля наружу, на плоскогорье, утопавшее в тусклых багровых вечерних сумерках. Они стояли бок о бок, разглядывая отвесные утесы, теперь молчаливые и безжизненные. «В какую из пещер залетело это существо? — спросил Фарезм. — Покажи, если помнишь!»

Кугель протянул руку: «Вот туда, по-моему. Имейте в виду, я с ними дрался в полном замешательстве, в круговерти крыльев и белых одежд…»

«Подожди здесь». Фарезм зашел в лабораторию и вскоре вернулся. «Возьми этот фонарь, — сказал он, протягивая Кугелю кристалл на серебряной цепочке, сияющий холодным белым светом. — Приготовься!»

Чародей бросил под ноги Кугеля гранулу, развернувшуюся вихрем, и Кугель головокружительно вознесся к осыпающемуся каменному уступу, на который он указал Фарезму. Рядом зияло темное отверстие пещеры. Кугель направил в него поток белого света. Он увидел пыльный проход шириной примерно в три шага; дотянуться до свода пещеры он не мог. Проход углублялся в утес, слегка поворачивая в сторону. Судя по всему, здесь не было ничего живого.

Держа перед собой светящийся кристалл на цепочке, Кугель медленно продвигался вглубь пещеры — сердце его часто стучало от страха. Чего он боялся? Кугель не понимал. Он остановился, замер: неужели музыка? Или воспоминание о музыке? Прислушиваясь, Кугель больше не различал никаких звуков, но как только он пытался снова шагнуть вперед, страх сковывал его настолько, что он не мог пошевелиться. Приподняв фонарь повыше, он вглядывался в глубину затхлой пещеры. Куда вел этот проход? Что́ там,

дальше? Только пыльный камень? Или вход в демонический мир? В блаженный рай Бездну-ма? Кугель заставил себя постепенно двигаться вперед — с предельной осторожностью, напрягая слух, зрение и даже обоняние. На ступеньке у каменной стены он обнаружил сморщенный коричневатый сферический предмет: символ НЕБЫТИЯ, принесенный им в далекое прошлое. ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ давно отстранилась от талисмана и пропала.

Кугель бережно поднял потемневший хрупкий шар, пролежавший миллион лет, и вернулся на наружный уступ обрыва. По команде Фарезма вихрь опустил Кугеля на площадку перед синоптикумом.

Опасаясь снова разгневать чародея, Кугель робко вручил ему трещиноватый, сморщенный символ НЕБЫТИЯ.

Фарезм взял его и рассмотрел, удерживая между большим и указательным пальцами: «И это все?»

«Там больше ничего нет».

Фарезм развел пальцы, позволив талисману упасть. Ударившись о щебень, он тут же превратился в пыль. Фарезм взглянул на Кугеля, глубоко вздохнул, отвернулся, выразив взмахом руки

неописуемую подавленность, и проследовал обратно в синоптикум.

Кугель с облегчением начал спускаться по тропе, проходя при этом мимо бригады камнерезов, тревожно ожидавших дальнейших указаний. Они мрачно поглядывали на Кугеля, а мастеровой двухметрового роста даже бросил в него камнем. Кугель пожал плечами и продолжил путь на юг. Через некоторое время тропа привела его туда, где когда-то находилось селение на берегу пруда — теперь это была пустошь, поросшая редкими старыми деревьями — низкорослыми, кривыми и сучковатыми. Ниже, в долине, виднелись какие-то развалины, но от великих древних городов — Импергоса, Таруве и Раверджанда — не осталось даже воспоминаний.

Кугель шел на юг. За его спиной утесы постепенно сливались с дымкой расстояния и в конце концов пропали за горизонтом.

Пилигримы
1. В гостинице

Почти весь день Кугель брел по унылой пустынной равнине, где не росло ничего, кроме солончаковых трав. За несколько минут до захода Солнца он вышел на берег широкой спокойной реки; вдоль берега тянулась дорога. Справа — ближе, чем в километре — темнело высокое бревенчатое строение, оштукатуренное серовато-коричневым гипсом: судя по всему, гостиница или трактир. Наличие этого заведения вызвало у Кугеля огромное облегчение, так как он ничего не ел со вчерашнего дня, а предыдущую ночь ему пришлось провести на дереве. Уже через десять минут он открыл тяжелую, окованную чугуном дверь и зашел внутрь.

Он стоял в прихожей. С обеих сторон блестели тысячами отражений закатных лучей створчатые окна, застекленные хрустальными ромбами, за многие годы успевшими приобрести лавандовый оттенок. Из трактирного зала доносились оживленный гул голосов, перестук горшков и бокалов, запахи старого дерева, вощеной плитки,

дубленой кожи и аппетитно кипящих котлов. Шагнув вперед, Кугель оказался в компании двух десятков посетителей, собравшихся у камина, распивавших вино и похвалявшихся друг перед другом, как это водится среди путешественников, всяческой небывальщиной.

Владелец заведения стоял за стойкой: приземистый человек, едва доходивший Кугелю до плеча, лысый, с выпуклым высоким лбом и длинной, лежавшей на груди черной бородой. Большие выпуклые глаза его задумчиво прикрывались тяжелыми веками; выражение его лица было таким же мирным и спокойным, как течение реки за окном. Когда Кугель обратился к нему с просьбой о ночлеге, трактирщик с сомнением дернул себя за нос: «У меня все забито до отказа паломниками, ночующими по пути в Эрзе-Дамат. Здесь, на скамьях — меньше половины тех, кого я должен сегодня приютить. Я мог бы положить соломенный тюфяк на полу в трактире, если вас это устроит. Больше ничего не могу предложить».

Кугель беспокойно вздохнул: «Это не согласуется с моими ожиданиями. Мне совершенно необходим персональный номер с удобной широкой кроватью, с видом на реку из окна и с толстым ковром, заглушающим песни и воз-

гласы веселящихся в питейном зале».

«Боюсь, вы будете разочарованы, — безразлично ответил трактирщик. — Единственное помещение, соответствующее вашему описанию, уже занято человеком с желтой бородой, которого вы можете видеть напротив. Это некий Лодермульх, и он тоже направляется в Эрзе-Дамат».

«Не могли бы вы, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, убедить его освободить комнату и переночевать на тюфяке?» — поинтересовался Кугель.

«Сомневаюсь в том, что он способен на такое самопожертвование, — возразил трактирщик. — Но почему бы вам самому не обратиться к нему с этой просьбой? Честно говоря, я не хотел бы заводить с ним разговор на эту тему».

Принимая во внимание решительную физиономию Лодермульха, его мускулистые руки и довольно-таки презрительное выражение, с которым он прислушивался к болтовне паломников, Кугель предпочел согласиться с мнением трактирщика о наклонностях Лодермульха и больше не настаивал на невозможном: «Похоже на то, что мне придется спать на тюфяке. А теперь я хотел бы поужинать — если это вас не затруднит, птицей с подходящей начинкой, перевязанной

надлежащим образом, приправленной и поджаренной в духовке, в сопровождении любых салатов и гарниров, имеющихся у вас на кухне».

«Кухня перегружена: вам придется есть чечевицу вместе с паломниками, — ответил владелец заведения. — У меня оставалась одна курица, но, опять же, ее уже заказал на ужин Лодермульх».

Кугель раздраженно пожал плечами: «Неважно. Мне нужно сполоснуть лицо, после чего я выпью бокал вина».

«На заднем дворе имеется желоб с проточной водой, которым время от времени пользуются в таких целях. За дополнительную плату могу предоставить мази, ароматические масла и горячие полотенца».

«Проточной воды достаточно». Кугель вышел на задний двор и нашел умывальник. Освежившись, он посмотрел по сторонам и заметил неподалеку крепко сколоченный бревенчатый сарай. Он уже начал было возвращаться в трактир, но задержался и снова взглянул на сарай. Прогулявшись к этому сооружению, он открыл дверь, заглянул внутрь и только после этого задумчиво вернулся в питейный зал. Трактирщик подал ему кувшин глинтвейна; Кугель взял кувшин и присел на скамью в малозаметном углу,

поодаль от паломников.

Лодермульха попросили выразить мнение о так называемых «проповедниках-канатоходцах», отказывавшихся прикасаться ступнями к земле и передвигавшихся по туго натянутым веревкам. Лодермульх сухо разъяснил ошибочность постулатов этих евангелистов-акробатов: «Они заявляют, что возраст Земли составляет двадцать девять эонов, тогда как по общепринятым представлениям наша планета не может быть старше двадцати трех. Они утверждают, что, в расчете на каждый квадратный метр поверхности Земли, скончались два миллиона двести пятьдесят тысяч человек, напитавших почву прахом и тем самым создавших повсеместный слой сырого перегноя, ходить по которому было бы святотатством. При поверхностном рассмотрении этот аргумент может показаться убедительным, но подумайте сами: прах, образовавшийся при разложении одного трупа и рассеянный по участку площадью в один квадратный метр, формирует слой толщиной в три четверти миллиметра. Таким образом, прах двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч человек образовал бы окружающий всю планету слой перегнившего праха глубиной в полтора километра — следовательно, постулаты еванге-

листов-канатоходцев заведомо ложны».

Представитель обсуждаемой секты, ввиду отсутствия доступа к натянутым веревкам ходивший в чрезвычайно неудобных церемониальных башмаках, взволнованно возразил: «В ваших словах нет ни логики, ни понимания! Как вы можете делать такие безапелляционные заявления?»

Лодермульх рассерженно приподнял мохнатые брови: «Неужели нужны какие-то дополнительные доводы? Неужели утес высотой полтора километра соблюдает на берегу океана какие-то правила разграничения суши и моря? Нет, конечно. Неравенство очевидно повсюду. Повсюду суша выступает мысами далеко в море, причем чаще всего наблюдаются пляжи из чистого песка. Нигде мы не видим никаких массивных отрогов, состоящих из сероватого уплотненного праха, какие должны были бы существовать, если бы учения вашей секты были справедливы».

«Непоследовательная болтовня!» — выпалил канатоходец.

«Как вы сказали? — угрожающе расправляя широкую грудь, спросил Лодермульх. — Я не привык выслушивать оскорбительные насмешки!»

«Никаких насмешек! Всего лишь суровое и беспрекословное опровержение вашей догмы! Мы

утверждаем, что часть праха сдута ветрами в океан, часть стала пылью, взвешенной в воздухе, часть вымывается сточными водами через трещины в породе и оседает в подземных пещерах, и еще одна часть поглощается деревьями, травами и некоторыми насекомыми, в связи с чем лишь примерно восемьсот метров древних отложений праха покрывают землю, ходить по которой — святотатство! Почему упомянутые вами отроги из праха не заметны повсеместно? Потому что бесчисленные люди испускали и выдыхали влагу на протяжении бесчисленных веков! В связи с накоплением этой влаги уровень океана повысился, поддерживая существующий баланс и стирая обрывистую границу между отложениями праха и океанскими глубинами. В этом основа вашего заблуждения».

«Чушь! — отвернувшись, пробормотал Лодермульх. — В вашей системе представлений скрывается фатальная ошибка».

«Ни в коем случае! — с лихорадочным упорством, свойственным его единоверцам, настаивал евангелист. — Посему, проявляя уважение к мертвым, мы ходим по воздуху, пользуясь канатами и выступами стен, а когда мы странствуем, мы надеваем особо освященную обувь».

Пока продолжался этот спор, Кугель вышел из трапезного помещения. Через некоторое время к паломникам приблизился круглолицый подросток в ливрее привратника. Обратившись к пилигриму с желтой бородой, он спросил: «Вы — достопочтенный Лодермульх?»

Лодермульх выпрямился на стуле: «Это я».

«У меня для вас сообщение от должника, готового вернуть вам денежную сумму. Он ожидает в небольшом сарае на заднем дворе гостиницы».

Лодермульх недоверчиво нахмурился: «Ты уверен в том, что этот человек желает видеть именно Лодермульха, провоста общины города Барлига?»

«Именно так, сударь — он назвал ваше имя».

«И как выглядит человек, передавший сообщение?»

«Это высокий мужчина, сударь, в плаще с просторным капюшоном — он утверждает, что вы с ним хорошо знакомы».

«Кто бы это мог быть? — размышлял вслух Лодермульх. — Тызог, скорее всего. Или, возможно, Креднип… Но почему бы ему не обратиться ко мне непосредственно в трактире? Надо полагать, у него есть какие-то основания для того, чтобы здесь не показываться». Тяжеловесный Лодер-

мульх с трудом поднялся со стула: «Пожалуй, придется пойти и разобраться, в чем тут дело».

Провост вышел из трактира через парадный вход, обогнул здание гостиницы и заглянул в сумрачную глубину сарая: «Эй, там! Тызог? Креднип? Выходите!»

Ответа не было. Лодермульх зашел в сарай. Как только он сделал пару шагов внутрь, Кугель выскочил из-за угла, захлопнул дверь сарая и закрыл ее на засов, для надежности добавив еще дощатую перекладину.

Не обращая внимания на стук и приглушенные гневные восклицания, доносившиеся из сарая, Кугель вернулся в гостиницу и нашел ее хозяина: «Обстоятельства изменились. Лодермульх вынужден был покинуть ваше заведение, его ждали срочные дела. Ему не потребуются сегодня ни комната, ни жареная курица, и он был настолько любезен, что предложил мне ими воспользоваться».

Трактирщик пригладил длинную бороду, вышел на крыльцо и взглянул на дорогу, после чего медленно вернулся за стойку: «Ничего не понимаю! Он заплатил вперед и за комнату, и за ужин — и при этом даже не упомянул о возможности возврата уплаченной суммы».

«Мы с ним обо всем договорились к взаимному удовлетворению. Я готов доплатить еще три терция в качестве возмещения за причиненное вам неудобство».

Трактирщик пожал плечами и принял монеты: «Мне-то что? Пойдемте, я покажу вам комнату».

Кугель осмотрел помещение и остался доволен. Через некоторое время подали ужин. Жареную курицу — так же как и другие блюда, заказанные Лодермульхом — приготовили безупречно.

Перед тем, как удалиться на покой, Кугель потихоньку вышел на задний двор и убедился в том, что дверь сарая была надежно заперта, и что хриплые возгласы провоста вряд ли привлекли бы внимание постояльцев или трактирщика. Громко постучав в дверь, он строго приказал: «Тихо, Лодермульх! Это я, хозяин гостиницы. Перестань орать, ты разбудишь остальных — все уже легли спать».

Не дожидаясь ответа, Кугель вернулся в трапезный зал и завел разговор с предводителем паломников по имени Гарстанг, сухощавым бледным субъектом с хрупкой костлявой головой, полузакрытыми глазами и пронырливым носом, настолько тонким, что он просвечивал, если оказывался на фоне светильника. Обратившись

к нему как к человеку знающему и эрудированному, Кугель спросил его, по какому маршруту лучше всего было бы направиться в Альмерию, на что Гарстанг ответил, что, по его мнению, Альмерия — воображаемая страна.

«Уверяю вас, Альмерия существует, — возразил Кугель. — Мне это доподлинно известно».

«Значит, вы знаете больше меня, — отозвался Гарстанг. — Мы на берегу реки Аск. Пустоши с этой стороны реки называют Судуном, а земли по другую сторону — Лелиасом. К югу отсюда находится Эрзе-Дамат, куда я советовал бы вам направиться, потому что оттуда вы могли бы повернуть на запад, пересечь Серебряную пустыню и выйти на берег Сонганского моря. Переплыв Сонганское море, вероятно, вы сможете встретить людей, способных дать вам дальнейшие указания».

«Я последую вашим рекомендациям», — сказал Кугель.

«Мы все — правоверные гильфигиты — спешим в Эрзе-Дамат, чтобы принять участие в обрядах очищения у Черного обелиска, — продолжал Гарстанг. — Так как нам предстоит идти в местах малонаселенных, мы собрались вместе. Эрбы и гидды не решаются нападать на многочислен-

ные отряды паломников. Если вы пожелаете к нам присоединиться, чтобы пользоваться нашими привилегиями — соблюдая, разумеется, сопряженные с этими привилегиями ограничения — мы будем вас приветствовать».

«Преимущества такого варианта очевидны, — согласился Кугель. — Но в чем именно состоят ограничения?»

«Всего лишь в том, что паломник обязан выполнять требования предводителя отряда — то есть мои требования — и, конечно же, оплачивать свою долю расходов».

«Безусловно, я могу взять на себя такие обязательства», — сказал Кугель.

«Превосходно! Мы выступим завтра на рассвете». Гарстанг указал на нескольких других участников похода: «Это Витц, наш толкователь, а там сидит теоретик Казмайр. Человек с железными зубами — Арло, а рядом с ним, в синей шляпе с серебряной пряжкой — Войнод, кудесник, пользующийся высокой репутацией. В данный момент отсутствуют достопочтенный Лодермульх — к сожалению, агностик — а также безоговорочно благочестивый Субукьюль. Возможно, они опять обсуждают догматы веры наедине, пытаясь убедить друг друга. Два игрока

в кости — Парсо и Сайяназ. Дальше, за ними — Хант и Крэй». Гарстанг назвал еще несколько имен, кратко описывая характеристики соответствующих паломников. Наконец Кугель, сославшись на усталость, удалился в свой номер. Растянувшись на кровати, он мгновенно уснул.

Глубокой ночью покой Кугеля был бесцеремонно нарушен. Устроив подкоп под стеной сарая, Лодермульх сумел выйти на свободу и сразу же направился в гостиницу. Прежде всего он попытался открыть дверь в комнату Кугеля, которую Кугель предварительно позаботился закрыть на замок.

«Кто там?» — позвал Кугель.

«Откройте! Это я, Лодермульх! Я заплатил за ночлег в этой комнате!»

«Ничего подобного! — заявил Кугель. — Я заплатил невероятные деньги за то, чтобы переночевать в этой постели, и мне даже пришлось ждать, чтобы хозяин гостиницы выселил предыдущего постояльца. А теперь уходите! Вы, наверное, выпили лишнего. Если вам не терпится продолжать пьянку, разбудите кого-нибудь, у кого есть ключи от погреба».

Разгневанный Лодермульх удалился, а Кугель опустил голову на подушку.

Вскоре до ушей Кугеля донеслись крики трактирщика — Лодермульх схватил его за бороду и беспощадно лупил. В конечном счете провоста выкинули из гостиницы, хотя для этого потребовались совместные усилия самого владельца заведения, его супруги, привратника, подростка-официанта и прочих, после чего Кугель с облегчением снова забылся сном.

Перед рассветом паломники — и Кугель вместе с ними — встали и приступили к завтраку. Покрытый синяками трактирщик явно находился в отвратительном настроении, но Кугеля он ни о чем не спрашивал, а тот, в свою очередь, не заводил никаких разговоров.

После завтрака пилигримы собрались перед гостиницей, где к ним присоединился Лодермульх, всю ночь расхаживавший по дороге взад и вперед.

Гарстанг подсчитал участников похода и подал пронзительный сигнал, дунув в свисток. Паломники гурьбой двинулись в путь, перешли через Аск по мосту и направились вдоль южного берега реки к Эрзе-Дамату.

2. На плоту по реке

Три дня пилигримы шли по берегу Аска, ночуя под защитой заграждения, возведенного кудесником Войнодом с помощью магического обруча с торчащими костяными иглами — необходимая мера предосторожности, так как за частоколом ограды, едва различимые в отблесках пляшущего пламени костра, собирались ночные твари, которым не терпелось прорваться к путникам: тихо скулящие от голода деоданды и снующие из стороны в сторону эрбы, как правило предпочитавшие прямохождение, но неспособные не бегать время от времени на четвереньках. Однажды гидд попытался перепрыгнуть через ограду; в другой раз три хуна старались вместе пробиться сквозь частокол — отбегая, разгоняясь и с низкими стонами одновременно сталкиваясь со вросшими в землю столбами на глазах у сидевших внутри и вздрагивавших при каждом ударе паломников.

Любопытствуя, Кугель подошел к частоколу и прикоснулся горящей ветвью к одной из навалившихся на ограду туш — хун яростно взвизгнул. Сквозь прореху между столбами протянулась

мощная серая рука; Кугель едва успел отскочить. Но магическая ограда выдержала все атаки; через некоторое время хищники перегрызлись между собой и пропали в ночи.

Вечером третьего дня отряд приблизился к месту слияния Аска с большой, медленно текущей рекой, которую Гарстанг назвал Скамандером. Неподалеку начинался лес высоких пальдамов, сосен и кручедубов. С помощью местных дровосеков пилигримы повалили несколько деревьев, распилили стволы и подтащили торцованные бревна к самому краю воды, после чего соорудили плот. Собравшись на плоту, паломники, сообща навалившись на шесты, сдвинули его в реку, после чего тихо и спокойно поплыли по течению.

Пять суток они сплавлялись на плоту по широкому Скамандеру, иногда почти теряя из виду берега, порой дрейфуя рядом с окаймлявшими реку тростниковыми зарослями. Не зная, чем еще заняться, паломники устраивали продолжительные диспуты, причем их мнения по каждому вопросу расходились основательно и безапелляционно. Нередко они предавались обсуждению метафизических таинств, а также тех или иных тонкостей гильфигитского учения.

Субукьюль, самый набожный из пилигримов,

подробно изложил свой символ веры. По существу, он придерживался ортодоксальной гильфигитской теософии, согласно которой восьмиглавое божество Зо-Зам, сотворив космос, отрубило большой палец своей правой ноги, каковой палец стал Гильфигом, а восемь капель крови, пролитой в процессе ампутации пальца, стали восемью человеческими расами. Скептически настроенный Рормонд подвергал нападкам эту гипотезу творения: «Кто, в таком случае, создал твоего гипотетического „создателя“? Еще один „создатель“? Не проще ли заранее предположить конечный результат творения: мигающее при последнем издыхании Солнце и умирающую Землю?» На что Субукьюль отвечал сокрушительными доводами, цитируя священное писание гильфигитов.

Паломник по имени Блунер упорно проповедовал собственный вариант сотворения мира. Он верил, что Солнце — не более чем клетка организма божества вселенских масштабов, сотворившего космос в процессе, аналогичном произрастанию лишайника на камне.

Субукьюль считал его гипотезу чрезмерно усложненной: «Если Солнце — клетка организма, то чем тогда становится Земля?»

«Земля — микроскопический паразит, извлекающий жизненные соки из клетки организма, — ответил Блунер. — Такие взаимоотношения живых существ встречаются повсеместно и ни у кого не вызывают удивления».

«Что, в таком случае, заставляет Солнце погибать? — презрительно хмыкнув, спросил Витц. — Еще какой-нибудь паразит, подобный нашей планете?»

Блунер приступил к подробному разъяснению сущности своего органона, но его почти сразу же прервал Праликсус, высокий худощавый человек с пронзительными зелеными глазами: «Послушайте! Мне все понятно, мое вероучение отличается предельной простотой. Существуют огромное множество возможностей и еще большее множество невозможностей. Наш космос — осуществление возможности, так как он существует. Почему? Время бесконечно и, следовательно, со временем реализуется любая возможность. Таким образом, мы существуем в рамках конкретной реализованной возможности и не знаем никакой другой, так как рассматриваем свой космос как единственно возможный. На самом деле, однако, рано или поздно должна существовать, и не однажды,

а многократно, каждая возможная Вселенная».

«Будучи благочестивым гильфигитом, я придерживаюсь при этом сходного мировоззрения, — заявил теоретик Казмайр. — Наше вероучение позволяет предполагать последовательность создателей, каждый из которых полностью независим от другого. Выражаясь словами уважаемого Праликсуса, если божество возможно, оно должно существовать! Не могут существовать только невозможные божества! Восьмиглавый Зо-Зам, отрубивший большой палец своей ступни, вполне возможен и, следовательно, существует, о чем и свидетельствует священное писание гильфигитов!»

Субукьюль моргнул, открыл было рот, чтобы возразить — и снова закрыл его. Скептик Рормонд отвернулся, созерцая воды Скамандера.

Гарстанг, сидевший в стороне, задумчиво улыбнулся: «А вы, проницательный брат Кугель? Вы что-то необычно молчаливы. Во что вы верите?»

«Мои представления о мироздании еще недостаточно четко сформулированы, — признался Кугель. — Я поочередно рассматривал множество различных точек зрения, причем каждая из них в своем роде убедительна: я выслушал жрецов в Храме теологов; я наблюдал за заколдованной

птицей, вынимавшей клювом прорицания из коробки; я внимал словам голодающего анахорета, выпившего бутылку розового эликсира, который я предложил ему в шутку. Результирующие картины Вселенной противоречивы, но отличаются исключительной глубиной прозрения. Таким образом, мое понимание сотворения мира носит синкретический характер».

«Любопытно! — заметил Гарстанг. — Лодермульх, что скажете?»

«Ха! — проворчал Лодермульх. — Обратите внимание — в моих штанах прореха. Никак не могу объяснить ее появление! Существование Вселенной озадачивает меня еще больше».

Со своими гипотезами выступали и другие. Кудесник Войнод определял известный человеку космос как тень другого мира, населенного призраками, существование которых, в свою очередь, зависит от потребления ими психической энергии людей. Благочестивый Субукьюль отверг эту теорию как противоречащую «Протоколам Гильфига».

Споры продолжались без конца. Они наскучили Кугелю и паре других паломников, в том числе Лодермульху; втроем они принялись коротать время, азартно играя в кости, в карты и в шашки.

Ставки, поначалу условные, мало-помалу стали расти. Сперва Лодермульх понемногу выигрывал, но затем проиграл больше, чем выиграл, тогда как Кугель присваивал ставку за ставкой. В конце концов Лодермульх отшвырнул кости и, схватив Кугеля за локоть, встряхнул манжету его рукава, из-под которой высыпались несколько дополнительных игральных костей.

«Ага! — взревел Лодермульх. — Это у нас что такое? Я подозревал мошенничество — и вот доказательство! Сейчас же отдавайте мои деньги!»

«Как вы можете предъявлять такие требования? — возмутился Кугель. — В чем, по-вашему, состоит мошенничество? Да, я ношу с собой игральные кости — что с того? Почему бы я должен был выбросить в реку все свое имущество перед тем, как приступить к игре? Вы порочите мою репутацию!»

«Плевать я хотел на ваши оправдания! — заявил Лодермульх. — Отдавайте мои деньги!»

«Не отдам! — отказался Кугель. — Вы много кричите и ругаетесь, но у вас нет никаких доказательств какого-либо нарушения правил с моей стороны».

«Доказательства? — ревел Лодермульх. — Какие еще нужны доказательства? Взгляните

на эти кости — подпиленные, крапленые, у одних одинаковые метки на разных гранях, другие перевернуть почти невозможно, настолько у них одна сторона тяжелее остальных!»

«Любопытные сувениры, не более того», — объяснил Кугель. Указав на кудесника Войнода, следившего за происходящим, он сказал: «Вот человек наблюдательный и проницательный! Спросите его, заметил ли он какие-нибудь признаки обмана!»

«Ничего подобного я не заметил, — подтвердил Войнод. — Насколько я понимаю, Лодермульх поторопился с обвинениями».

Подошел Гарстанг; ему объяснили сущность конфликта. Предводитель пилигримов произнес тоном одновременно рассудительным и успокаивающим: «В такой компании, как наша, необходимость взаимного доверия невозможно переоценить. Все мы — товарищи, набожные гильфигиты. О каком-либо злонамеренном обмане не может быть и речи! Право, Лодермульх, вы составили предвзятое мнение о нашем добром попутчике Кугеле!»

Лодермульх издевательски рассмеялся: «Если его поступки свидетельствуют о благочестии, мне поистине повезло в том, что я родился не та-

ким, как другие!» С этими словами он уединился на углу плота, стремив на Кугеля ненавидящий и угрожающий взгляд.

Гарстанг огорченно покачал головой: «Боюсь, что Лодермульх обиделся. Может быть, если во имя восстановления мира и спокойствия Кугель вернул бы ему выигранное золото…»

Кугель решительно отказался: «Это принципиальный вопрос. Лодермульх покусился на самое драгоценное, что у меня есть — на мою честь».

«Ваши сантименты достойны похвалы, — сказал Гарстанг, — и Лодермульх повел себя бестактно. Тем не менее, во имя дружбы и товарищества… Нет? Что ж, в данном случае требования неуместны, я мог только попросить. Хм! Без мелких неприятностей дело никогда не обходится». Покачивая головой, предводитель пилигримов удалился.

Кугель собрал выигрыш и не забыл спрятать крапленые кости, которые Лодермульх вытряхнул у него из манжеты. «Неприятная вышла история, нечего сказать, — заметил Кугель, обращаясь к Войноду. — Лодермульх — какой грубиян! Оскорбил всех и каждого — ведь прекратить игру пришлось всем!»

«Возможно, не в меньшей степени по той

причине, что вы прикарманили все деньги», — предположил Войнод.

Кугель взглянул на свой выигрыш с притворным удивлением: «И не подумал бы, что мне так повезет! Надеюсь, вы примете небольшую сумму, чтобы мне не пришлось таскать с собой все это тяжкое золото?»

Кудесник согласился, и несколько монет перешли из рук в руки.

Плот продолжал спокойно скользить по течению — через несколько минут, однако, Солнце потемнело самым угрожающим образом. Поверхность дневного светила подернулась лиловой пленкой, вскоре растворившейся. Самые впечатлительные паломники стали лихорадочно бегать из одного угла плота в другой с криками: «Солнце гаснет! Наступает вечный холод!»

Гарстанг, однако, поднял обе руки успокоительным жестом: «Не бойтесь! Солнце только подмигнуло и теперь светит, как прежде!»

«Подумайте сами! — энергично и серьезно поддержал предводителя Субукьюль. — Неужели Гильфиг допустил бы такую катастрофу, пока мы совершаем паломничество к Черному обелиску?»

Пилигримы притихли, хотя у каждого нашлось

свое объяснение случившемуся. Толкователь Витц увидел в солнечном припадке аналогию замутнения зрения, от которого можно избавиться, часто моргая. Кудесник Войнод объявил: «Если в Эрзе-Дамате все пойдет хорошо, я посвящу следующие четыре года изобретению способа обновления жизнеспособности Солнца!» Лодермульх ограничился оскорбительным замечанием: по его мнению, Солнцу следовало погаснуть хотя бы для того, чтобы пилигримы пробирались наобум в темноте к месту проведения обрядов очищения.

Но Солнце светило по-прежнему. Плот дрейфовал по просторному Скамандеру; теперь берега были настолько низкими и лишенными растительности, что казались не более чем далекими темными линиями. Вечером Солнце будто тонуло в реке, разливая по воде красновато-коричневое зарево, постепенно тускневшее и темневшее по мере исчезновения светила.

В сумерках пилигримы развели костер и собрались вокруг него, чтобы поужинать. Они все еще обсуждали тревожное потемнение Солнца, но теперь занимались главным образом эсхатологическими разглагольствованиями. Субукьюль возлагал всю ответственность за жизнь, смерть,

будущее и прошлое на Гильфига. Гакст, однако, заявил, что он чувствовал бы себя спокойнее, если бы Гильфиг впредь демонстрировал способность более эффективно управлять делами этого мира. После этого спор стал принимать напряженный характер. Субукьюль обвинил Гакста в поверхностном понимании всемогущества, а Гакст позволил себе такие выражения, как «легковерие» и «слепое поклонение». Гарстанг вмешался, указывая на то обстоятельство, что им еще не были известны все факты, и что ритуал очищения у Черного обелиска мог бы прояснить ситуацию.

На следующее утро паломники заметили, что впереди реку перегородила огромная гать, и что поперек единственной протоки, позволявшей плыть дальше, висела тяжелая чугунная цепь. Паломники подплыли к плотине так, чтобы оказаться как можно ближе к этому промежутку, после чего бросили за борт камень, служивший якорем. Из находившейся неподалеку хижины выскочил отшельник-смотритель гати — обросший субъект с длинными костлявыми конечностями, в оборванной черной хламиде и с чугунным жезлом в руках. Прыжками подбежав по гати к плоту, он наклонился, угрожающе

глядя на паломников. «Назад! Назад! — закричал он. — Я запрещаю спуск по реке! Никому не позволено плыть дальше!»

Гарстанг выступил вперед: «Прошу вас о снисхождении! Мы — паломники, направляемся в Эрзе-Дамат, чтобы совершить обряды очищения. Если вы взимаете сбор с проплывающих через плотину, мы могли бы заплатить такой сбор, хотя уповаем на вашу щедрость и просим избавить нас от излишнего расхода».

Размахивая чугунным жезлом, смотритель-фанатик хрипло расхохотался: «Мой налог невозможно отменить! Вам придется казнить самого греховного из вас — если кто-нибудь из вас не продемонстрирует свою добродетель к моему удовлетворению!» Широко расставив ноги, отшельник стоял на плотине в развевающейся на ветру черной хламиде и грозно взирал сверху на плот.

Паломники почувствовали себя неудобно — все украдкой поглядывали друг на друга. Послышалось бормотание, вскоре превратившееся в сумятицу взаимных обвинений и претензий. Преобладали настойчивые возгласы Казмайра: «Меня никак нельзя назвать самым греховным! Я всегда вел целомудренную, аскетическую

жизнь — и, даже если участвовал в азартных играх, игнорировал неблагородные преимущества!»

Другой пилигрим воскликнул: «Моя добродетель тем более неоспорима: я ем только вареные сухие бобы, опасаясь погубить жизнь какого-нибудь существа!»

Третий провозгласил: «Мое благочестие еще более очевидно, ибо я питаюсь исключительно шелухой тех же бобов, а также опавшей корой, опасаясь покуситься даже на растительную жизнь».

Четвертый откликнулся: «Мой желудок не выносит пищу растительного происхождения, но я придерживаюсь тех же возвышенных идеалов и позволяю себе поглощать только падаль!»

Пятый похвалился: «Однажды я переплыл озеро, охваченное пламенем, чтобы оповестить пожилую женщину о маловероятности катастрофы, предчувствие которой вызывало у нее смертельный страх!»

Кугель заявил: «Вся моя жизнь — последовательность событий, воспитывающих смирение и скромность, я непоколебим в своей приверженности справедливости и равноправию, даже если мои усилия наносят мне ущерб».

Войнод исповедовал не меньшую стойкость: «Правда, что я — кудесник, но я посвящаю магические навыки исключительно исправлению социальной несправедливости!»

Наступила очередь Гарстанга: «Моя добродетель — самого существенного свойства, так как она проистекает из квинтэссенции эрудиции, накопленной на протяжении столетий. Как я могу быть не добродетелен? Мне безразличны заурядные человеческие побуждения».

В конечном счете высказались все, кроме Лодермульха — тот стоял в стороне, горько усмехаясь. Войнод указал на него пальцем: «Говори, Лодермульх! Докажи свою добродетель — в противном случае тебя сочтут самым греховным из нас и принесут в жертву сумасшедшему смотрителю!»

Лодермульх рассмеялся. Повернувшись, провост совершил атлетический прыжок и приземлился на выступе ближайшей опоры плотины. Проворно взобравшись на парапет, он выхватил шпагу из ножен и приставил ее наконечник к горлу смотрителя: «Мы все тут грешники, в том числе ты! Кто ты такой, чтобы предъявлять нам нелепые условия? Опусти цепь — или я проткну тебе глотку!»

Отшельник поднял руки и развел их в стороны: «Мое условие выполнено — ты, Лодермульх, продемонстрировал свою добродетель. Можете плыть дальше! Кроме того, так как ты воспользовался шпагой, чтобы защитить свою честь, я наделяю тебя волшебной мазью — будучи нанесена на лезвие клинка, она позволит тебе резать камень и сталь, как масло! Так что плывите дальше, пилигримы, и да принесет вам пользу ритуал очищения!»

Приняв мазь, протянутую отшельником, Лодермульх вернулся на плот. Смотритель опустил цепь, и плот беспрепятственно проскользнул по протоке.

Гарстанг подошел к Лодермульху, чтобы высказать сдержанное одобрение. Тем не менее, он предостерег провоста: «В данном случае импульсивное — по сути дела, недисциплинированное — поведение послужило всем на пользу. Впредь, однако, в сходных обстоятельствах вам не помешало бы предварительно советоваться с товарищами, накопившими полезный опыт житейской мудрости — со мной, с Казмайром, с Войнодом или с Субукьюлем».

Лодермульх безразлично хмыкнул: «Как вам угодно — постольку, поскольку связанная с та-

кими консультациями задержка не причинит мне никаких неудобств». Гарстангу пришлось удовлетвориться этой сомнительной уступкой.

Другие паломники поглядывали на Лодермульха с неприязнью и старались держаться от него подальше, в связи с чем провост снова уселся в одиночестве в передней части плота.

Наступил вечер, Солнце постепенно зашло, и над рекой сгустился мрак. Когда снова наступило утро, оказалось, что Лодермульх пропал.

Этот факт вызвал всеобщее замешательство. Гарстанг расспрашивал спутников, но никто не смог как-либо объяснить таинственное исчезновение желтобородого провоста, и по поводу возможной причины его пропажи высказывались самые противоречивые предположения.

Странным образом, однако, отсутствие непопулярного Лодермульха не способствовало восстановлению первоначальной товарищеской и жизнерадостной атмосферы в отряде пилигримов. В дальнейшем каждый из паломников хранил угрюмое молчание, бросая по сторонам подозрительные взгляды; никто больше ни во что не играл, философские дебаты прекратились. и даже объявление Гарстанга о том, что до Эрзе-Дамата осталось не больше дня плавания,

не было встречено с заметным энтузиазмом.

3. Эрзе-Дамат

В последний вечер на плоту между паломниками возобновилось какое-то подобие дружелюбия. Толкователь Витц пропел несколько вокальных упражнений, а Кугель продемонстрировал танец вприсядку, типичный для рыбаков-омароловов из Кочика, где он провел молодость. Чтобы не остаться в долгу, Войнод выполнил несколько простых превращений, после чего показал окружающим маленькое серебряное кольцо и подозвал Гакста: «Прикоснись к этому кольцу языком, приложи его ко лбу, а потом посмотри сквозь него».

«Я вижу процессию! — воскликнул Гакст, глядя в кольцо. — Мимо маршируют сотни, тысячи мужчин и женщин. Впереди идут мои родители, за ними — их родители. Но кто все остальные?»

«Твои предки, — объяснил кудесник, — каждый в самом привычном для него наряде — вплоть до человекообразного гомункулуса, от которого все мы происходим». Войнод забрал кольцо и вынул из поясной сумки тусклый сине-зеленый самоцвет.

«Теперь смотрите: я бросаю этот камень в воды Скамандера! — Кудесник подбросил самоцвет так, чтобы он, мелькнув дугой в воздухе, упал в реку и скрылся в ее темных глубинах. — А теперь мне достаточно протянуть руку, раскрыв ладонь, и камень вернется ко мне!» Действительно, собравшиеся вокруг паломники увидели, как блеснула в зареве костра взлетевшая из реки искорка, и камень опустился на ладонь Войнода.

«Обладатель такой драгоценности может никогда не опасаться нищеты! — сказал кудесник. — Само собой, за него не дадут много денег, но его можно продавать раз за разом различным покупателям… Что еще я могу вам показать? Может быть, вот этот небольшой амулет. Честно говоря, это эротический стимулятор, вызывающий сильные чувства у того, кто подвергается его сглазу. Пользоваться им следует очень осторожно, в связи с чем у меня, разумеется, есть незаменимый противодействующий талисман, изготовленный в форме бараньей головы по приказу императора Дальмазмия Нежного с тем, чтобы он никоим образом не злоупотреблял привязанностью ни одной из своих десяти тысяч любовниц… Что еще у меня есть? Вот волшебная палочка, мгновенно прикрепляющая любой предмет к другому. Я

внимательно слежу за тем, чтобы она оставалась в чехле — того и гляди, штаны случайно прилипнут к ягодицам, или палец — к сумке на поясе. Очень полезная вещь, находит самые различные применения. Что еще? Посмотрим, посмотрим… Да-да, конечно! Рог, отличающийся самым достопримечательным свойством. Будучи вложен в рот мертвеца, он заставляет умершего снова произнести двадцать его последних слов. Будучи вставлен в ухо мертвеца, он позволяет безжизненному мозгу воспринимать новую информацию… Что еще найдется в моей сумке? Ага, вот оно! Небольшое устройство, доставившее мне множество развлечений!» Войнод вынул куклу, разразившуюся декламацией отрывков героической поэмы, а затем пропевшую довольно-таки похабную песенку и обменявшуюся рядом остроумных замечаний с Кугелем — тот присел на корточках поближе к кудеснику и с напряженным вниманием наблюдал за его фокусами.

Войнод устал, наконец, давать представление, и паломники стали, один за другим, готовиться ко сну.

Кугель лежал с открытыми глазами, подложив руки под голову, глядя в звездное небо и размышляя о неожиданно богатой коллекции

тавматургических инструментов и средств, принадлежавших Войноду.

Убедившись в том, что все заснули, он поднялся на ноги и внимательно рассмотрел фигуру спящего кудесника. Сумка Войнода была надежно застегнута, причем он положил ее под мышку — в полном соответствии с ожиданиями Кугеля. Направившись к небольшой кладовой, где пилигримы хранили запасы провизии, Кугель позаимствовал небольшое количество топленого сала, каковое он смешал с мукой, получив таким образом нечто вроде белой мази. Воспользовавшись куском картона, он изготовил маленькую коробочку и наполнил ее мазью. После этого он вернулся к своей подстилке и лег на нее.

Поутру Кугель позаботился о том, чтобы Войнод застал его, как бы случайно, за подозрительным занятием: Кугель смазывал лезвие своей шпаги приготовленной вчера белой мазью.

Войнод тут же пришел в ужас: «Не может быть! Невероятно! Увы, бедняга Лодермульх!»

Кугель приложил палец к губам и пробормотал: «О чем вы говорите? Я всего лишь смазываю шпагу, чтобы она не ржавела».

Войнод, полный непреклонной решимости, отрицательно покачал головой: «Теперь все ясно!

Вы прикончили провоста, чтобы присвоить его имущество! Мне ничего не остается, как сообщить об этом вороловам в Эрзе-Дамате!»

Кугель умоляюще протянул к нему руки: «Не спешите с выводами! Вы заблуждаетесь — я ни в чем не виноват!»

Войнод, человек высокий и смуглый, с лиловатыми мешками под глазами, длинным подбородком и узким лбом с пролысинами, предупреждающе поднял руку: «Я никогда не одобрял убийства. В данном случае необходимо восстановить справедливость — в том числе применить надлежащее суровое наказание. По меньшей мере, злодей не должен никоим образом извлечь выгоду из своего преступления!»

«Вы имеете в виду мазь?» — осторожно спросил Кугель.

«Разумеется! — отрезал Войнод. — Справедливость должна торжествовать!»

«Вы просто безжалостны! — огорченно воскликнул Кугель. — Придется подчиниться вашим требованиям — у меня нет другого выхода».

Кудесник протянул руку: «Давайте мазь! Так как вы очевидно охвачены стыдом и сожалением по поводу своего преступления, я о нем больше ничего никому не скажу».

Задумчиво поджав губы, Кугель произнес: «Так и быть. Я уже смазал свой клинок. Поэтому готов обменять остаток мази на ваш эротический амулет и противодействующий ему талисман, вкупе с не столь существенными магическими средствами».

«Что я слышу? — разгневался Войнод. — Ваша наглость превосходит всякие представления! Мои волшебные инструменты бесценны!»

Кугель пожал плечами: «Мазь отшельника с плотины тоже нельзя назвать товаром общего потребления».

После продолжительного спора Кугель расстался с мазью, обменяв ее на тюбик, испускавший струю синего концентрата на расстояние в пятьдесят шагов, и рукописный свиток, содержавший перечень восемнадцати фаз лаганетического цикла — этим ему пришлось удовольствоваться.

Вскоре после этого на западном берегу Скамандера появились окраинные руины Эрзе-Дамата — остатки разрушенных древних вилл среди поросших быльем садов.

Работая шестами, паломники подвели плот ближе к берегу. Вдали уже торчало навершие Черного обелиска — завидев его, пилигримы разразились радостными возгласами. Совмест-

ными усилиями им удалось направить плот по диагонали поперек реки и пришвартоваться к одному из покосившихся, прогнивших городских причалов.

Паломники выбрались на берег и собрались вокруг Гарстанга, обратившегося ко всем присутствующим: «С глубочайшим удовлетворением слагаю с себя обременительные обязанности руководителя нашего отряда! Воззрите же! Перед вами священный город, где Гильфиг провозгласил гнеустическую догму, где он испепелил Казуэ и ниспроверг ведьму Энксис! Вполне возможно, что его благословенные подошвы попирали ту самую почву, на которой мы теперь стоим!» Гарстанг драматическим жестом опустил руку к земле, в то время как паломники, глядя вниз, смущенно переминались с ноги на ногу.

«Как бы то ни было, — продолжал Гарстанг, — мы прибыли, и каждый из нас должен чувствовать облегчение. Мы проделали нелегкий, опасный путь. Пятьдесят девять человек вышли из долины Фольгуса. В полях Сагмы вурдалаки утащили Бамиша и Рандола. На мосту через Аск к нам присоединился Кугель. Сплавляясь по Скамандеру, мы потеряли Лодермульха. Теперь нас — пятьдесят семь товарищей, сплоченных

бедами и приключениями — мне причиняет огорчение необходимость распустить наш отряд, но я не сомневаюсь, что все мы навсегда запомним этот славный поход!

Через два дня начинается ритуал очищения. Мы прибыли вовремя. Те, кто еще не проиграл все свои деньги, — с этими словами Гарстанг бросил осуждающий взгляд на Кугеля, — могут остановиться в удобных гостиницах. Обнищавшим придется найти какую-нибудь другую крышу над головой. Наше путешествие подошло к концу: здесь мы расстаемся — каждый пойдет своим путем, хотя, конечно, через два дня мы снова встретимся у Черного обелиска. До тех пор — прощайте!»

Паломники разошлись — одни направились по берегу Скамандера к близлежащему постоялому двору, другие повернули в сторону от реки, чтобы найти убежище в городе.

Кугель подошел к кудеснику Войноду: «Как вы понимаете, я незнаком с этой страной. Вероятно, вы могли бы порекомендовать гостиницу с просторными и удобными, но не слишком дорогими номерами».

«Могу! — ответил Войнод. — Я сам собираюсь остановиться в такой гостинице, точнее — на по-

стоялом дворе „Древний приют Дастрической империи“, занимающем территорию бывшего дворца. Если вещи мало изменились с тех пор, как я побывал там в последний раз, изысканные блюда и роскошные помещения предлагаются там за вполне разумную цену».

Кугель с одобрением отнесся к такой перспективе и последовал за кудесником по улицам старого Эрзе-Дамата — сначала мимо скоплений беленых избушек, затем по обширному району, где не было никаких зданий, а пересечения проспектов создавали нечто вроде огромной пустой шахматной доски; наконец они углубились во все еще населенные кварталы, где в глубине ухоженных, хитроумно спланированных садов виднелись великолепные усадьбы. Горожане Эрзе-Дамата отличались довольно приятной внешностью, хотя были заметно смуглее жителей Альмерии. Мужчины носили только черное: брюки в обтяжку и жилеты с черными помпонами; женщины щеголяли в роскошных длинных платьях желтой, красной, оранжевой и малиновой расцветки, а их мягкие туфельки мерцали оранжевыми и черными блестками. Синий и зеленый цвета встречались гораздо реже — здесь считали, что они могут накликать беду — а лиловый цвет

символизировал смерть.

На прическах женщин покачивались высокие плюмажи, тогда как мужчины надевали набекрень черные диски с центральным отверстием, из которого выступала верхняя часть головы. Судя по всему, среди местных жителей пользовались большой популярностью смолистые бальзамы — от каждого встречного исходил отчетливый аромат алоэ, мирры или карцинта. В целом и в общем обитатели Эрзе-Дамата казались не менее цивилизованными, чем народ Кочика, и значительно более энергичными и деятельными, нежели азеномейская деревенщина.

Впереди, неподалеку от Черного обелиска, расположился «Древний приют Дастрической империи». К большому огорчению как Войнода, так и Кугеля, все помещения этого постоялого двора уже были заняты, и привратник не пустил их внутрь. «Обряды очищения привлекают множество набожных гостей из разных стран, — пояснил он. — Если вы найдете хоть какое-нибудь место, где можно переночевать, считайте, что вам повезло».

Он оказался прав: Кугелю и Войноду, переходившим от одной гостиницы к другой, всюду отказывали. Наконец, на западной окраине горо-

да — там, где уже почти начиналась Серебряная пустыня — им позволили остановиться в номере над большим, не слишком респектабельным на первый взгляд трактиром, в гостинице под наименованием «Под зеленым фонарем».

«Еще десять минут тому назад я не смог бы вас разместить, — сообщил владелец гостиницы. — Но вороловы задержали двух постояльцев, объявив, что оба они — разбойники с большой дороги и прирожденные мошенники».

«Надеюсь, вы обслуживаете главным образом клиентов, не относящихся к этой категории», — заметил Войнод.

«Как сказать? — развел руками трактирщик. — Мое дело — предоставлять ночлег, еду и питье, больше ничего. Извращенцам и бандитам тоже нужно есть, пить и спать — не меньше, чем святым и фанатикам. И те, и другие сюда наведываются. В конце концов, откуда мне знать, кто *вы* такие?»

Сумерки сгущались, и Кугель с Войнодом без лишних слов устроились в гостинице «Под зеленым фонарем». Освежившись, они спустились, чтобы поужинать, в трапезный зал — обширное помещение с почерневшими от времени потолочными брусьями и полом, выложенным

темно-коричневой плиткой; на разнообразных столбах и стойках из рубцеватого дерева висели светильники. Намеки владельца заведения оправдались: как в том, что касалось внешности, так и по своей манере одеваться посетители здесь образовывали разношерстную компанию. С одной стороны сидели обитатели пустыни — тощие и гибкие, как змеи, в опоясанных кожаных халатах; с другой — четверо молчаливых бледнолицых субъектов с перевязанными красным шелком круглыми шишаками волос на затылках. Вдоль стойки в глубине помещения расположилась компания головорезов в коричневых бриджах, черных плащах и кожаных беретах; у каждого в мочку уха была продета золотая цепочка с болтающимся на конце сферическим драгоценным камнем.

Кугелю и Войноду подали, с некоторой небрежностью, приемлемый ужин, после которого они сидели, потягивая вино и размышляя о том, как им следовало провести остаток вечера. Войнод решил подняться к себе в номер и репетировать страстные провозглашения и лихорадочные декларации благочестия, ожидавшиеся от него во время предстоящих обрядов. В связи с этим Кугель попросил кудесника временно предоставить

ему талисман, стимулировавший эротические инстинкты: «Женщины в Эрзе-Дамате выглядят неплохо, и с помощью вашего талисмана я мог бы лучше познакомиться с их возможностями».

«Ни в коем случае! — отрезал Войнод, покрепче прижимая к себе висевшую сбоку поясную сумку. — Думаю, что причины моего отказа не нуждаются в пояснениях».

Кугель угрюмо нахмурился. Преувеличенное представление Войнода о своих выдающихся качествах казалось Кугелю исключительно безосновательным и даже отталкивающим, учитывая нездорово изможденную и мрачноватую внешность кудесника.

Войнод аккуратно допил все, что оставалось у него в кружке — методичная скупость кудесника вызывала у Кугеля дополнительное раздражение — и поднялся на ноги: «Пойду отдохну у себя в комнате».

Как только Войнод повернулся и сделал пару шагов, на него натолкнулся плечом молодой головорез, спешивший куда-то размашистыми шагами. Кудесник обронил язвительный упрек, не ускользнувший от слуха разбойника. Тот сразу повернулся лицом к Войноду: «Ты смеешь говорить мне дерзости? Защищайся — или я тебе нос

отрежу на память!» Головорез выхватил шпагу.

«Как вам будет угодно, — отозвался Войнод. — Один момент — позвольте мне тоже вооружиться». Подмигнув Кугелю, он слегка отвернулся от противника, вынул шпагу и, обмакнув пальцы в мазь, быстро провел ими вдоль лезвия, после чего встал лицом к лицу с разбойником: «Приготовьтесь к смерти, любезнейший!» Кудесник сделал выпад, достойный заправского фехтовальщика. Молодой разбойник, заметивший приготовления Войнода, понял, что имеет дело с магией, и остолбенел от ужаса. Клинок кудесника блеснул красивой дугой и проткнул бандита насквозь, после чего Войнод вытер его об упавшую шляпу противника.

Товарищи убитого, сидевшие за стойкой, начали было вскакивать на ноги, но их остановила самоуверенность повернувшегося к ним кудесника. «Остерегитесь, петухи на навозной куче! — предупредил их Войнод. — Разве вы не видите, что случилось с вашим дружком? Его проткнул волшебный клинок из неотразимого металла — он режет камень и сталь, как масло! Смотрите!» Кудесник размахнулся и попытался рассечь шпагой ближайший столб. Лезвие ударилось о чугунную скобу и разлетелось вдребезги.

Ничего не понимая, Войнод застыл на месте, но товарищи убитого разбойника тут же бросились к нему: «Где ж твой волшебный клинок? Наши шпаги — из обычной стали, но хорошо наточены!»

Уже через несколько секунд Войнода изрубили в куски.

Теперь головорезы повернулись к Кугелю: «А ты кто такой? Хочешь разделить судьбу приятеля?»

«Нет-нет! — поспешил заявить Кугель. — Он — всего лишь лакей, носил мои пожитки. Но я — на самом деле чародей! У меня в руке магический тюбик — видите? Первого, кто вздумает мне угрожать, я оболью синим концентратом!»

Пожав плечами, разбойники вернулись к выпивке. Кугель поднял сумку Войнода, после чего подозвал трактирщика: «Будьте добры, уберите трупы и подайте мне еще одну кружку пряного глинтвейна».

«Как насчет платы за ужин и спальню вашего спутника?» — язвительно поинтересовался владелец заведения.

«Я заплачу сполна, не беспокойтесь».

Тела убитых вынесли на задний двор. Кугель опорожнил последнюю кружку вина и поднял-

ся к себе в комнату. Там он разложил на столе содержимое сумки Войнода. Деньги он спрятал в кошельке, а талисманы, амулеты и магические инструменты бережно разместил в своей собственной сумке. Поддельную мазь он выбросил. Удовлетворенный результатами беспокойного дня, он растянулся на койке и скоро заснул.

На следующий день Кугель побродил по улицам, а затем взобрался на самый высокий из восьми городских холмов. Перед ним открылась перспектива одновременно унылая и величественная. Направо и налево струились воды казавшегося безбрежным Скамандера. Город пестрел разномастными квадратными участками, ограниченными пересекающимися прямолинейными проспектами — одни были заполнены развалинами или просто пустовали, на других виднелись скопления оштукатуренных домиков или окруженные садами роскошные дворцы. Кугель еще никогда не видел такого большого города — Эрзе-Дамат превосходил размерами даже столицы Альмерии и Асколаиса, хотя его территория главным образом представляла собой крошащиеся, плесневеющие руины.

Вернувшись в центральный район, Кугель нашел киоск профессионального географа и,

уплатив названную сумму, попросил указать самый безопасный маршрут, позволявший как можно быстрее добраться до Альмерии.

Мудрец не торопился с ответом и не стал ограничиваться расплывчатыми рассуждениями. Он вынул несколько карт и путеводителей, некоторое время просматривал их, погрузившись в глубокое раздумье, после чего повернулся к Кугелю: «Могу посоветовать следующее. Направляйтесь на север по берегу Скамандера, вплоть до впадения в него Аска. Затем следуйте вверх по течению Аска до моста на шести быках. Там повернитесь лицом на север, взойдите в горы Магнатца и спуститесь с них. Перед вами будет лес, известный под наименованием „Долгий Эрм“. Продолжайте путь на запад через Долгий Эрм, и через некоторое время вы окажетесь на побережье Северного моря. Там вам придется сделать себе лодку — например, обтянутый кожей челнок из ивняка — и довериться ветру и океанским течениям. Если после этого вам удастся доплыть до берегов степи Рухнувшей Стены, оттуда, направившись на юг, сравнительно легко дойти до Альмерии».

Кугель нетерпеливо отверг рекомендации географа: «Этим путем я сюда пришел. Разве нет

какого-нибудь другого маршрута?»

«Конечно, есть. Опрометчивый человек мог бы рискнуть углубиться в Серебряную пустыню и таким образом выйти к Сонганскому морю, на противоположном берегу которого простираются непроходимые дикие леса, граничащие с Восточной Альмерией».

«Что ж, такой вариант выглядит более целесообразным. Но как я мог бы пересечь Серебряную пустыню? Там ходят какие-нибудь караваны?»

«Зачем бы там ходили караваны? В пустыне нет никаких покупателей — только бандиты, а они предпочитают экспроприировать товары, а не платить за них. Для того, чтобы разбойники не решились напасть на путников, нужен отряд численностью не менее сорока человек».

Кугель отошел от киоска. В ближайшей таверне он выпил флягу вина, размышляя о том, как лучше всего было бы собрать отряд из сорока попутчиков. Сколько было паломников? Пятьдесят шесть человек? Нет, теперь уже пятьдесят пять — Войнод не в счет. Такая многочисленная компания вполне могла бы пригодиться…

Кугель заказал еще вина и продолжал предаваться размышлениям.

Наконец он расплатился и направился к Чер-

ному обелиску. Строго говоря, «обелиском» этот объект называть не следовало бы, так как он представлял собой огромный острый останец сплошного черного камня, возвышавшийся над городом метров на тридцать. В его основании были вырезаны пять статуй, смотревших в разные стороны — каждая изображала верховного адепта того или иного вероучения. Статуя Гильфига была обращена лицом к югу; в каждой из четырех рук Гильфиг держал священный символ, а каждая из его ног, обутых в изящные туфли с тонкими, загнутыми вверх носками, опиралась на шею распростертого перед ним просителя.

Кугель осведомился у стоявшего неподалеку охранника: «Кто главный священнослужитель, ответственный за совершение обрядов у Черного обелиска, и где его можно найти?»

«Полагаю, что вы имеете в виду прекурсора Хульма, — сказал охранник и указал на находившееся рядом роскошное сооружение. — Его можно найти в этом здании, усыпанном драгоценными камнями».

Кугель прошествовал к сверкающей всеми цветами радуги архитектурной достопримечательности. Ему пришлось выступить с рядом громогласных заявлений, прежде чем его про-

вели в присутствие прекурсора Хульма — коренастого круглолицего человека средних лет. Кугель повелительным жестом приказал удалиться проводившему его жрецу-помощнику: «Мое сообщение предназначено только для ушей прекурсора!»

Хульм подтвердил приказ; жрец удалился. Кугель приблизился к прекурсору: «Могу ли я не опасаться того, что нас подслушают?»

«Здесь нас никто не подслушивает».

«В таком случае, — сказал Кугель, — да будет вам известно, что я — могущественный чародей. Смотрите: вот тюбик, испускающий синий концентрат! Вот свиток, содержащий перечень восемнадцати фаз лаганетического цикла! А этот рог — магический инструмент, позволяющий загружать информацию в мертвый мозг! В моем распоряжении находятся и другие, не менее чудесные артефакты».

«Любопытно, любопытно!» — пробормотал прекурсор.

«Перейдем ко второму из моих откровений. В свое время, в дальних краях, я работал смесителем фимиамов в Храме телеологов. Там я узнал, что каждое из священных изображений божеств создается для того, чтобы жрецы могли

выполнять, по мере необходимости действия, приписываемые тому божеству, которому они служат».

«Как может быть иначе? — безмятежно отозвался прекурсор. — Божество, повелевающее всеми аспектами бытия, побуждает жрецов совершать такие действия».

Кугель согласился с этим умозаключением: «Можно допустить, таким образом, что статуи, вырезанные в основании Черного обелиска, также являются подобными священными изображениями?»

Прекурсор улыбнулся: «Какое из пяти божеств вы имеете в виду?»

«Конкретно — статую, изображающую Гильфига».

Глаза прекурсора Хульма рассеянно смотрели куда-то вдаль; по-видимому, он размышлял.

Кугель указал на различные талисманы и магические средства: «В качестве возмещения за определенные литургические услуги я мог бы принести в дар управлению прекурсора некоторые из этих приспособлений».

«В чем состояли бы такие услуги?»

Кугель подробно объяснил свои пожелания, и прекурсор задумчиво кивнул: «Не могли бы

вы снова продемонстрировать свои магические товары?»

Кугель показал их снова.

«И это все, что у вас есть?»

Кугель неохотно вынул из сумки эротический стимулятор и разъяснил Хульму функцию противодействующего ему талисмана. Прекурсор снова кивнул, на этот раз решительно: «Думаю, что мы можем заключить соглашение, во всех отношениях соответствующее пожеланиям всемогущего Гильфига».

«Значит, мы договорились?»

«Договорились!»

На следующее утро пятьдесят пять пилигримов собрались у Черного обелиска. Они распростерлись перед изображением Гильфига и приготовились к совершению молитвенных обрядов. Внезапно глаза статуи божества озарились пламенем, ее рот открылся. «Пилигримы! — прозвучал голос, звонкий, как фанфара. — Исполните мой завет! Ступайте к побережью Сонганского моря через Серебряную пустыню! Там вы найдете святилище, перед которым надлежит совершить ваши молитвы! Ступайте сегодня же! Вам предстоит паломничество по Серебряной пустыне!» Божество замолчало.

Гарстанг ответил дрожащим голосом: «Мы слышим, о Гильфиг! И повинуемся!»

В ту же секунду Кугель выскочил вперед: «Я стал свидетелем чуда! Я тоже готов совершить паломничество! Выступим в поход немедленно! Вперед!»

«Не спешите! — остановил его Гарстанг. — Не можем же мы бежать по пустыне босиком, размахивая руками, как сумасшедшие дервиши! Нужен запас провизии, нужны вьючные животные. А для этого потребуются средства. Кто готов внести свой вклад?»

«Я жертвую двести терциев!»

«Отдам шестьдесят — все, что у меня осталось!»

«Я проиграл Кугелю девяносто терциев, у меня остались только сорок — мой посильный вклад!»

Так продолжался сбор средств, и даже Кугель внес в общую казну шестьдесят шесть терциев.

«Хорошо! — сказал в конце концов Гарстанг. — Завтра я займусь организацией каравана, а на следующий день, если все получится, мы выйдем из Эрзе-Дамата через Старые Западные ворота!»

4. Серебряная пустыня и Сонганское море

Утром Гарстанг, Кугель и Казмайр отправились закупать необходимое снаряжение. Им порекомендовали предприятие поставщика вьючного скота и такелажа, занимавшее один из пустующих участков между бульварами старого города. Стена из кирпича-сырца, смешанного с обломками резного камня, окружала двор, откуда доносились всевозможные звуки — ржание, вой, низкое мычание, гортанное рычание, лай, вопли и рев — а также сильный сложносоставной запах, включавший ароматы аммиака, силоса, дюжины различных сортов навоза, тухлого мяса и какой-то едкой кислятины.

Повернув в арочный проход, путешественники зашли в контору, слегка возвышавшуюся над центральным выгоном, где в хлевах, клетках и загонах содержались животные, разнообразие видов и мастей которых поразило Кугеля.

Владелец предприятия вышел им навстречу — высокий желтокожий субъект с лицом, покрытым множеством шрамов, без носа и без

одного уха. Он носил опоясанный серый кожаный халат и высокую коническую черную шапку с торчащими в стороны наушниками.

Гарстанг объяснил причину визита: «Мы — паломники, нам предстоит поход через Серебряную пустыню, и мы хотели бы нанять вьючных тварей. Нас больше пятидесяти человек; ожидается, что поход займет около сорока дней — двадцать дней к морю и двадцать дней обратно в Эрзе-Дамат. Кроме того, молитвенные обряды на побережье будут продолжаться, скорее всего, дней пять. Надеюсь, что этих сведений достаточно для того, чтобы вы могли прикинуть, что́ нам могло бы понадобиться. Само собой, мы ожидаем, что нам предоставят самых выносливых, трудолюбивых и послушных из имеющихся у вас животных».

«Все это хорошо и замечательно, — откликнулся человек без носа, — но, если вы отправляетесь в пустыню, стоимость аренды животных окажется не меньше стоимости их покупки, в связи с чем советую сразу приобрести право собственности на подходящий вьючный скот, чтобы не тратить деньги зря».

«И какова будет итоговая сумма?» — поинтересовался Казмайр.

«А это уже зависит от вашего выбора — у каж-

дой твари своя цена».

Гарстанг, тем временем обозревавший выгон, огорченно покачал головой: «Должен признаться, я в замешательстве. Насколько я могу судить, у вас все животные — разных пород, причем каждую тварь трудно отнести к какой-нибудь определенной разновидности».

Желтокожий предприниматель признал справедливость такого наблюдения: «Если вы наберетесь терпения и выслушаете меня, вы все поймете. Это исключительно интересная история — кроме того, она поможет вам справляться с животными».

«В таком случае ваши сведения пригодятся нам вдвойне», — невзирая на нетерпеливую жестикуляцию Кугеля, вежливо согласился Гарстанг.

Владелец выгона подошел к стеллажу и снял с полки толстый том в кожаном переплете: «Когда-то, в давно минувшие дни предыдущего эона, сумасшедший король Кутт приказал устроить зверинец, подобного которому никогда не было — для его собственного развлечения и для того, чтобы поразить весь мир. Выполняя указания короля, его придворный чародей, Фоллиненс, создал единственную в своем роде группу тварей, уродов и чудовищ, сочетая самые различные

и дотоле несовместимые протоплазмы. Перед вами — результат его экспериментов».

«Зверинец просуществовал так долго?» — недоверчиво спросил Гарстанг.

«Конечно, нет. От сумасшествий короля Кутта не осталось ничего, кроме легенд и ведомостей чародея Фоллиненса, — предприниматель похлопал по кожаному переплету тома, — содержащих описание применявшейся им неслыханной системы разведения гибридов. Например… — человек без носа пролистал пару пожелтевших страниц. — Где же это… гмм! Вот краткая сводка, легче поддающаяся пониманию, нежели многие другие формулировки. Здесь он перечисляет основные свойства полулюдей:

«Гидд: гибрид человека, горгульи, оборотня и паука-скакуна.

Деоданд: гибрид росомахи, василиска и человека.

Эрб: гибрид медведя, человека, прямоходящего ящера и демона.

Вурдалак: гибрид человека, пучеглазой летучей мыши и редкой разновидности хуна.

Левкоморф: происхождение установить не удалось.

Вазиль: гибрид фелинодора, человека (и, веро-

ятно, осы?)».

Казмайр прихлопнул в ладоши от удивления: «Значит, человечество обязано Фоллиненсу существованием всех этих зловредных и кровожадных монстров?»

«Не думаю, — возразил Гарстанг. — Его перечень — скорее приблизительные результаты анализа, нежели инструкции по выведению особей. Дважды он отмечает, что сомневается в своих выводах».

«Я тоже так считаю — по меньшей мере в том, что касается именно этого списка, — согласился владелец выгона. — В других записях Фоллиненс оставил указания, свидетельствующие о его уверенности в точности генетического анализа».

«Каким образом, однако, твари, которых мы видим на вашем дворе, связаны с древним зверинцем?» — поинтересовался Казмайр.

Человек без носа пожал плечами: «Мы имеем дело с последствиями еще одной проделки сумасшедшего короля. Он выпустил на волю всех узников из своего зверинца — что, разумеется, вызвало испуг и возмущение населения, а также нарушение экологического баланса. Создания чародея, наделенные способностью к перекрестному размножению, со временем ста-

новились все более причудливыми, и теперь их бесчисленные стада бродят по равнине Опароны и в Бланвальтском лесу».

«Так что же вы нам предлагаете? — потерял терпение Кугель. — Нам нужны вьючные животные, смирные и достаточно чистоплотные, а не какие-то уроды и шутки природы, в чем бы ни состояла их познавательная ценность».

«Некоторые из моих питомцев вполне соответствуют вашим требованиям, — с достоинством ответил владелец выгона. — Они обойдутся недешево. С другой стороны, всего лишь за один терций вы можете купить длинношеее пузатое существо, невероятно прожорливое».

«Привлекательное предложение, — с сожалением отозвался Гарстанг. — Тем не менее, мы нуждаемся в животных, способных перевезти провизию и воду через всю Серебряную пустыню».

«В таком случае ассортимент становится не столь обширным, — желтокожий человек приступил к расчетам. — Высокая двуногая тварь, пожалуй, не столь кровожадна, как может показаться с первого взгляда…»

В конце концов они выбрали пятнадцать вьючных животных и согласовали цену. Хозя-

ин подвел караван этих весьма разнообразных особей к выходу, и Гарстанг, Кугель и Казмайр вступили во владение ими. Они медленно провели животных по улицам Эрзе-Дамата к Западным воротам. Здесь Кугеля оставили присматривать за приобретенным небольшим стадом, а Гарстанг с Казмайром отправились покупать провизию и прочие необходимые запасы.

К наступлению темноты все приготовления закончились, и, как только первый багровый луч Солнца коснулся вершины Черного обелиска, паломники пустились в путь. Животные везли корзины с едой и бурдюки с водой; все пилигримы обзавелись новыми башмаками и широкополыми шляпами. Гарстангу не удалось нанять проводника, но он купил карту у географа — несмотря на то, что на ней, помимо обозначенного кружком Эрзе-Дамата, значилось только наименование Сонганского моря, а вся обширная территория между городом и морем не удостоилась каких-либо пометок.

Кугелю поручили вести под уздцы одно из животных — двенадцатиногое существо почти семиметровой длины с маленькой, глупо ухмыляющейся детской головой, сплошь покрытое желтовато-коричневой шерстью. Кугеля раздра-

жала эта обязанность, так как вьючная тварь грела ему затылок вонючим дыханием и время от времени наступала ему на пятки.

Из пятидесяти семи пилигримов, сошедших с плота в Эрзе-Дамате, сорок девять человек отправились искать святилище на берегу Сонганского моря, и практически сразу же их число сократилось до сорока восьми. Некий Тохарин отошел от тропы по нужде, и его ужалил гигантский скорпион. Хрипло крича, Тохарин убежал в пустыню длинными прыжками, и больше его не видели.

День закончился без дальнейших неприятных происшествий. Пилигримов окружала сухая серая пустошь, усыпанная кремнистым щебнем; здесь росла только железная колючка, да и то изредка. На юге тянулась гряда пологих возвышенностей, и Кугелю показалось, что он различил пару фигур, неподвижно стоявших на гребне холма. Когда Солнце зашло, караван остановился; Кугель, памятуя о разбойниках пустыни, о которых его предупреждали в городе, настоял на том, чтобы Гарстанг выставил двух часовых, Липпельта и Мирх-Мазена.

Утром оказалось, что часовые бесследно исчезли, что вызвало у паломников тревогу и по-

давленность. Они собрались вместе и стояли, нервно поглядывая по сторонам. Их окружала плоская, безжизненная пустыня, погруженная в красновато-коричневый сумрак рассвета. Далеко на юге виднелись несколько холмов — горели их озаренные Солнцем вершины. Во всех других направлениях серая плоскость простиралась до горизонта.

Через некоторое время караван тронулся с места — теперь в нем осталось сорок шесть человек. Кугелю по-прежнему поручили вести длинную многоногую тварь, которая теперь завела привычку тыкаться своей ухмыляющейся рожей в спину Кугеля, между лопатками.

Второй день прошел спокойно: караван продвигался, оставляя позади версту за верстой. Впереди шествовал Гарстанг с посохом в руке; за ним шли Витц, Казмайр и несколько других пилигримов. Вслед за головным отрядом брели вьючные животные, причем каждое отличалось собственным неповторимым силуэтом: одно извивалось на коротких ножках, почти прикасаясь брюхом к земле; другое, высокое и двуногое, могло бы походить на человека, если бы не голова — маленькая и плоская, как панцирь краба. Третье, с выгнутой спиной, то и дело подпрыги-

вало, гарцуя на шести напряженно вытянутых ногах; четвертое напоминало лошадь, покрытую плотной попоной из белых перьев. За вьючными тварями плелись прочие паломники, причем Блунер, в соответствии со своими претензиями на смиренномудрие, обычно замыкал шествие. Вечером этого дня Кугель достал из сумки принадлежавший ранее Войноду магический обруч, превращавшийся в ограду, и отряд пилигримов смог переночевать под защитой надежного частокола.

На следующий день пилигримы пересекли невысокий горный хребет, после чего на них напали бандиты — впрочем, нападение носило характер скорее разведочной стычки, и единственной жертвой стал Гакст, которого ранили в пятку. Более серьезная беда случилась через два часа. Когда караван проходил под крутым обрывом, со склона сорвался большой валун; прокатившись наискось через вереницу животных и паломников, валун смел на своем пути одну из вьючных тварей, а также евангелиста-канатоходца Эндла и скептика Рормонда. Ночью Гакст тоже умер — по-видимому, отравленный ранившим его оружием.

Наутро хмурые паломники продолжили

путь — и почти сразу же на них снова напали разбойники, выскочившие из засады. К счастью, пилигримы были готовы к такому повороту событий: бандиты были разбиты наголову, потеряв двенадцать человек, тогда как в стане паломников в бою погибли только Крэй и Магасфен.

Оставшиеся в живых начинали ворчать и часто оглядывались на восток, в сторону Эрзе-Дамата. Гарстанг старался ободрить упавших духом: «Мы — гильфигиты! Гильфиг вещал нам! На берегах Сонганского моря мы найдем его святилище! Гильфиг всеведущ и всемилостив. Павшие в служении ему мгновенно переносятся в райский Гамамир! Паломники! Вперед, на Запад!»

Настроение пилигримов слегка исправилось; караван снова устремился к цели, и днем больше не было никаких неприятностей. Ночью, однако, три вьючные твари сорвались с привязи и сбежали, в связи с чем Кугелю пришлось сократить рационы для всех.

На седьмой день похода Тильфокс съел пригоршню ядовитых ягод и умер в мучительных судорогах, в связи с чем его брат, толкователь Витц, обезумел от горя и принялся бегать взад и вперед вдоль каравана, проклиная Гильфига и полосуя ножом бурдюки с водой, пока Кугелю

не удалось, наконец, прикончить его.

Через два дня поредевшему, истощенному отряду встретился родник. Не внимая предостережениям Гарстанга, Сайяназ и Арло бросились плашмя на землю и стали жадно глотать воду из источника. Уже через несколько секунд они схватились за животы, задыхаясь и не в силах произнести ни слова, их губы приобрели оттенок песка, и вскоре они умерли.

Еще через неделю взорам пятнадцати человек и четырех вьючных тварей, взобравшихся на возвышенность, открылись мирные воды Сонганского моря. Кугель, Гарстанг, Казмайр и Субукьюль остались в числе выживших. Ручей, стекавший с возвышенности, не достигал моря, образуя болото. Кугель проверил воду в ручье магическим брелоком, полученным от Юкоуну, и объявил, что эту воду можно было пить. Все напились, наелись тростников — безвкусных, но превращенных в питательную массу тем же амулетом — и уснули.

Разбуженный предчувствием опасности, Кугель вскочил на ноги и заметил зловещее движение в тростниках. Он поднял тревогу; паломники встали с оружием наготове, но то, что скрывалось в болоте — что бы это ни было — не решилось

напасть и отступило. В послеполуденных лучах Солнца пилигримы спустились на пустынный берег, чтобы оценить ситуацию. Глядя на север и на юг, они не замечали никаких следов святилища или даже его развалин. Самые вспыльчивые начали ругаться и ссориться; Гарстангу удалось предотвратить драку только благодаря самым убедительным просьбам и самым заманчивым обещаниям.

Наконец Балх, решивший тем временем прогуляться по берегу, вернулся в лихорадочном возбуждении: «Там деревня!»

Охваченные надеждой и нетерпением, паломники поспешили туда, но «деревня», когда они подошли ближе, разочаровала их — это была плотная кучка тростниковых хижин, населенных человекообразными ящерами. Те встретили путников враждебно, оскалив зубы, шипя и размахивая синими жилистыми хвостами. Паломники вернулись на берег, воткнули в песок шесты, развесили гамаки и молча смотрели на вялый прибой Сонганского моря, усевшись в гамаках.

Гарстанг, изможденный и согбенный перенесенными лишениями, заговорил первый. Он попытался придать голосу оттенок радостной надежды: «Мы прибыли — мы победили ужасную

Серебряную пустыню! Теперь остается только найти святилище и совершить очистительные молебны, после чего мы сможем вернуться в Эрзе-Дамат, будучи уверены в том, что нас ожидает блаженство!»

«Все это замечательно, — проворчал Балх, — но где святилище? Справа и слева, до самого горизонта — один и тот же пустынный пляж!»

«Мы должны довериться провидению Гильфига!» — возразил Субукьюль. Нацарапав указательную стрелку на кусочке дерева, он прикоснулся к нему ленточкой, окропленной святой водой, и провозгласил: «Гильфиг, о Гильфиг! Приведи нас к святилищу! Я подбрасываю указатель — направь нас на правильный путь!» Субукьюль подкинул щепку высоко в воздух. Когда она упала, стрелка указывала на юг. «Надлежит идти на юг! — воскликнул Субукьюль. — На юг, к святилищу!»

Но Балх и многие другие отказались повиноваться: «Разве ты не видишь, что мы умираем от усталости? Гильфиг должен был привести нас ко входу в святилище, а не бросать нас на произвол судьбы!»

«Гильфиг привел нас сюда и показал, куда следует идти дальше! — упорствовал Субукьюль. —

Разве ты не заметил, куда указала стрелка?»

Балх крякнул и язвительно рассмеялся: «Любая подброшенная деревяшка падает на землю — и может указать как на юг, так и на север».

Субукьюль в ужасе отшатнулся: «Ты богохульствуешь!»

«Ничего подобного. Я просто не уверен в том, что Гильфиг прислушался к твоему воззванию — или, может быть, ты поторопился и подбросил щепку прежде, чем Гильфиг принял решение. Подбрось деревяшку сто раз подряд — если она каждый раз укажет на юг, я тут же поспешу в этом направлении».

«Хорошо!» — согласился Субукьюль. Он снова воззвал к Гильфигу и подбросил щепку. Когда она упала, стрелка указывала на север.

Балх промолчал. Субукьюль моргнул и покраснел: «У Гильфига нет времени для пустячных забав. Он дал указание в первый раз и решил, что этого достаточно».

«Ты меня не убедил», — отозвался Балх.

«Меня тоже!»

«И меня!»

Гарстанг умоляюще вознес руки к небу: «Мы проделали долгий путь. Мы делились заботами и радостями, мы дрались вместе и страдали вме-

сте — пусть и теперь не будет раскола в наших рядах!»

Балх и другие только пожали плечами: «Мы не пойдем на юг наугад».

«Куда же вы пойдете? На север? Или обратно в Эрзе-Дамат?»

«В Эрзе-Дамат? Куда там! Нам нечего есть, и у нас осталось только четыре вьючных твари».

«Тогда пойдемте на юг, искать святилище».

Балх снова упрямо пожал плечами, что разгневало Субукьюля: «Так тому и быть! Те, кто пойдут на юг — соберитесь вокруг меня! Те, кто предпочитают оставаться с Балхом — соберитесь вокруг него!»

Гарстанг, Кугель и Казмайр присоединились к Субукьюлю, другие остались с Балхом — одиннадцать человек. Противники Субукьюля собрались в кружок и стали о чем-то шептаться. Четверо сторонников пути, первоначально указанного щепкой, тревожно наблюдали за ними.

Наконец одиннадцать пилигримов закончили совещание и повернулись к четверым оппонентам: «Прощайте!»

«Так куда же вы пойдете?» — спросил их Гарстанг.

«Неважно. Ищите свое святилище, если вам

так приспичило, а мы займемся своими делами». Без лишних слов одиннадцать паломников направились к деревне синих ящеров, где они перерезали глотки каждому из самцов, спилили зубы самкам, одели на них тростниковые юбочки и провозгласили себя повелителями деревни.

Тем временем Гарстанг, Субукьюль, Казмайр и Кугель брели по берегу на юг. Вечером они разбили лагерь и подкрепились моллюсками и крабами. Наутро они обнаружили, что все четыре остававшиеся у них вьючные твари пропали — у них не осталось даже этих помощников.

«Такова воля Гильфига! — прошептал Субукьюль. — Осталось только найти святилище и умереть».

«Мужайтесь! — пробормотал Гарстанг. — Не будем отчаиваться!»

«А что еще ты предлагаешь? Неужели ты все еще надеешься, что мы когда-нибудь вернемся в долину Фольгуса?»

«Кто знает? Но прежде всего следует совершить молебен у святилища».

С этой мыслью они отправились дальше и шли по пляжу весь день, пока под вечер не устали настолько, что почти без чувств повалились

на песок.

Перед ними простиралось море, плоское, как зеркало — настолько ровное, что заходящее Солнце отражалось в нем диском, а не дорожкой. Путникам снова удалось слегка утолить голод моллюсками и крабами, после чего они устроились спать на пляже.

Посреди ночи Кугель проснулся, услышав звуки музыки. Он сел и, глядя в море, увидел, как над водой вырос призрачный город. В небо тянулись изящные тонкие башни, озаренные мерцающими пятнышками белого света, медленно плывущими вверх и вниз, вперед и назад. По бульварам и набережным гуляли беззаботно веселящиеся толпы в бледно светящихся нарядах, раздавались деликатно приглушенные отголоски золотистых труб. Мимо проплыла баржа, окаймленная по бортам шелковыми подушками, под огромным шелковым парусом, голубым, как полевые васильки. Фонари на носу и на корме баржи освещали палубу, заполненную праздную-щей публикой — одни пели, аккомпанируя себе на лютнях, другие потягивали вино из кубков.

Кугелю так захотелось принять участие в их празднестве, что он, с трудом поднявшись на колени, позвал собравшихся на барже. Музыканты

опустили инструменты и обернулись к нему, но к этому времени баржа уже уплывала в даль, влекомая огромным голубым парусом. Вскоре видение города несколько раз мигнуло и пропало: Кугель смотрел в черное ночное небо.

Кугель широко открыл глаза, не видящие ничего, кроме мрака; его дыхание перехватило такой печалью, какой он никогда раньше не ощущал. К своему удивлению он обнаружил, что стоит у самой кромки воды. Рядом стояли Субукъюль, Казмайр и Гарстанг. Все они взглянули друг на друга в темноте, но никто не промолвил ни слова. Все они вернулись на пляж, легли на песок и снова заснули.

На протяжении следующего дня путники мало разговаривали и даже избегали друг друга, как если бы каждый из четверых хотел остаться наедине со своими мыслями. Время от времени то один, то другой неуверенно поглядывал на юг, но, судя по всему, ни у кого не было достаточного желания покинуть место ночлега, и никто не предлагал идти дальше.

Весь день паломники отдыхали в состоянии дремотной прострации. Снова зашло Солнце, снова наступила ночь, но никто из четверых и не подумал спать.

Вскоре над морем опять появился призрачный город; сегодня вечером там справляли какой-то особый праздник. Фейерверки расцветали в небе чудесными сложными соцветиями: ажурными переплетениями хвостов золотистых шутих, красными, зелеными, синими и серебряными звездными взрывами. По бульвару шествовал парад: призрачные девы в радужных платьях, призрачные музыканты в просторных плащах и шароварах, танцующие и кувыркающиеся призрачные арлекины. Несколько часов над водой неслись звуки многолюдного веселья, и Кугель зашел по колено в воду, пожирая глазами празднество, пока оно не затихло, после чего чудесный город померк. Опустив голову, Кугель вернулся на берег вместе со своими спутниками.

На следующий день все четверо уже ослабели от голода и жажды. Кугель сипло пробормотал: «Нужно идти дальше!» Гарстанг кивнул и через силу заставил себя призвать: «К святилищу! К святилищу Гильфига!»

Субукьюль кивнул. Его некогда пухлые щеки стали впалыми, помутневшие глаза будто затянулись пленкой: «Да, — прохрипел он. — Мы отдохнули — пора идти».

Казмайр тоже тупо кивнул: «К святилищу!»

Но никто из них никуда не пошел. Кугель взобрался на низкий береговой откос и уселся ждать наступления ночи. Взглянув направо, он увидел человеческий скелет, покоившийся в позе, сходной с его собственной. Вздрогнув, Кугель повернулся налево — там тоже оказался скелет, хотя он уже рассыпался под воздействием Солнца и ветра; дальше лежал еще один — уже не более чем горстка костей.

Кугель вскочил и, пошатываясь, побежал к другим. «Скорее! — кричал он. — Пока у нас еще остались какие-то силы, идем на юг! Скорее, здесь мы все погибнем — как те, чьи кости лежат вокруг!»

«Да-да! — пробормотал Гарстанг. — К святилищу!» Он заставил себя подняться на ноги. «Идем! — позвал он других. — На юг!»

Субукьюль смог подняться, но Казмайр, попытавшись встать, снова опустился на песок. «Я останусь здесь, — вздохнув, сказал он. — Когда вы найдете святилище и будете молиться Гильфигу, заступитесь за меня. Объясните ему, что чары возобладали над моим изможденным телом».

Гарстанг хотел задержаться и уговаривать Казмайра, но Кугель указал ему на Солнце,

опускавшееся к горизонту: «Если мы дождемся темноты, нам конец! Завтра уже не останется никаких сил».

Субукьюль взял Гарстанга под руку: «Нужно идти, пока не стемнело».

Гарстанг в последний раз обернулся к Казмайру: «Друг мой, товарищ мой! Соберись с силами! Мы вместе шли сюда из долины Фольгуса, спускались на плоту по Скамандеру, пересекли кошмарную пустыню! Неужели нам суждено расстаться прежде, чем мы найдем святилище?»

«Пойдем — к святилищу!» — прохрипел Кугель.

Но Казмайр отвернулся. Кугель и Субукьюль повели Гарстанга под руки по берегу — слезы катились по иссохшим, морщинистым щекам предводителя паломников. Пока они волочили ноги по песку, они все время старались не смотреть на зеркально гладкое море.

Древнее Солнце зашло, развернув в небе веер сумрачной зари. Разбросанные хлопья перистых облаков горели безмятежно-желтым огнем на фоне странного, коричнево-бронзового неба. Скоро появился призрачный город. Никогда еще он не казался столь величественным; шпили его минаретов лучились отражениями заката.

По набережной прогуливались юноши и девушки, украсившие прически цветами — иногда они задерживались, чтобы взглянуть на три фигуры, бредущие по пляжу. Закат померк; город осветился туманно-белыми огнями, по воде понеслись звуки музыки. Еще долго эти звуки сопровождали трех паломников, но становились все тише и наконец смолкли. На западе простиралось только гладкое море, отражавшее последние отсветы, янтарные и глухо-оранжевые.

Примерно в это время путникам повстречался ручей со свежей холодной водой; неподалеку росли ягоды и дикие сливы. Здесь они остановились на ночлег. Утром Кугелю удалось поймать рыбу и собрать на пляже нескольких крабов. Подкрепившись, трое снова пошли на юг, постоянно глядя вперед в поисках святилища; к этому времени Кугель уже почти ожидал, что оно появится — настолько напряженным было ожидание Гарстанга и Субукьюля. На самом деле, однако, по мере того, как день проходил за днем, первым стал отчаиваться Субукьюль — он стал сомневаться в правдивости указаний Гильфига и, по существу, в добродетели Гильфига как такового: «Ради чего мы совершили весь этот тяжкий путь? Разве Гильфиг сомневается в нашем бла-

гочестии? Безусловно, мы подтвердили бы его, совершив обряд очищения у Черного обелиска — зачем было посылать нас так далеко?»

«Пути Гильфига неисповедимы, — отозвался Гарстанг. — У нас за спиной — долгий путь, остается только идти дальше и дальше».

Субукьюль внезапно остановился, глядя назад, на цепочку следов, оставленную ими на песке: «Вот что я предлагаю. Здесь, на этом месте, мы возведем алтарь из камней — это и будет наше святилище. Здесь мы совершим обряды. Выполнив таким образом требование Гильфига, мы вернемся на север, в деревню, где поселились наши спутники. Там, если повезет, мы поймаем сбежавших животных, пополним наши запасы и — опять же, если повезет — вернемся через пустыню в Эрзе-Дамат».

Гарстанг колебался: «Твое предложение отличается несомненными достоинствами. Тем не менее...»

«Лодка!» — закричал Кугель. Он протянул руку к морю, где примерно в километре от берега плыла рыбацкая лодка под квадратным парусом на длинной гибкой рее. Лодка повернула и скрылась за мысом, темневшим не дальше, чем в получасе ходьбы от того места, где оста-

новились паломники. И теперь Кугель заметил на мысу какие-то стены и крыши.

«Превосходно! — заявил Гарстанг. — Вполне может быть, что местные жители — гильфигиты, и что именно в этом селении находится святилище! Пойдем!»

Субукьюль сомневался: «Могла ли благая весть священного писания распространиться так далеко?»

«Необходима осторожность, — согласился с ним Кугель. — Прежде всего нужно произвести разведку». Он повел спутников через заросли тамариска и лиственницы туда, где они могли бы взглянуть на деревню сверху. Обитатели хижин, кое-как сооруженных из черного камня, выглядели довольно-таки свирепо. Их круглые лица, глиняного оттенка, были окружены взъерошенными черными волосами; на их широких мускулистых плечах тоже росла, подобно эполетам, жесткая черная щетина. И у мужчин, и у женщин одинаково торчали изо рта клыки, причем туземцы скорее не разговаривали, а перекликались хриплыми рычащими возгласами. Кугель, Гарстанг и Субукьюль потихоньку отошли подальше, спрятались за деревьями и стали вполголоса советоваться.

Гарстанг наконец упал духом; он не знал, на что надеяться: «Я истощен — не только физически, но и духовно. Может быть, мне суждено здесь умереть».

Субукьюль взглянул на север: «Я рискну пойти обратно через Серебряную пустыню. Вернусь в Эрзе-Дамат и, может быть, даже в долину Фольгуса».

Гарстанг повернулся к Кугелю: «А что сделаешь ты? Ведь святилища очевидно нигде нет!»

Кугель указал на причал, где были пришвартованы несколько лодок: «Надеюсь вернуться в Альмерию по Сонганскому морю. Попробую как-нибудь присвоить лодку и поплыву на запад».

«Тогда позволь с тобой попрощаться, — сказал Субукьюль. — Гарстанг, ты со мной?»

Гарстанг покачал головой: «Слишком далеко. Я не переживу еще один переход через пустыню. Поплыву лучше по морю с Кугелем и принесу благую весть Гильфига народам Альмерии».

«Значит, и с тобой я прощаюсь, Гарстанг», — Субукьюль быстро отвернулся, чтобы скрыть волнение, и поспешил на север.

Кугель и Гарстанг смотрели ему вслед, пока его коренастая фигура не исчезла вдали, после чего

стали разглядывать причал и подходы к нему. Гарстанга обуревали сомнения: «Лодки выглядят достаточно надежными, но „присвоение“, в данном случае, равносильно краже, а Гильфиг однозначно запрещает воровство».

«Не вижу в этом никаких проблем, — заявил Кугель. — Я оставлю на причале несколько золотых монет, возмещающих стоимость лодки».

Гарстанг неохотно согласился с таким решением: «Но где мы возьмем провизию и воду?»

«Заполучив лодку, поплывем вдоль берега, пока не удастся запастись едой и питьем, а потом уже направимся на запад».

Гарстанг не возражал, и они вернулись к изучению лодок, сравнивая одну с другой. В конце концов они выбрали крепко сколоченный ялик шагов десять или двенадцать в длину, довольно широкий, с небольшой кабинкой на корме.

В сумерках они украдкой спустились к причалу. Все было тихо — рыбаки давно вернулись в деревню. Гарстанг спрыгнул в лодку и сообщил, что она в хорошем состоянии. Кугель начал уже отвязывать швартовы, когда с набережной послышался яростный рев, и на причал выбежала дюжина плечистых местных удальцов.

«Мы погибли! — закричал Кугель. — Беги,

прячься! Или спасайся вплавь!»

«И не подумаю, — заявил Гарстанг. — Если мне суждено здесь умереть, я встречу смерть настолько достойно, насколько смогу!» Проповедник взобрался на причал.

Вскоре их окружили селяне всех возрастов, привлеченные необычным шумом. Один из них, местный старейшина, строго спросил: «Что вы здесь делаете, у нас на причале — собрались украсть лодку?»

«Наши побуждения просты, — ответил Кугель. — Нам нужно переплыть море».

«Что? — взревел старейшина. — В лодке нет ни воды, ни провизии, она даже не оснащена как следует. Почему вы к нам не обратились и не объяснили, что́ вам нужно?»

Кугель моргнул и обменялся взглядами с Гарстангом. Пожав плечами, он сказал: «Честно говоря, ваша внешность настолько нас испугала, что мы не посмели к вам обратиться».

Это замечание вызвало в толпе удивленные восклицания и насмешливое хихиканье. Представитель деревни почесал в затылке: «Ничего не понимаю. Не могли бы вы объяснить подробнее, что́ именно вас так напугало?»

«Хорошо! — Кугель вздохнул. — Могу ли я вы-

ражаться откровенно?»

«Разумеется, пожалуйста!»

«Некоторые свойства вашей внешности кажутся нам опасными и варварскими: например, выступающие изо рта клыки, торчащие на голове колючие гривы, рявкающие гортанные звуки вашей речи — не говоря уже о других признаках свирепости».

Селяне рассмеялись, не веря своим ушам. Послышались возгласы: «Чепуха! У нас длинные зубы, потому что мы едим жесткую рыбу. А взъерошенные космы у нас потому, что они защищают башку от насекомых-кровососов. Кроме того, все мы от рождения — тугие на ухо и орем, чтобы слышать друг друга. При этом, в сущности, мы гостеприимные, добродушные люди».

«Вот именно! — подтвердил старейшина. — И для того, чтобы продемонстрировать наше дружелюбие, завтра мы погрузим провизию в самую быстроходную лодку и отправим вас в плавание с наилучшими пожеланиями и напутствиями. А сегодня вечером устроим пир в вашу честь!»

«Воистину, деревня святых! — воскликнул Гарстанг. — Вы, случайно, не поклоняетесь Гильфигу?»

«Нет. Мы почитаем Богарыба — он ничем не хуже любого другого. Но пойдемте, поднимемся в деревню. Пора готовиться к пиршеству».

Они поднялись по ступеням, вырубленным в прибрежном утесе, и вышли на небольшую площадь, освещенную дюжиной пылающих факелов. Старейшина указал на хижину, выглядевшую покрупнее и поприличнее остальных: «Ночуйте здесь. Я найду себе другое место».

Гарстанг снова счел нужным выразить благодарность щедрым рыбакам. Старейшина слегка поклонился в ответ: «Мы стремимся к достижению духовного единства. По сути дела, этот идеал символизируется главным блюдом наших церемониальных трапез». Повернувшись, он хлопнул в ладоши: «Приступим!»

На треножник подвесили громадный котел; принесли деревянную колоду и мясницкий топор, после чего каждый из жителей деревни, проходя мимо колоды, отрубил себе палец и бросил его в котел.

Старейшина пояснил: «Совершая этот простейший обряд — участие в котором, конечно же, ожидается и от вас — мы демонстрируем нашу приверженность общему наследию и нашу взаимозависимость. Пойдемте, встанем в очередь».

Таким образом, Кугелю и Гарстангу не осталось ничего другого, как отрезать себе по мизинцу и бросить обрубки в котел.

Пиршество продолжалось до глубокой ночи. Наутро поклонники Богарыба сдержали свое слово. Гостям предоставили самую пригодную к плаванию по морю лодку и загрузили ее провизией — в том числе тем, что осталось от ночной общинной трапезы.

Селяне собрались на причале. Кугель и Гарстанг еще раз поблагодарили их, после чего Кугель поднял парус, а Гарстанг отдал швартовы. Парус наполнился ветром, и лодка поплыла по Сонганскому морю. Мало-помалу берег слился с туманным горизонтом, и два путешественника остались одни посреди бескрайних вод, отливающих черным металлическим блеском.

Наступил полдень — лодка по-прежнему двигалась в стихийной пустоте: снизу — вода, сверху — воздух, повсюду вокруг — полная тишина. Вечер казался слишком долгим, погружающим в оцепенение, нереальным, как сон; за величественно меланхолическим закатом последовали сумерки оттенка разведенного вина.

Ветер, казалось, посвежел, и всю ночь они плыли на запад. На рассвете ветер затих; Кугель

и Гарстанг спали под вяло хлопающими парусами.

Этот цикл повторялся на протяжении восьми суток. Утром девятого дня впереди показалась низкая береговая полоса. После полудня лодка, преодолев апатичный прибой, уткнулась носом в белый песок широкого пляжа. «Значит, это и есть Альмерия?» — спросил Гарстанг.

«Судя по всему, это и есть Альмерия, — ответил Кугель, — хотя я не уверен, в какой ее части мы оказались — в северной, западной или южной. Если лес вдали — тот, что покрывает бóльшую часть Восточной Альмерии, лучше обойти его стороной, у него зловещая репутация».

Гарстанг указал на строения, темневшие поодаль на берегу: «Смотри! Опять поселок. Если они настроены так же, как заморские рыбаки, нам помогут найти дорогу. Пойдем, посоветуемся с ними».

Кугель не торопился: «Предварительная разведка и в этом случае не помешает».

«Зачем что-то разведывать? — отмахнулся Гарстанг. — В прошлый раз мы просчитались и попали в смешное положение». Он направился по пляжу в поселок; Кугель последовал за ним. Приближаясь к селению, они видели,

как по центральной площади прогуливались изящно одетые люди с золотистыми волосами, говорившие друг с другом приятными певучими голосами.

Гарстанг радостно поспешил к ним, ожидая приема еще более щедрого, чем на другом берегу моря, но местные жители тут же окружили путников и набросили на них сети. «Что вы делаете? — возмущался Гарстанг. — Мы — чужеземцы, мы не сделали вам ничего плохого!»

«Вот именно, чужеземцы! — откликнулся самый высокий из златокудрых туземцев. Мы поклоняемся неумолимому Падлобогу. Все иностранцы — по определению еретики, их надлежит отдавать на съедение священным обезьянам». Кугеля и Гарстанга потащили в сетях по острым камням прибрежной полосы; по обеим сторонам процессии радостно плясали красивые дети.

Кугель сумел вынуть их сумки тюбик, унаследованный от Войнода, и облил селян синим концентратом. Ошарашенные, те повалились на землю, протирая глаза; тем временем Кугель выпутался из сети. Выхватив шпагу, он бросился к Гарстангу, чтобы разре́зать его путы, но селяне уже пришли в себя и накинулись на него. Кугель

опять воспользовался магическим тюбиком, и снова поклонники Падлобога отступили с отчаянными воплями.

«Беги, Кугель! — говорил Гарстанг. — Я стар, во мне не осталось никаких сил. Беги, спасайся! Желаю тебе найти безопасное убежище и счастливо прожить многие годы!»

«Инстинкт подсказывает мне последовать твоему совету, — отозвался Кугель. — Но эти мерзавцы-красавцы возбудили во мне безрассудную ненависть. Так что выбирайся из сетей, убежим вместе». Он снова облил приближавшихся туземцев синим концентратом; тем временем Гарстанг выпутался, и они побежали прочь по пляжу.

Жители поселка погнались за ними с гарпунами в руках. Первый же брошенный гарпун угодил Гарстангу в спину и проткнул его насквозь. Гарстанг упал и умер, не издав ни звука. Развернувшись, Кугель направил на врагов магический тюбик, но его заряд истощился — тюбик испустил только несколько капель и шипение воздуха. Селяне снова замахнулись гарпунами. Кугель выругался и быстро пригнулся: гарпуны пролетели мимо и вонзились в песок.

Погрозив убийцам кулаком, Кугель пустился наутек и скрылся в лесу.

Пещера в лесу

Кугель крадучись пробирался по лесу шаг за шагом, часто останавливаясь и замирая, когда ему казалось, что он услышал треск сучка, тихую поступь или даже чей-то выдох. Несмотря на то, что такая бдительность существенно замедляла передвижение, она носила в высшей степени практический, а не теоретический характер: не он один бродил по лесу, причем пристрастия и побуждения его обитателей никак не входили в расчеты Кугеля. Несколько ужасных часов Кугелю пришлось спасаться в сумрачных дебрях от пары деодандов — в конце концов ему удалось оставить их позади; в другом случае он успел остановиться в последний момент на самом краю поляны, где задумчиво стоял левкоморф. После этого скрытность и пугливость Кугеля возросли до предела: переходя от дерева к дереву, он прятался за стволами, выглядывая из-за них и прислушиваясь, а открытые пространства пересекал как можно быстрее экстравагантными бесшумными прыжками на цыпочках — так, как если бы каждое прикосновение к земле причиняло его ступням мучительную боль.

Ближе к вечеру Кугель вышел на небольшую, поросшую влажным мхом прогалину, окруженную высокими и зловещими черными мандуарами, напоминавшими монахов остроконечными кронами-капюшонами. Косые красные лучи Солнца, местами проникавшие сквозь лесную чащу, высветили одинокое айвовое деревце, на ветке которого висела полоска пергамента. Немедленно отступив в тень, Кугель долго и внимательно разглядывал прогалину, после чего сделал несколько шагов вперед и взял пергамент. Полоска содержала следующую надпись, сделанную корявыми, почти неразборчивыми буквами:

«Щедрое предложение мудреца Зараидеса! Тот, кто найдет это сообщение, может потребовать и бесплатно получить прозорливую консультацию продолжительностью не более одного часа. В склоне бугра неподалеку — вход в пещеру; мудрец ожидает внутри».

Кугель разглядывал пергамент в замешательстве. Немедленно возникал вопрос: почему бы Зараидес пожелал безвозмездно делиться мудростью с первым встречным? Все, что предлагается якобы бесплатно, редко бывает таковым; в той или иной форме, рано или поздно, неизменно торжествует закон эквивалентности. Если За-

раидес предлагал консультации — не допуская, что тот целиком и полностью руководствовался альтруистическими мотивами — значит, мудрец ожидал какого-то возмещения: как минимум, дополнительного удовлетворения его самолюбия, оповещения о каких-либо давних или далеких событиях, согласия вежливо выслушать многословную поэтическую декламацию или какой-либо иной подобной услуги. Кугель перечитал объявление, и его скептицизм нисколько не поубавился. Он тут же выбросил бы эту полоску пергамента, если бы не испытывал неотложную и настоятельную потребность в информации — а именно в разъяснении кратчайшего безопасного пути к усадьбе Юкоуну, не говоря уже о рекомендациях, которые позволили бы ему возобладать над Смешливым Волшебником.

Кугель посмотрел по сторонам в поисках «бугра», упомянутого в записке Зараидеса. В дальнем конце прогалины, по-видимому, начиналось какое-то возвышение — подняв глаза, Кугель заметил на фоне неба сучковатые ветви и клочья листвы. Возникало впечатление, что дальше, ближе к вершине холма, росли несколько даобадов.

С предельной осторожностью Кугель прокрался

в этом направлении по краю прогалины и через некоторое время остановился перед неожиданно крутым обнажением серой скальной породы, увенчанным деревьями и обросшим вьющейся лозой — несомненно, это и был так называемый «бугор».

Кугель не двигался с места, поглаживая подбородок и слегка оскалив зубы в гримасе напряженной неуверенности. Он прислушался: царила глубокая, мертвая тишина. Продолжая держаться в тени, он стал обходить бугор и вскоре заметил вход в пещеру — арочный проход в скале, чуть выше человеческого роста и не шире размаха человеческих рук. Над проходом висела табличка с надписью, сделанной, опять же, корявыми неразборчивыми буквами:

«ВХОДИТЕ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Кугель взглянул направо и налево. В лесу ничто не шелохнулось. Осторожно сделав несколько шагов, он заглянул в пещеру, но не увидел ничего, кроме темноты.

Кугель отступил. Несмотря на благожелательный характер надписи на вывеске, он не ощущал ни малейшего желания заходить в темноту и, усевшись на корточки, продолжал напряженно

разглядывать вход в пещеру.

Прошло минут пятнадцать. Кугель слегка изменил позу, чтобы расправить затекшие мышцы, и теперь заметил приближение человека — не менее осторожное, чем недавнее передвижение по лесу самого Кугеля. Новоприбывший, персонаж среднего роста, носил грубую крестьянскую одежду: серые штаны, куртку ржаво-коричневого оттенка и коричневую кепку с торчащим вперед козырьком. У него было круглое, грубоватое лицо — мясистый нос пуговкой, маленькие, широко расставленные глаза и квадратный подбородок, обросший темноватой щетиной. Он сжимал в руке полоску пергамента, подобную той, которую нашел Кугель.

Кугель выпрямился во весь рост. Новоприбывший остановился, после чего подошел ближе: «Вы — Зараидес? Если так, позвольте представиться: меня зовут Фабельн, я — собиратель трав. Я хотел бы найти обильную поросль дикого лука. Кроме того, моя дочь постоянно находится в состоянии мечтательной апатии и больше не желает носить корзины, в связи с чем…»

Кугель поднял ладонь: «Вы ошиблись — Зараидес не выходит из пещеры».

Фабельн опасливо прищурился: «В таком слу-

чае, кто вы такой?»

«Меня зовут Кугель. Я стремлюсь к просвещению».

Фабельн понимающе кивнул: «Вы уже консультировались с Зараидесом? Он знает, о чем говорит? Ему можно доверять? И он действительно не взимает плату за прорицания?»

«Именно так! — подтвердил Кугель. — Зараидес очевидно всеведущ и дает советы потому, что ему доставляет удовольствие передавать сведения другим. Он избавил меня от всех затруднений».

Фабельн с подозрением прищурился: «Почему же, в таком случае, вы сидите и ждете у входа?»

«Потому что я тоже — собиратель трав, и теперь я формулирую новые вопросы. В частности, меня интересует находящаяся неподалеку поляна, где обильно произрастает дикий лук».

«В самом деле! — воскликнул Фабельн, возбужденно прищелкнув пальцами. — Что ж, тщательно формулируйте ваши вопросы, а пока вы подыскиваете нужные слова, я загляну внутрь и расспрошу мудреца о том, какими методами лучше всего было бы стимулировать трудолюбие моей дочери».

«Как вам угодно! — отозвался Кугель. — Тем

не менее, если вы можете подождать, я успею найти правильную постановку вопроса, это не займет слишком много времени».

Фабельн благодушно махнул рукой: «За это время я успею зайти в пещеру и выйти — мне свойственна способность выражаться кратко, откровенно и по существу».

Кугель поклонился: «В таком случае, прошу вас, проходите».

«Я вас не слишком задержу!» — пообещал Фабельн, вступая в темный проход. «Зараидес? — позвал он. — Где мудрец Зараидес? Меня зовут Фабельн, я хотел бы задать несколько вопросов. Зараидес? Будьте добры, покажитесь!» Голос собирателя трав звучал уже приглушенно. Напряженно прислушиваясь, Кугель различил, что где-то внутри пещеры открылась и закрылась дверь, после чего наступила тишина. Задумчиво нахмурившись, Кугель приготовился ждать.

Тянулись минуты… прошел целый час. Перемещаясь по небу, красное Солнце зашло за бугор. Кугель начинал тревожиться. Что случилось с Фабельном? Кугель насторожился: снова послышались звуки открывающейся и закрывающейся двери. Действительно, в проходе показался Фабельн — все было в порядке!

Фабельн выглянул из пещеры: «Где тут Кугель, собиратель трав?» Фабельн говорил настойчиво, почти грубо: «Зараидес не желает обсуждать за ужином места произрастания дикого лука, кроме как в самых общих чертах, пока вы не присоединитесь к трапезе».

«О какой трапезе вы говорите? — с любопытством спросил Кугель. — Мудрец настолько щедр, что приглашает нас на ужин?»

«Разумеется! Разве вы не заметили зал, увешанный коврами, бокалы из резной кости, серебряную супницу? — слова Фабельна отличались какой-то язвительной подчеркнутостью, озадачившей Кугеля. — Пойдемте же, я тороплюсь, мне некогда. Если вы недавно пообедали и не голодны, я так и скажу Зараидесу».

«Нет-нет, зачем же? — с достоинством ответил Кугель. — У меня и в мыслях не было нанести Зараидесу оскорбление своим отказом! Идите вперед, я за вами».

«Хорошо, следуйте за мной!» Фабельн повернулся, и Кугель прошел за ним в пещеру, где его ноздри сразу уловили тошнотворный запах. Кугель остановился: «Здесь воняет — что не вызывает никакого аппетита».

«Я это тоже заметил поначалу — но пройдите

внутрь, за дверью больше не пахнет».

«Надеюсь! — раздраженно заметил Кугель. — В такой атмосфере ужинать было бы невозможно. Где же тут…»

Он не успел закончить вопрос — на него накинулась свора маленьких проворных тел, скользких и холодных — от них исходил тот самый запах, который вызывал у Кугеля тошноту. Щебеча пискливыми голосами, они тут же отстегнули и унесли его шпагу и поясную сумку. Дверь открылась — Кугеля затолкнули в какую-то нору, где он мог стоять, только согнувшись. В свете мигающей желтой лампады он сумел разглядеть похитителей: бледных существ, едва доходивших ему до пояса, с заостренными мордами и торчащими на головах ушами. Они сутуло сновали туда-сюда маленькими шажками, слегка наклонившись вперед, их ноги были сочленены «коленками назад», а ступни, обутые в сандалии, выглядели очень мягкими и гибкими.

Кугель дико озирался. Рядом сидел на корточках Фабельн, смотревший на Кугеля с ненавистью и злорадным удовлетворением. Только теперь Кугель заметил на Фабельне металлический ошейник, соединенный с длинной металлической цепью. В дальнем конце норы

сгорбился старик с длинными седыми волосами, тоже в ошейнике с цепью. Пока Кугель пытался сообразить, что́ происходит, крысоподобные твари защелкнули у него на шее металлический хомут. «Эй, подождите-ка! — испуганно вскрикнул Кугель. — Что это значит? Как вы смеете со мной так обращаться?»

Обитатели пещеры столкнули его на землю и убежали. При этом Кугель увидел длинные чешуйчатые хвосты, волочившиеся за их остроконечными задами, нелепо выпиравшими из прорезей в черных комбинезонах.

Дверь захлопнулась — три человека остались одни в подземелье.

Кугель гневно повернулся к Фабельну: «Ты меня обманул! Заманил в западню! Это преступление! Тебе это даром не пройдет!»

Фабельн горько рассмеялся: «Ты меня обманул первый — и это не меньшее преступление! Меня схватили из-за твоей подлой уловки — само собой, я постарался сделать так, чтобы ты тоже попался».

«Бесчеловечное предательство! — бушевал Кугель. — Подожди, ты у меня получишь по заслугам!»

«Чепуха! — отмахнулся Фабельн. — Не надо-

едай своим нытьем. Так или иначе, я тебя заманил не только потому, что хотел отомстить».

«Не только? У тебя были какие-то другие мерзкие побуждения?»

«Все очень просто. Эти крысиные отродья — лукавый народец. Они обещают отпустить того, кто заманит в пещеру двух других. Ты — первый у меня на счету. Мне осталось заманить еще одного, и я пойду домой. Разве не так, Зараидес?»

«Только на первый взгляд, — возразил старец. — Ты не можешь полностью приписывать себе заслугу привлечения этого человека в пещеру. По всей справедливости и тебя, и его следует занести на мой счет. Разве не мои объявления привели сюда вас обоих?»

«Ко входу в пещеру, но не внутрь! — заявил Фабельн. — И здесь следует провести четкую границу! Причем хвостатые ублюдки ее проводят — ведь тебя же не выпустили?»

«В таком случае, — вмешался Кугель, — тебя, Фабельн, надлежит засчитать в мою пользу, так как я побудил тебя зайти в пещеру и проверить, что тут делается».

Фабельн пожал плечами: «Тебе придется обсудить этот вопрос с хвостатыми вонючками». Нахмурившись, собиратель трав моргнул малень-

кими глазками: «Почему бы мне не засчитать себя самого в свою пользу? Это было бы вполне логично».

«Не получится! — пропищал противный голос из-за решетки, вставленной в смотровую прорезь двери. — Мы учитываем только тех, кто попадается благодаря стараниям уже задержанных пленников. Таким образом, захват Фабельна не считается чьей-либо заслугой, но захват Кугеля засчитывается в пользу Фабельна. А на счету Зараидеса никого нет».

Кугель нащупал ошейник: «Что́, если мне не удастся заманить двух других? Что тогда?»

«Мы даем тебе месяц, не больше. Если за месяц ты не заманишь двух других, тебя сожрут».

Фабельн произнес деловитым, расчетливым тоном: «Насколько я понимаю, можно считать, что я уже на свободе. Неподалеку меня ожидает дочь. Ей, видите ли, неохота собирать дикий лук — в связи с чем ей больше не место у меня в доме. Будет только справедливо, если меня выпустят благодаря ее самопожертвованию». Фабельн напыжился и удовлетворенно кивнул.

«Было бы любопытно узнать, каким образом ты намерен добиться такого результата, — поинтересовался Кугель. — Где найти твою дочь, и как

ее сюда вызвать?»

Лицо Фабельна исказилось лукавой, злобной гримасой: «Ничего не скажу! Хочешь набрать два очка — сам придумывай, как это сделать!»

Зараидес указал на доску с разбросанными по ней полосками пергамента: «Я привязываю самые убедительные объявления к семенам-крылаткам, а их выпускают на ветер в лесу. Для меня это практически бесполезно, потому что интересующиеся моими консультациями приближаются ко входу в пещеру, но опасаются заглянуть внутрь. Боюсь, мне осталось жить только три дня. О, если бы со мной были мои либрамы, мои справочники, мои записи! Каких только заклинаний там нет! Я бы не оставил камня на камне от всего этого холма! Я испепелил бы каждую двуногую крысу зеленым пламенем! А Фабельна, за его подлые расчеты, я наказал бы… хммм… Фазовращателем? Неутолимой чесоткой Лугвайлера?»

«Пригодилось бы заклинание безысходной инкапсуляции», — посоветовал Кугель.

Зараидес кивнул: «Во многих отношениях удачная идея… Но все это несбыточные мечты. У меня отняли все книги и спрятали их в каком-то тайнике».

Фабельн хрюкнул и отвернулся. Из-за решетки послышались пискливые наставления: «Сожаления и оправдания не помогут вам завлечь других и выйти на волю. Берите пример с Фабельна! Он может похвалиться одной добычей и планирует завтра же заманить вторую! Нам нужны такие люди! Они — наше самое доходное приобретение».

«Я его заманил! — заявил Кугель. — У вас нет ни стыда, ни совести! Я послал его в пещеру, его следует занести на мой счет».

Зараидес тут же начал яростно протестовать: «Ничего подобного! Кугель искажает факты! По всей справедливости и Кугеля, и Фабельна следует считать захваченными благодаря мне!»

«Счет не изменится и обжалованию не подлежит!» — пискнул голос за решеткой.

Зараидес всплеснул руками и с лихорадочным прилежанием вернулся к изготовлению объявлений на пергаменте. Фабельн сгорбился, сидя на табурете, и молчаливо о чем-то размышлял. Кугель подкрался к нему сзади и пинком вышиб из-под него табурет — Фабельн растянулся на земле. Вскочив, Собиратель трав бросился на Кугеля, но тот швырнул в него табуретом.

«Прекратите драку! — приказал пискливый

голос. — Или вас накажут!»

«Кугель выбил из-под меня табурет, и я упал! — пожаловался Фабельн. — Почему его не накажут?»

«Я случайно задел табурет, проходя мимо, — заявил Кугель. — Если Фабельн так раздражается по пустякам, его следует посадить в одиночную камеру как минимум на две — лучше даже на три недели».

Задыхаясь от возмущения, Фабельн хотел было разразиться дальнейшими протестами, но крысиный голосок приказал всем молчать и больше не шуметь.

Через некоторое время принесли корм: дурно пахнущую кашу из неочищенного зерна. После еды узников заставили пролезть в еще более тесную нору, находившуюся ниже первой. Там их пристегнули цепями к крюкам в стене. Кугель забылся беспокойным сном, но его разбудил пискливый голос, говоривший Фабельну из-за двери: «Твое сообщение доставлено — она внимательно его прочла».

«Прекрасно! — откликнулся Фабельн. — Завтра я выйду на свободу!»

«Помолчи! — простонал из темноты Зараидес. — День-деньской я только и делаю, что

строчу объявления, которые приносят пользу всем, кроме меня, и даже по ночам ты не даешь мне покоя своей мерзкой похвальбой!»

«Ха-ха! — злорадствовал Фабельн. — Тоже мне чародей, называется! Мог бы и сам себе помочь!»

«Увы! — вздохнул Зараидес. — Если б я не потерял либрамы, ты у меня запел бы по-другому!»

«Где их спрятали, ваши книги?» — осторожно поинтересовался Кугель.

«Об этом спрашивай вонючих мюридов, они застали меня врасплох…»

Фабельн приподнял голову, чтобы пожаловаться: «Вы всю ночь собираетесь обмениваться воспоминаниями? Я спать хочу».

Разъяренный Зараидес принялся бранить Фабельна с таким бешенством, что мюриды забежали в нору и вытащили из нее чародея, оставив Кугеля и Фабельна вдвоем.

Утром Фабельн торопливо поглотил свою порцию каши. «Теперь снимите с меня ошейник, — обратился он к решетке на двери, — чтобы я мог привести сюда вторую добычу. Кугель — первый на моем счету, моя дочь будет второй!»

«Только послушайте его! — пробурчал Кугель. — Какая низость!»

Не обращая внимания на протесты Фабельна,

мюриды затянули его ошейник потуже, прицепили к ошейнику цепь и вытащили собирателя трав из норы на четвереньках, оставив Кугеля в одиночестве.

Кугель пытался выпрямиться в сидячем положении, но сырая земля давила ему на шею, и он снова сгорбился, опустив локти на колени. «Чертовы захребетники! Каким-то образом нужно от них избавиться! Я не Фабельн, у меня нет ни родственников, ни знакомых, которых можно было бы сюда заманить, а пергаментные объявления Зараидеса явно ему ничем не помогают… Тем не менее, вполне может быть, что кто-нибудь еще сюда забредет — так же, как Фабельн и я…» Повернувшись к решетке, за которой сидел остроухий надзиратель, он сказал: «Для того, чтобы заманить сюда еще двух человек, я хотел бы сидеть снаружи, у входа в пещеру».

«Это возможно, — ответил надзиратель. — При этом, конечно, ты должен находиться под постоянным контролем».

«Ваше желание меня удержать вполне понятно, — согласился Кугель. — Тем не менее, я хотел бы, чтобы с меня сняли ошейник с цепью. Настолько очевидные признаки порабощения отпугнут от пещеры даже самых доверчивых».

«В том, что ты говоришь, есть определенный смысл, — признал надзиратель. — Но что, в таком случае, удержит тебя от побега?»

Кугель принужденно рассмеялся: «Разве я похож на человека, способного не оправдать доверие? Кроме того, зачем бы я попытался бежать, если мне не составит труда завлечь сюда двух человек?»

«Мы внесем некоторые изменения». Уже через несколько секунд нора заполнилась скользкими хвостатыми телами. Ошейник с Кугеля сняли, но, схватив его за правую ногу, мюриды проткнули его лодыжку серебряным штырем, к которому, пока Кугель кричал от боли, прикрепили цепь.

«Теперь цепь не так заметна, — заявил один из тюремщиков. — Ты можешь стоять перед входом в пещеру и завлекать в нее прохожих в меру своих способностей».

Все еще постанывая от боли, Кугель выполз из норы и, прихрамывая, направился к выходу из пещеры. Фабельн, в ошейнике с цепью, сидел в пещере и ждал прибытия дочери.

«Куда ты направился?» — с подозрением спросил он Кугеля.

«Буду прогуливаться рядом, зазывать прохожих».

Фабельн угрюмо хмыкнул, вглядываясь в лесную чащу.

Кугель встал перед входом в пещеру. Глядя по сторонам, он позвал певучим голосом: «Есть тут кто-нибудь? Отзовитесь!»

Не получив ответа, Кугель стал расхаживать туда-сюда, волоча за собой дребезжащую цепь.

Среди древесных стволов возникло какое-то движение, мелькнула желтая и зеленая одежда — появилась дочь Фабельна, с корзиной и топором. Увидев Кугеля, она остановилась, после чего недоверчиво приблизилась: «Мне нужно видеть отца, он просил ему кое-что принести».

«Я это возьму», — сказал Кугель, протянув руку к топору, но бдительные обитатели «бугра» тут же втянули его обратно в пещеру. «Пусть она положит топор на камень, подальше от входа, — прошипел на ухо Кугелю крысиный голосок. — Выйди и скажи ей об этом».

Хромая, Кугель снова вышел навстречу девушке. Та смотрела на него в замешательстве: «Почему вы отпрыгнули назад, будто чего-то испугались?»

«Я все объясню, — сказал Кугель. — Здесь происходят странные вещи, но прежде всего ты должна положить корзину и топор на камень — вот туда,

а Фабельн вскоре подойдет».

Из пещеры послышались приглушенные возмущенные крики, но они тут же замолкли.

«Что это было?» — насторожилась девушка.

«Положи топор там, куда я показал, и я все объясню».

Озадаченная девушка отнесла топор и корзину в указанное место, после чего вернулась: «И где же мой отец?»

«Фабельн умер, — сказал Кугель. — Его тело одержимо бесовским духом — предупреждаю тебя, не внимай просьбам говорящего мертвеца!»

Услышав эти слова, Фабельн громко застонал и закричал из пещеры: «Он лжет! Он лжет! Я здесь, заходи сюда!»

Кугель поднял руку, удерживая девушку: «Ни в коем случае! Будь осторожна!»

В полном замешательстве, девушка испуганно поглядывала на вход в пещеру, где теперь появился Фабельн, настойчиво призывавший ее жестами. «Сюда, сюда! — кричал Фабельн. — Заходи!»

Девушка отрицательно покачала головой, и Фабельн в ярости попытался оторваться от цепи. Мюриды поспешно втянули его обратно в темноту, где Фабельн продолжал сопротивляться

настолько отчаянно, что крысоподобным тварям пришлось его прикончить — они утащили тело собирателя трав в подземелье.

Кугель внимательно прислушивался к происходящему, после чего вернулся к девушке и кивнул: «Теперь все в порядке. Фабельн оставил на моем попечении кое-какие ценности. Если ты зайдешь со мной в пещеру, я смогу тебе их отдать».

Ничего не понимая, девушка снова отказалась: «У отца не было никаких ценностей!»

«Будь так любезна, взгляни на них сама», — Кугель пригласил ее в пещеру учтивым жестом. Девушка приблизилась ко входу и заглянула в темноту. Крысоподобные существа тотчас же схватили ее и повлекли в свою нору.

«Первая добыча на моем счету! — напомнил Кугель, наклонившись ко входу в пещеру, но не заходя внутрь. — Не забудьте!»

«Все учтено! — откликнулся пискливый голос. — Еще одна удача — и ты свободен!»

На протяжении всего оставшегося дня Кугель бродил взад и вперед перед входом в пещеру, озираясь по сторонам и вглядываясь в лесную чащу, но никого не заметил. Когда снаружи стали сгущаться сумерки, его втянули обратно под

землю и заперли в тесной нижней норе — там, где он провел предыдущую ночь. Теперь здесь же сидела дочь Фабельна — голая, покрытая кровоподтеками, она неотрывно смотрела на Кугеля полными безумного ужаса глазами. Кугель попытался было завязать с ней разговор, но девушка, судя по всему, лишилась дара речи.

Поздно вечером им принесли кашу. Кугель ел, исподтишка поглядывая на девушку. Ее никак нельзя было назвать непривлекательной, хотя подземные хищники исцарапали и запачкали ее. Кугель подполз к ней поближе, но в воздухе стояла такая крысиная вонь, что у него отпала всякая охота приставать к дочери Фабельна, и он оставил ее в покое.

Ночью в норе послышались какие-то осторожные звуки: где-то что-то скреблось, поскрипывало, царапалось. Сонно протирая глаза, Кугель приподнялся на локте и увидел, как потихоньку приподнялась часть пола норы — из прорехи просочился озаривший девушку дымчатый желтоватый свет. Кугель закричал; в нору ворвались вооруженные трезубцами мюриды, но они опоздали — девушку украли.

Крысоподобные существа разозлились не на шутку. Приподняв камень, служивший

навершием подкопа, они обрушивали потоки проклятий на давно скрывшихся похитителей. Несколько мюридов нырнули в подкоп, откуда послышалась дальнейшая пискливая брань. Одно из остроухих существ повернулось к Кугелю и пояснило: «Там — ниже — живет другое племя. Они нас надувают и обкрадывают при каждом удобном случае. В один прекрасный день мы отомстим, наше терпение не бесконечно! Сегодня тебе придется спать в другом месте, а то они еще и тебя умыкнут». Мюрид отсоединил цепь Кугеля от крюка в стене, но отвлекся — его позвали на помощь соплеменники, заделывавшие отверстие в полу.

Тем временем Кугель потихоньку перемещался к выходу и, улучив момент, когда никто из тюремщиков не смотрел в его сторону, выскользнул в наружный проход. Подтягивая за собой цепь, он полз на четвереньках в том направлении, которое, по его мнению, должно было привести его на поверхность, но туннель раздвоился, и теперь Кугель не был уверен в правильном выборе пути. Подземный проход повернул вниз и становился очень узким — плечи Кугеля едва в нем помещались. Вскоре уменьшилась и высота крысиного лаза — земляной свод давил на Кугеля сверху,

и ему пришлось протискиваться ползком, рывками подтягиваясь на локтях.

Его отсутствие обнаружили; сзади раздавался яростный писк хвостатых людоедов, рыскавших по подземному лабиринту.

Узкий проход круто повернул направо и вниз — сколько Кугель ни старался, он не мог согнуться под таким углом, лежа плашмя и стиснутый со всех сторон. Извиваясь и дергаясь, он сумел немного повернуться, после чего вообще лишился всякой возможности двигаться. Глубоко выдохнув и выпучив глаза, Кугель стал лихорадочно барахтаться из стороны в сторону, вниз и вверх, постепенно смещаясь вперед мелкими толчками, пока, наконец, не проник в более просторный коридор. Здесь, в углублении стены, лежал светящийся шар — Кугель взял его с собой.

Мюриды приближались, выкрикивая угрозы и приказы. Кугель бросился в боковой ход, ведущий в какое-то хранилище. Там он сразу заметил свою шпагу и свою поясную сумку.

Вооруженные трезубцами мюриды ворвались в кладовую. Размахивая шпагой, Кугель рубил и колол их, заставив щебечущую орду отступить в коридор. Там хвостатые людоеды принялись бегать туда-сюда, осыпая Кугеля пискливыми

угрозами. Время от времени то один, то другой заглядывал в хранилище, оскалив зубы и выставив перед собой трезубец, но после того, как Кугель прикончил пару таких наглецов, тюремщики собрались где-то поодаль, чтобы обсудить ситуацию.

Кугель воспользовался передышкой, чтобы загородить вход в кладовую несколькими тяжелыми сундуками. Теперь у него наконец было какое-то время, чтобы подумать.

Крысоподобные существа гурьбой навалились на баррикаду, пинаясь и толкаясь плечами. Просунув шпагу в щель между сундуками, Кугель сделал выпад — снаружи послышался отчаянный вопль.

Один из остроухих обитателей подземелья примирительно произнес: «Выходи, Кугель! Мы, по существу, добропорядочный народ и не желаем тебе зла. На твоем счету уже одна добыча — не сомневаюсь, что ты скоро заманишь вторую, и мы тебя отпустим. Зачем причинять неудобства и нам, и себе? Каждому из нас трудно добывать себе пропитание, и нет никаких причин, по которым наши взаимоотношения не могли бы носить характер товарищеского сотрудничества. Поэтому выходи — и мы добавим мясо к твоей

утренней каше!»

«В данный момент, — вежливо ответил Кугель, — мне трудно принимать какие-либо решения, я слишком устал и плохо соображаю. Кажется, вы обещали отпустить меня, не предъявляя никаких дальнейших требований и не пытаясь снова затащить меня под землю — или я ослышался?»

Хвостатые твари втихомолку посовещались в коридоре, после чего их представитель ответил: «Нечто в этом роде действительно предлагается. Мы отпускаем тебя на волю: можешь идти, куда хочешь. Отодвинь сундуки, брось шпагу на пол и выходи!»

«Какие гарантии вы можете предоставить?» — спросил Кугель, напряженно прислушиваясь к происходящему за баррикадой.

После очередной переклички щебечущих голосков донесся ответ: «В гарантиях нет необходимости. Мы отступим. Выходи и поднимайся по коридору на поверхность — ты свободен».

Кугель промолчал. Приподняв светящийся шар, он повернулся, чтобы осмотреть кладовую, содержавшую огромное количество всевозможных предметов и одежды, инструментов и оружия. В одном из сундуков, придвинутых ко входу

в хранилище, он заметил несколько переплетенных в кожу либрамов. На обложке верхнего была выдавлена надпись:

«Осторожно! Дневники и рабочие записи

ЧАРОДЕЯ ЗАРАИДЕСА»

Крысоподобные людоеды принялись ласково упрашивать: «Кугель, дражайший Кугель! Почему ты не выходишь?»

«Я отдыхаю, мне нужно набраться сил», — отозвался Кугель. Вынув либрам из сундука и перелистывая страницы, он нашел алфавитный указатель.

«Выходи, Кугель! — послышалась строгая команда. — Не воображай, что ты заперся в безопасности! У нас есть горшок с зельем, испускающим тошнотворный дым, и мы выльем это зелье в кладовую. Выходи, или тебе не поздоровится!»

«Потерпите немного! — откликнулся Кугель. — Дайте собраться с мыслями!»

«Пока ты собираешься с мыслями, мы приготовим еще один горшок, с кислотой, чтобы засунуть в нее твою упрямую голову!»

«Да-да, продолжайте», — рассеянно пробормотал Кугель, погруженный в чтение записей

чародея. Послышался шорох — мюриды просунули между сундуками какую-то трубку. Кугель схватил трубку и согнул так, чтобы ее конец был направлен в коридор между двумя другими сундуками.

«Так что же, Кугель? — последовал угрожающий пискливый вопрос. — Ты выйдешь, наконец? Или мы запустим в кладовую струю ядовитого газа?»

«Нет у вас никакого газа! — заявил Кугель. — И никуда я не выйду!»

Трубка задрожала и зашипела; из коридора послышались хриплые вопли. Шипение прекратилось.

Не находя ничего полезного в дневнике чародея, Кугель вынул другой том. Его заголовок гласил:

«Осторожно! Сборник заклинаний
ЧАРОДЕЯ ЗАРАИДЕСА»

Кугель раскрыл этот либрам и стал читать. Обнаружив подходящее заклинание, он поднес светящийся шар ближе к тексту, чтобы не перепутать последовательность слогов, приводивших в действие магические силы. Заклинание занимало четыре строки и состояло из тридцати

одного слога. Кугель заставил себя запомнить эту формулу так, чтобы она легла на дно его памяти, как камень.

Какой-то звук у него за спиной? Из другого, потайного хода в кладовую пробирался отряд крысоподобных тварей. Пригнувшись к земле, прижимая уши и нервно шевеля усами зубастых белесых морд, они гуськом подкрадывались к Кугелю, выставив перед собой трезубцы.

Заставив их слегка отступить угрожающим взмахом шпаги, Кугель громко произнес древнее заклятие, известное под наименованием «Шиворот-навыворот». Мюриды оцепенели от ужаса. С оглушительным ревом и скрежетом проходы и норы подземного лабиринта стали выворачиваться наизнанку, разбрасывая веером по лесу все их содержимое. Мюриды с визгом носились вокруг, и вместе с ними суетились еще какие-то белесые твари, которых Кугель не мог толком разглядеть в бледном зареве звезд — давно уже наступила ночь. Крысоподобные мюриды и их белесые неприятели схватились, катаясь по земле клубками, и злобно рвали друг друга на части — вся лесная чаща наполнилась хриплым визгом, щелканьем зубов, отчаянными воплями боли и неразборчивым скандальным щебетом сотен

голосов.

Кугель потихоньку отошел подальше и переждал ночь в зарослях черники.

Как только рассвело, он осторожно вернулся к «бугру», надеясь найти и взять с собой сборник заклинаний Зараидеса и его рабочие дневники. Всюду были разбросаны груды отбросов и обломков, а между ними — сотни маленьких трупов подземных людоедов, но заветных либрамов Кугель не обнаружил. С сожалением отвернувшись от холма, Кугель побрел туда, откуда пришел собиратель трав, и вскоре ему повстречалась дочь Фабельна, сидевшая на корточках в папоротниках. Когда он приблизился, она запищала, как крыса. Неодобрительно покачав головой, Кугель поджал губы, подвел ее под руку к ручью, журчавшему неподалеку, и попытался вымыть, но она вырвалась при первой возможности и спряталась в углублении под большим камнем.

Усадьба Юкоуну

Происхождение заклинания «Шиворот-навыворот» терялось во тьме времен. Его архаическую версию сформулировал некий заоблачный всадник двадцать первого эона; полулегендарный Базиль Черноплет уточнил сферу и последствия его воздействия; разработку формулы продолжил Веронифер Вкрадчивый, прибавивший усилительный резонанс. Археманд де Глэр прокомментировал четырнадцать первульсий этого заклятия; в своем монументальном каталоге Фандаал отнес его к категории А «совершенных заклинаний». В таком виде оно сохранилось и нашло отражение в сборнике мудреца Зараидеса, обнаруженном Кугелем в подземном тайнике под «бугром»; в таком виде оно спасло Кугеля от неминуемой смерти.

Теперь, снова вернувшись туда, где валялись разбросанные заклинанием остатки содержимого подземных кладовых и казематов, Кугель находил всевозможные вещи: старую и новую одежду, куртки, жилеты и плащи, старинные камзолы, брюки, расклешенные по последнему слову моды, преобладавшей в Кочике, бриджи,

украшенные тесьмой и кисточками в стиле Старого Ромарта, шаровары в складку с разрезами, модные среди обитателей Андромаха. Здесь попадались сапоги, башмаки, сандалии и головные уборы самых разных племен и эпох; плюмажи, султаны, эмблемы и гербы; старинные инструменты и сломанное оружие; браслеты и побрякушки; покрытые плесенью и пятнами ржавчины украшения филигранной работы и резные камеи; драгоценные камни, от присвоения которых Кугель не удержался — что, вероятно, задержало его поиски либрамов Зараидеса, выброшенных из подземелья извержением заклятия вместе с остальным имуществом съеденных узников.

Кугель искал долго и старательно. Он находил серебряные кубки, ложки из слоновой кости, фарфоровые вазы, огрызки костей и блестящие зубы множества разновидностей, блестевшие подобно жемчужинам среди травы и листьев — но нигде он не видел увесистые тома магических протоколов или перечни заклинаний, которые помогли бы ему справиться со Смешливым Волшебником. Даже теперь вживленный в Кугеля агент Юкоуну, ахернарский демон Фиркс, давал о себе знать, сжимая печень Кугеля шиповатыми

отростками. Потеряв терпение, Кугель наконец воскликнул: «Я всего лишь ищу кратчайший путь в Азеномей! Ты скоро вернешься к партнеру в лаборатории Юкоуну! Тем временем, имей сострадание! Поспешишь — людей насмешишь: тебе известна такая поговорка?» Фиркс неохотно ослабил давление на печень.

Кугель безутешно бродил среди обломков и мусора, заглядывая под ветви и корни, раскидывая пинками папоротники и мох, всматриваясь с прищуром в затененные промежутки между стволами деревьев. Наконец, у основания широкого пня он увидел то, что искал: несколько томов и либрамов, собранных в аккуратную стопку. На пне сидел чародей Зараидес.

Разочарованно поджав губы, Кугель подошел к мудрецу. Зараидес безмятежно наблюдал за ним: «Возникает впечатление, что вы ищете какой-то потерянный предмет. Надеюсь, ваша потеря ни слишком огорчительна?»

Кугель угрюмо покачал головой: «Пропали несколько безделушек. Ничего страшного, пусть валяются в лесу».

«Нет-нет, зачем же! — воскликнул Зараидес. — Опишите потерянные вещи: я могу генерировать волны с заданными параметрами поиска. И ваше

имущество будет возвращено сию минуту!»

Кугель скромно отказался: «Не хотел бы обременять вас такими пустяками. Давайте поговорим о других вещах». Указав на стопку либрамов, служившую теперь опорой вытянутым ногам мудреца, Кугель заметил: «Рад видеть, что ваши драгоценные книги в целости и сохранности».

Зараидес кивнул, мирно и удовлетворенно: «Теперь все в порядке. Меня беспокоит только вопрос о восстановлении равновесия, необходимого в наших взаимоотношениях». Кугель тревожно отступил на пару шагов, но чародей поднял руку успокаивающим жестом: «Нет никаких причин для опасений! Напротив, я вам чрезвычайно благодарен. Ваши действия позволили мне не погибнуть в подземелье. А это привело к нарушению закона эквивалентности — я обязан компенсировать дисбаланс». Мудрец пригладил бороду пальцами: «К сожалению, возмещение такого рода может носить, по существу, лишь символический характер, потому что даже если бы я выполнил все ваши желания, мне не удалось бы ни в малейшей степени выровнять стрелки весов, если можно так выразиться — настолько велика оказанная вами услуга, даже если вы ее оказали непредна-

меренно».

Кугель слегка повеселел, но Фиркс, потерявший терпение, снова дал о себе знать. Схватившись за живот, Кугель воскликнул: «Прежде всего, будьте так добры, удалите из меня жестокое существо по имени Фиркс, раздирающее мои внутренности!»

Зараидес поднял брови: «Какого рода существо вы имеете в виду?»

«Омерзительное отродье с далекой планеты Ахернара. Оно напоминает нечто вроде клубка или переплетения белых жил, ощетинившихся шипами, когтями и колючками».

«Потребуется простейшая операция, — заявил Зараидес. — Твари такого рода поддаются довольно-таки примитивному методу извлечения. Пойдемте — я живу неподалеку».

Зараидес спустился с пня, взял свои увесистые тома и подбросил их в воздух — все они поднялись выше деревьев и быстро улетели, скрывшись за лесом». Кугель вздохнул, провожая их взглядом.

«Вас удивляет этот пустячный трюк? — спросил чародей. — Элементарная процедура, надежно предохраняющая имущество от воров и разбойников. Так пойдемте же! Нужно избавить вас

от паразита, причиняющего столько мучений».

Старец прошествовал между деревьями по известному ему пути. Кугель следовал за ним, но Фиркс каким-то образом осознал, что события развивались не в его интересах, и принялся яростно протестовать. Согнувшись пополам и прыгая бочком от боли, Кугель заставил себя догонять прерывистыми перебежками бодро марширующего Зараидеса, ни разу не соблаговолившего обернуться.

Жилище Зараидеса приютилось в кроне гигантского даобада; лестница поднималась к мощной, почти горизонтальной ветви, которая, в свою очередь, позволяла пройти к крыльцу сооружения, напоминавшего добротную избу. Кугель вскарабкался по лестнице и прошел, продолжая корчиться от боли, в просторную квадратную приемную. Мебель Зараидеса можно было назвать одновременно простой и роскошной. Из окон открывались во все стороны виды на лесную даль; на полу расстилался толстый черный ковер с коричневыми и желтыми узорами.

Зараидес пригласил Кугеля пройти в лабораторию: «Мы сейчас же покончим с этим болезненным явлением!»

Споткнувшись о порог и держась одной рукой

за живот, а другой — за притолоку, Кугель зашел в соседнее помещение и, следуя указаниям мудреца, устроился на стеклянном постаменте.

Зараидес принес сетчатый экран из тонких цинковых полосок и разместил его за спиной Кугеля: «Это позволит Фирксу сразу понять, что он имеет дело с опытным чародеем — цинк эффективно отпугивает ахернарских паразитов. А теперь — нехитрое снадобье: оно содержит серу, аквастель, настойку зыха, кое-какие травы, бурнад, хильп и кассас, хотя последние три ингредиента, пожалуй, не имеют существенного значения. Выпейте, пейте до дна… Фиркс, выходи! Изыди, неземной захребетник! Или я пропитаю внутренности Кугеля серой и проткну его цинковыми спицами! Выходи, говорю! Что? Неужели придется вымывать тебя аквастелем? Изыди! Возвращайся в систему Ахернара, там тебе и место!»

Фиркс не выдержал, раздраженно отпустил печень Кугеля и появился у него на груди — сплетение белых нервных волокон и чувствительных усиков с когтями и шипами на концах. Зараидес проворно схватил это существо, заключил его в глубокую цинковую кювету и закрыл кювету цинковой сеткой.

Кугель, потерявший сознание, очнулся и увидел сидящего рядом Зараидеса, безмятежно и благодушно ожидавшего, пока его пациент не придет в себя. «Вам повезло, — сообщил ему мудрец. — Мы вовремя изгнали паразита. Эти зловредные инкубы постепенно распространяют волокна по всему организму и в конце концов овладевают мозгом. Если бы это случилось, ваше сознание слилось бы с сознанием Фиркса. Кстати, каким образом вас заразил этот паразит?»

Кугель с отвращением поморщился: «Его в меня вживил Смешливый Волшебник Юкоуну. Вы его знаете?» Кугель заметил, что при упоминании Юкоуну седые брови Зараидеса взметнулись.

«Мне известна, главным образом, его репутация. Он знаменит своим чувством юмора и пристрастием к причудливым редкостям», — ответил мудрец.

«Юкоуну — шут гороховый! — взорвался Кугель. — Вообразив, что я нанес ему ущерб, он отправил меня на Дальний Север — туда, где Солнце едва поднимается над горизонтом и светит не ярче ночника! Да уж, он надо мной изрядно подшутил! Но смеется тот, кто смеется последний! Вы сказали, что исключительно мне благодарны — давайте же, прежде чем приступить

к выполнению любых других моих сокровенных желаний, обсудим, каким образом я мог бы от души отомстить Смешливому Волшебнику!»

Зараидес задумчиво кивнул и пригладил бороду пальцами: «Могу вам кое-что посоветовать. Юкоуну — человек тщеславный и чувствительный. Его самая уязвимая черта — потребность в самоутверждении. Повернитесь к нему спиной, пренебрегайте каким-либо общением с ним! Ваше гордое презрение ужалит его больнее, чем любая другая изобретенная вами неприятность».

Кугель нахмурился: «Такое возмездие представляется мне чрезмерно абстрактным. Если бы вы могли, например, вызвать демона, я дал бы ему надлежащие указания по поводу Юкоуну. Тогда со Смешливым Волшебником было бы покончено, и мы могли бы поговорить о других вещах».

Зараидес покачал головой: «Не все так просто. Юкоуну — хитроумная бестия, его не так-то легко застать врасплох. Он сразу узна́ет, кто напустил на него демона, и нашим отношениям, на протяжении многих лет носившим характер сдержанного взаимопонимания, наступит конец».

«Вот еще! — фыркнул Кугель. — Неужели мудрец Зараидес боится встать на защиту спра-

ведливости? Неужели он остерегается наступить на мозоль неуверенному в себе, пугливому мерзавцу?»

«Откровенно говоря — да, — сказал Зараидес. — Солнце может погаснуть в любой момент, и я не намерен провести последние годы жизни, обмениваясь язвительными магическими шутками с Юкоуну, чья способность развлекаться, делая другим мелкие и крупные гадости, значительно превосходит мою склонность к такого рода забавам. А теперь слушайте: с минуты на минуту я должен заняться безотлагательным делом. В качестве окончательного выражения своей благодарности я мог бы перенести вас в любое место, по вашему усмотрению. Куда вы хотели бы отправиться?»

«Если вы больше ничего не можете для меня сделать, отправьте меня в Азеномей — туда, где Кззан впадает в Скаум!»

«Как вам угодно. Будьте добры, поднимитесь на эту площадку. Сложите руки на груди — вот так… Сделайте глубокий вдох и задержите дыхание. В процессе переноса не вдыхайте и не выдыхайте… Вы готовы?»

Кугель кивнул. Зараидес отступил на шаг и произнес заклинание. Кугель мгновенно взлетел

и унесся прочь. Почти сразу же он почувствовал, что его подошвы прикоснулись к земле — он шел по главной улице Азеномея.

Кугель глубоко вздохнул: «После всех испытаний судьбы, после всех злоключений — я снова в Азеномее!» Недоуменно покачивая головой, он посмотрел вокруг. Древние строения, террасы над рекой, рынок — все было, как прежде. Неподалеку все еще находилась лавка Фианосфера. Отвернувшись, чтобы торговец редкостями его не узнал, Кугель неспешно направился в другую сторону.

«Что теперь? — размышлял он. — Прежде всего мне нужна новая одежда; затем неплохо было бы отдохнуть в гостинице, где я смогу на досуге оценить все аспекты положения вещей. Тому, кто намерен насмеяться над Смешливым Волшебником, следует тщательно подготовиться к этому проекту».

Через два часа — выкупавшийся, подстриженный, освежившийся, в новом черном костюме с красной и зеленой вышивкой — Кугель сидел в трапезном зале «Речной гостиницы» перед блюдом пикантных жареных колбасок и бутылью зеленого вина.

«В связи с определением методов и размеров

справедливого возмездия возникают трудности, чреватые всевозможными каверзами, — думал Кугель. — Осторожность! Осторожность превыше всего!»

Он налил себе вина и съел несколько колбасок. Затем, открыв поясную сумку, он вынул из нее небольшой предмет, аккуратно завернутый в мягкую ткань: фиолетовую линзу, приобрести которую желал Юкоуну, чтобы она составила пару той, что уже хранилась в его коллекции. Кугель хотел было взглянуть одним глазом сквозь эту линзу, но заставил себя сдержаться: демонический инструмент мог создать иллюзию настолько неотразимую и обворожительную, что он никогда уже не смог бы вернуться к действительности. И в ту же минуту, пока Кугель рассматривал блестящую поверхность линзы, ему в голову пришел замысел настолько изобретательный, настолько теоретически безукоризненный — и в то же время настолько безопасный в том, что касалось последствий — что он тут же отбросил всякие помыслы о других способах мщения.

По существу, подход был очень прост. Кугель должен был явиться в усадьбу Юкоуну и передать чародею линзу — точнее, копию линзы,

ничем внешне не отличающуюся от оригинала. Юкоуну, сравнив полученную линзу с той, которая уже находилась в его распоряжении, захотел бы, разумеется, испробовать воздействие пары линз — то есть одновременно взглянуть двумя глазами сквозь обе линзы. Диссонанс между действительным и воображаемым мирами неизбежно шокировал бы мозг волшебника и привел бы его в беспомощное состояние, после чего Кугель мог бы принять любые желательные и прибыльные, с его точки зрения, меры.

Скрывался ли в его плане какой-нибудь изъян? Кугель не усматривал в нем никаких недостатков. Если Юкоуну мог каким-то образом обнаружить подмену, Кугелю достаточно было извиниться и передать волшебнику настоящую линзу — и тем самым отвести от себя дальнейшие подозрения. В общем и в целом вероятность успеха представлялась более чем достаточной.

Кугель неторопливо покончил с колбасками, заказал еще одну бутыль вина и откинулся на спинку кресла, наслаждаясь видом на Кззан. Спешить было некуда — в самом деле, как он удостоверился на собственном опыте, опрометчивость во взаимоотношениях с Юкоуну грозила серьезными неприятностями.

На следующий день, все еще не находя упущений в своем плане, Кугель посетил предприятие стеклодува, расположившееся на берегу Скаума в полутора километрах от Азеномея, в роще трепещущих желтой листвой билибобов.

Стеклодув осмотрел линзу: «Точную копию, именно такой формы и такого цвета? Имитировать хрустально прозрачное стекло глубокого фиолетового оттенка — непростая задача. Только сочетание нескольких добавок в определенной пропорции позволило бы придать стеклу такой редкостный отлив — придется действовать методом проб и ошибок. Тем не менее… я приготовлю расплав. Посмотрим, посмотрим!»

После нескольких неудачных попыток мастер приготовил стекло требуемого оттенка, залил его в предварительно выдавленную формочку, отполировал и получил линзу, внешне практически неотличимую от магической.

«Превосходно! — заявил Кугель. — Сколько вы возьмете за работу?»

«Подобную линзу из фиолетового стекла я оцениваю в сто терциев», — как бы между прочим обронил стеклодув.

«Как вы сказали? — воскликнул шокированный Кугель. — Вы меня за дурака принимаете?

Кто согласится платить такие деньги за кусочек стекла?»

Стеклодув аккуратно расставлял инструменты, обжимные штампы и тигли, не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу возмущения клиента: «Во Вселенной нет устойчивого равновесия — все колеблется, все циклически развивается и деградирует, разветвляясь и сливаясь приливами и отливами, все проникнуто изменчивостью. Структура моих расценок отражает структуру космоса и подчиняется тем же законам — цены изменяются в зависимости от степени нетерпения клиента, желающего воспользоваться плодами моего труда».

Кугель раздраженно отступил на пару шагов; стеклодув тут же протянул руку и взял обе линзы. Кугель спохватился: «Что вы делаете?»

«Возвращаю стекло в тигель, что еще?»

«Но первая линза принадлежит мне!»

«Я сохраню ее в качестве полезного напоминания о нашем разговоре».

«Подождите! — Кугель глубоко вздохнул. — Я согласен заплатить вашу астрономическую цену, если новая линза так же прозрачна и безупречна, как прежняя».

Стеклодув рассмотрел сначала одну, затем дру-

гую линзу: «На мой взгляд они неотличимы».

«А как насчет фокусировки? — настаивал Кугель. — Приложите линзы к глазам и посмотрите сквозь них одновременно — только тогда вы сможете их по-настоящему сравнить!»

Стеклодув поднял к глазам обе линзы. Одна позволила ему взглянуть на Высший Свет, другая не более чем окрасила в фиолетовый оттенок привычную картину реальности. Потрясенный, стеклодув пошатнулся и упал бы, если бы его не подхватил Кугель, ни в коем случае не желавший, чтобы линзы разбились — он отвел мастера к скамье, усадил на нее и отобрал у него линзы.

Бросив на верстак три терция, Кугель заметил: «В этом мире все изменчиво — не прошло и минуты, как сто терциев превратились в три».

Ошеломленный стеклодув, почти потерявший способность понимать происходящее, что-то пробормотал и попытался поднять руку, но Кугель уже вышел из мастерской и размашистыми шагами направился в город.

Вернувшись в гостиницу, Кугель напялил старую одежду — грязную, потрепанную, во многих местах разорванную и продырявленную — и в таком виде побрел по берегу вверх по течению Кззана.

По пути он неоднократно репетировал в уме предстоящий разговор со Смешливым Волшебником, пытаясь предусмотреть любую случайность. Впереди уже блестели в солнечных лучах спиральные башни из зеленого стекла: усадьба Юкоуну!

Кугель остановился, разглядывая это причудливое сооружение. Сколько раз во время своих странствий он представлял себя стоящим здесь, под этим холмом, в ожидании близкой встречи со Смешливым Волшебником!

Пока он поднимался по извилистой дорожке, выложенной коричневой плиткой, с каждым шагом возрастало его нервное напряжение. Подходя ко входной двери, он заметил на ее массивной панели изображение, которого здесь не было раньше — или, может быть, он его просто не заметил? В потемневшем от времени дереве было вырезано изможденное лицо со впалыми щеками и заостренным подбородком, с выпученными от страха глазами и оскалившимся ртом, открытым в молчаливом вопле отчаяния — или, может быть, отчаянного вызова?

Подняв руку, чтобы постучать в дверь, Кугель почувствовал, как все его нутро объяло холодом. Он отшатнулся от деревянной физиономии

аскета и обернулся туда, куда с таким испугом смотрели ее невидящие глаза — на другой берег Кззана и вдаль, на мрачноватые пустынные холмы, вздымавшиеся и опускавшиеся пологими волнами до самого горизонта. Кугель снова проверил в уме надежность своего замысла. В чем он мог ошибаться? Каким образом он мог подвергнуть себя опасности? Судя по всему, никакой ошибки не было. Даже если бы Юкоуну обнаружил подмену, Кугель всегда мог сказать, что перепутал практически одинаковые линзы и вручить волшебнику подлинный магический инструмент. Небольшой риск обещал Кугелю огромные преимущества! Кугель снова повернулся к массивной двери и решительно постучал в нее.

Прошла минута. Портал медленно раскрылся. Изнутри дунул порыв прохладного воздуха, несущий с собой какой-то горьковатый запах, характер которого Кугель затруднялся определить. Косые лучи Солнца проникли из-за спины Кугеля в дверной проем и рельефно озарили каменный пол вестибюля. Кугель недоверчиво вглядывался внутрь — ему не хотелось заходить без очевидного приглашения. «Юкоуну! — позвал он. — Выходите и разрешите мне войти! Я

не хотел бы снова подвергаться незаслуженным обвинениям!»

Из глубины усадьбы послышался шорох какого-то движения, за ним последовали звуки медленных шагов. Из бокового помещения появился Юкоуну, и Кугель сразу заметил, что внешность Смешливого Волшебника изменилась. Его большая, мягкая, желтая голова казалась еще более желеобразной, словно наполненной жидкостью; его щеки обвисли, нос заострился и побледнел, как сталактит, а подбородок превратился в не более чем пуговку под огромным, нервно подергивающимся ртом.

Сегодня Смешливый Волшебник щеголял в квадратном коричневом берете с загнутыми вверх уголками, в куртке из коричневого и черного узорчатого полотна и в свободных брюках из плотной темно-коричневой ткани, украшенной черной вышивкой — в элегантном, даже впечатляющем наряде, который Юкоуну носил, однако, совсем не изящно, а так, словно эта одежда была ему незнакома и даже неудобна. Кроме того, волшебник приветствовал Кугеля весьма необычным образом: «Так что же, любезнейший, что вам понадобилось? Вы никогда не научитесь ходить по потолку на руках». С этими словами

Юкоуну прикрыл рот рукой, чтобы скрыть глуповатый смешок.

Кугель удивленно поднял брови и с сомнением произнес: «Я не учусь ходить на руках по потолку. Я пришел, чтобы сообщить важное известие: поручение, которое я взял на себя от вашего имени, успешно выполнено!»

«Превосходно! — воскликнул Юкоуну. — Вы можете отдать мне ключи от хлебного рундука».

«От хлебного рундука? — Кугель ничего не понимал: неужели Смешливый Волшебник сошел с ума? — Меня зовут Кугель. Вы послали меня на север выполнить трудное задание. Я вернулся с магической линзой, позволяющей видеть Высший Свет!»

«Ах да, конечно же! — всплеснул руками Юкоуну. — Бзмсзст! Боюсь, я немного не в себе — вещи меняются так быстро и так неожиданно! Все уже не так, как прежде! Но теперь я припоминаю. Кугель, конечно же! Все понятно. Вы отправились на север, вы вернулись! Как поживает дружище Фиркс? С ним все в порядке, надеюсь? Мне давно не хватало его присутствия. Незаменимый товарищ, Фиркс! Вы так не считаете?»

Кугель поспешил согласиться: «Совершенно верно! Фиркс оказался полезнейшим компаньо-

ном, неутомимым источником стимуляции».

«Превосходно! Заходите же! Я должен вас чем-нибудь угостить! Что вы предпочитаете, сз-мзсм или сзк-зсм?»

Кугель вопросительно взглянул на хозяина усадьбы — тот вел себя по меньшей мере странно: «Мне не знакомо ни одно из предлагаемых вами блюд, в связи с чем я вынужден с благодарностью отклонить ваше приглашение. Но смотрите! Вот ваша фиолетовая линза!» Кугель продемонстрировал волшебнику стеклянную подделку, изготовленную несколько часов тому назад.

«Великолепно! — заявил Юкоуну. — Вы хорошо справились с поручением и отныне можете считать, что ваши прегрешения — да-да, теперь я все припоминаю, хотя мне мешают сосредоточиться другие соображения — что ваши прегрешения прощены. Но давайте сюда линзу! Нужно проверить, как она работает!»

«Разумеется, — отозвался Кугель, протягивая ему подделку. — Нисколько не сомневаюсь в том, что вы лучше знаете, как это делается — но для того, чтобы вы могли на самом деле оценить великолепие Высшего Света, порекомендовал бы взять уже имеющуюся у вас линзу и взглянуть сквозь обе линзы одновременно. Опыт показы-

вает, что это единственно правильный метод их применения».

«Верно, совершенно верно! Моя магическая линза… хотел бы я знать, куда ее подевал этот строптивый мерзавец?»

«Строптивый мерзавец? Кто-то мешает вам навести порядок в вашей драгоценной коллекции?» — поинтересовался Кугель.

«Можно сказать и так», — Юкоуну нелепо хихикнул, высоко подпрыгнул, брыкнув обеими ногами в сторону, и тяжело повалился набок. Лежа на полу, волшебник обратился к ошеломленному Кугелю: «Все это, в сущности, больше не имеет никакого значения, так как теперь последовательность событий должна подчиняться структуре „ммз“… Да, мне следует сейчас же посоветоваться с Фирксом».

«В прошлый раз, — терпеливо напомнил Кугель, — вы достали линзу из шкафа, находящегося в украшенном коврами помещении рядом с центральной экспозицией».

«Молчать! — приказал внезапно раздраженный волшебник, с трудом поднимаясь на ноги. — Сзсз! Я прекрасно знаю, где хранится линза! Все под контролем, все предусмотрено! Следуйте за мной. Мы познаем сущность Высшего Света

сию минуту!»

Волоча ноги, Юкоуну направился в упомянутую комнату и вернулся с футляром, содержавшим магическую линзу. Повелительно взмахнув рукой, волшебник приказал: «Стойте на месте и не двигайтесь, если вам дорога жизнь Фиркса!»

Кугель послушно поклонился. Юкоуну вынул линзу из футляра: «А теперь — давайте другую!»

Кугель передал ему стеклянную подделку: «Приложите обе линзы к глазам, чтобы в полной мере насладиться славным великолепием Высшего Света!»

«Да-да! Именно так я и сделаю!» Юкоуну поднял две линзы и приложил их к глазам. Кугель, ожидавший, что волшебник тут же упадет, парализованный диссонансом восприятия, уже нащупывал веревку, которой он намеревался связать потерявшего сознание чародея. Но Юкоуну не проявлял никаких признаков беспомощности. Он смотрел сквозь линзы то в одну, то в другую сторону, беспричинно посмеиваясь: «Роскошно! Поразительно! Несравненный, роскошный вид!» Опустив линзы, Юкоуну аккуратно сложил их в футляр. Кугель угрюмо наблюдал за происходящим.

«Очень рад, очень рад!» — говорил Юкоуну,

делая руками волнообразные движения, приводившие Кугеля в полное недоумение. «Да, — продолжал волшебник, — вы сделали то, что от вас требовалось, в связи с чем я прощаю безрассудную злонамеренность вашей попытки меня ограбить. Теперь остается только извлечь из вас незаменимого Фиркса, с каковой целью придется разместить вас в чане, у меня в лаборатории. Я погружу вас в жидкость надлежащего состава примерно на двадцать шесть часов — этого должно быть достаточно для того, чтобы Фиркс согласился вас покинуть».

Кугель поморщился. Как можно было спорить с чародеем не только раздражительным и склонным к жестоким шуткам, но и очевидно помешавшимся? «Такое погружение может нанести мне ущерб и, следовательно, неблагоприятно отразиться на состоянии Фиркса, — осторожно возразил он. — Гораздо предусмотрительнее было бы предоставить Фирксу возможность самостоятельно принять решение покинуть мой организм, хорошенько поразмыслив над этим вопросом».

Судя по всему, это рассуждение произвело на Юкоуну благоприятное впечатление — волшебник радостно исполнил сложнейший танец,

сопровождавшийся прыжками, пируэтами и чечеткой, с легкостью, невероятной для человека довольно-таки корпулентного и коротконогого. Юкоуну завершил эту демонстрацию атлетических способностей, высоко подпрыгнув, кувыркнувшись в воздухе и приземлившись на шею и плечи; оставшись в таком положении, чародей шевелил руками и ногами подобно перевернутому жуку. Кугель изумленно следил за пертурбациями Смешливого Волшебника — может быть, он сломал шею, а беспорядочные движения конечностей свидетельствовали об агонии?

Но Юкоуну, несколько раз мигнув, уперся ладонями в пол и одним прыжком вернулся в нормальное положение: «Необходимо упражняться, отрабатывая надлежащее распределение давлений и стыков, — бормотал он, явно беседуя с собой, а не с Кугелем. — В противном случае возможно защемление. В этом мире элуктанция отличается от „ссзпнтз“». Волшебник громко рассмеялся, закинув назад трясущуюся голову; заглянув в его разинутый рот, Кугель увидел не язык, а белый коготь на конце белого волокна. Странному поведению Юкоуну тут же нашлось объяснение. Каким-то образом подобное Фирксу

существо проникло в тело Юкоуну и возобладало над мозгом чародея.

Кугель задумчиво поглаживал подбородок. Невероятная ситуация, предусмотреть которую было поистине невозможно! Нужно было срочно сосредоточиться и подумать! Важнее всего было узнать, сохранило ли ахернарское существо способность пользоваться магическими заклинаниями и трюками Смешливого Волшебника.

«Ваша мудрость просто поразительна! — сказал Кугель. — Я в восхищении! Удалось ли вам, за время моего отсутствия, пополнить свою коллекцию тавматургических артефактов?»

«Нет, у меня их и так достаточно, — отмахнулась тварь, вещавшая изо рта Юкоуну. — Теперь мне нужно расслабиться. После выполненного упражнения требуется период покоя».

«Нет ничего проще, — отозвался Кугель. — Самый эффективный способ полностью расслабиться заключается в том, чтобы оказать максимальное возможное давление на извилину направленного волеизъявления».

«Неужели? — заинтересовалось неземное существо. — Попробую так и сделать. Посмотрим, что у нас тут есть… Извилина антитезиса… Конволюция подсознательной конфигурации… Сззм!

Многое все еще незнакомо, на Ахернаре вещи делаются по-другому...» Существо с подозрением покосилось на Кугеля — заметил ли тот, что товарищ Фиркса проболтался? Но Кугель лениво переминался с ноги на ногу со скучающим, рассеянным выражением лица; инопланетная тварь продолжала рыться в различных разделах мозга Юкоуну: «Ага, вот она! Извилина направленного волеизъявления! Теперь окажем на нее внезапное интенсивное давление...»

Физиономия Юкоуну вытянулась, его мышцы расслабились, ноги подкосились — тяжеловесное тело плюхнулось на пол. Кугель тут же бросился вперед и трижды связал руки и ноги волшебника, после чего заклеил его большой рот куском пластыря.

Теперь настала очередь Кугеля исполнить торжествующий танец. Его ожидания так-таки оправдались! Юкоуну, его усадьба и вся его огромная коллекция магических средств и талисманов оказались в распоряжении Кугеля! Взглянув на валяющееся у него под ногами тело, Кугель начал было тащить беспомощного чародея к выходу из усадьбы, чтобы найти удобное место снаружи и отсечь ненавистную круглую желтую голову — но воспоминание о бесчис-

ленных унижениях, злоключениях и лишениях, пережитых им по вине Юкоуну, заставило его задержаться. Неужели Юкоуну уйдет из жизни так легко и безболезненно, ничего не соображая и не испытывая никаких сожалений? Нет уж, не получится!

Кугель затащил неподвижное тело в центральный зал усадьбы и присел рядом на скамью, чтобы поразмышлять.

Через некоторое время тело волшебника начало шевелиться, открыло глаза и попыталось подняться; обнаружив, что это невозможно, поселившееся в чародее существо повернуло голову, глядя на Кугеля сначала с удивлением, а затем с яростью. Из заклеенного рта лысой желтой головы доносились нечленораздельные повелительные выкрики, на каковые Кугель отвечал ни к чему не обязывающими кивками.

Вскоре Кугель поднялся на ноги, проверил надежность пут волшебника и пластыря, закрывавшего ему рот, прибавил еще несколько тугих витков веревки и второй кусок пластыря, после чего занялся осторожным исследованием усадьбы, на каждом шагу ожидая какой-нибудь западни, ловушки или губительной приманки, уготовленной грабителям хитроумным чародеем.

Особую бдительность Кугель проявлял, изучая лабораторию Юкоуну, ощупывая перед собой пол, углы и все предметы длинной жердью — но даже если незваного гостя здесь ожидали какие-нибудь подвохи, они не были очевидны.

Просматривая наклейки склянок на полках в лаборатории, Кугель нашел серу, аквастель, настойку зыха и сушеные травы, из которых он приготовил вязкий желтый эликсир. Притащив связанное тело в лабораторию, он сорвал со рта волшебника пластырь и влил в него желтое зелье. После длительных увещеваний и угроз, когда желтая голова Юкоуну стала ярко-желтой от поглощенной серы, а дымящиеся струйки аквастеля потекли из его ушей, когда Кугель сам уже вспотел и тяжело дышал от напряжения, существо с планеты Ахернара выкарабкалось наконец из колыхающегося тела. Кугель схватил его, сбросил в глубокую каменную ступу и поспешно раздавил чугунным пестиком. Растертые останки твари он растворил сильнодействующими кислотами, добавил в раствор ароматический мернонс и вылил образовавшуюся жижу в канализацию.

Тем временем Юкоуну пришел в себя и лежал. сосредоточив на Кугеле неотрывный, вызываю-

щий тревогу взгляд. Кугель увлажнил салфетку раптогеном и заставил чародея вдохнуть его пары; глаза Смешливого Волшебника закатились, он снова потерял сознание.

Кугель присел, чтобы передохнуть. Возникал вопрос: как предотвратить какие-либо действия со стороны Юкоуну в то время, как тот будет выслушивать приговор? Просмотрев пару руководств, Кугель заклеил рот Юкоуну мазком герметизирующего состава и обеспечил жизнеспособность волшебника несложным заклинанием, после чего заключил его в высокий стеклянный цилиндр, каковой подвесил под потолком в вестибюле.

Закончив эту работу — к тому времени Юкоуну снова пришел в себя — Кугель с благодушной усмешкой отступил от цилиндрической стеклянной клетки: «Наконец, Юкоуну, вещи начинают становиться на свои места. Помнишь, каким унижениям ты меня подвергал? Какие мерзости мне пришлось от тебя выслушать! Уже тогда я поклялся, что ты пожалеешь о своих словах! Теперь наступило время исполнить мои обещания. Ты хорошо понимаешь, о чем я говорю?»

Гримаса ненависти, исказившая лицо Юкоуну, послужила достаточным ответом.

Кугель принес кресло и уселся в него с бокалом лучшего золотистого вина волшебника: «Я намерен приступить к делу следующим образом. Прежде всего я рассчитаю сумму возмещения тягот и лишений, причиненных мне по твоей воле, не забывая о таких почти несопоставимых явлениях, как истощение и голод, простуды и сквозняки, оскорбления и леденящие сердце страхи, сомнения в себе и минуты безысходного отчаяния, ужаса и отвращения, а также всевозможные прочие невзгоды и мучения, в числе которых нельзя не упомянуть, конечно, регулярные пытки, которым меня подвергал отвратительный паразит Фиркс. Из этой суммы я вычту стоимость справедливой компенсации моего первоначального проступка, с учетом одного или двух смягчающих обстоятельств, что позволит получить итоговый результат, причитающийся к оплате. К счастью, если смотреть на вещи беспристрастно, никто не может по достоинству оценить иронию сложившейся ситуации, как ты, Смешливый Волшебник!» Вопросительно взглянув наверх, в глаза Юкоуну, Кугель встретился со взором, не содержавшим никакого намека на чувство юмора.

«Один последний вопрос, — продолжал Ку-

гель. — Приготовил ли ты какие-нибудь западни или ловушки, которые могли бы меня уничтожить или парализовать? Моргни один раз, чтобы ответить „нет“, два раза — чтобы ответить „да“».

Висевший в трубе Юкоуну презрительно смотрел на Кугеля сверху, не моргая.

Кугель вздохнул: «Что поделаешь! Придется соблюдать осторожность»

Взяв с собой бокал вина, Кугель вышел в центральный зал усадьбы и приступил к ознакомлению с коллекцией магических инструментов, артефактов, талисманов и редкостей, каковая, во всех практических отношениях, теперь стала его собственностью. Всякий раз, когда Кугель попадался на глаза Юкоуну, тот сопровождал его взглядом, полным нетерпеливой надежды — что, конечно, не внушало Кугелю уверенность в своей безопасности.

Дни проходили за днями, и западня Юкоуну — если она существовала — все еще не срабатывала. В конечном счете Кугель поверил в то, что никаких ловушек в усадьбе не было. Тем временем он погрузился в изучение томов и либрамов волшебника, но результаты его разочаровали. Пергаментные листы некоторых сборников были испещрены архаическими письменами,

не поддающимися расшифровке символами или невразумительными формулами, в других описывались явления, выходившие за пределы представлений Кугеля, а от иных исходил настолько явный, безошибочно ощутимый дух смертельной опасности, что Кугель захлопывал такой либрам, едва взглянув на его страницы.

Записи, содержавшиеся в одном или двух дневниках волшебника, однако, поддавались его пониманию. Эти тексты Кугель штудировал с особым прилежанием, заставляя себя запоминать один труднопроизносимый слог за другим, пока они не складывались в последовательности, каскадами гремевшие у него в голове и заставлявшие вспухать жилы у него на висках. Наконец ему удалось научиться применению нескольких простейших, примитивных заклинаний. Некоторые он испробовал на Смешливом Волшебнике — в частности, с очевидным успехом, заклятие неутолимой чесотки Лугвайлера. Но в целом и в общем разочарование Кугеля было вызвано отсутствием у него врожденной способности к магии. Опытные волшебники могли запоминать одновременно три или четыре сложные чудодейственные формулы, тогда как для Кугеля применение даже одного заклина-

ния становилось исключительно трудоемким предприятием. Однажды, испытывая заклятие пространственного перемещения на небольшой шелковой подушке, Кугель переставил местами какие-то первульсии, и его самого вышвырнула в вестибюль неведомая сила. Раздраженный усмешкой Юкоуну, Кугель вынес содержавший волшебника стеклянный цилиндр на площадку перед усадьбой, закрепил на цилиндре пару кронштейнов и подвесил на них светильники, чтобы они освещали крыльцо по ночам.

Прошел месяц, и Кугель стал ощущать некоторую уверенность в своей способности выполнять роль хозяина усадьбы. Крестьяне из близлежащей деревни приносили ему провизию, за что он платил, по мере своих возможностей, различными мелкими услугами. Как-то раз отец девушки по имени Джинс, выполнявшей обязанности горничной Кугеля, уронил дорогостоящую пряжку в глубокую цистерну и умолял Кугеля добыть ее оттуда. Кугель с готовностью согласился решить эту задачу и опустил в цистерну стеклянный цилиндр с Юкоуну внутри. Через некоторое время связанному чародею удалось указать местонахождение пряжки, и ее достали с помощью длинного захвата.

Этот эпизод навел Кугеля на мысль о возможности найти другое применение своему пленнику. На азеномейской ярмарке устраивали так называемый «конкурс уродов». Кугель зарегистрировал Юкоуну в качестве участника конкурса и, хотя Смешливому Волшебнику не удалось получить главный приз, его незабываемые ужимки и гримасы еще долго служили предметом шуток и подражаний в местных трактирах.

На ярмарке Кугель повстречался с Фианосфером — тем самым торговцем талисманами и магическими средствами, который когда-то посоветовал Кугелю забраться в усадьбу Юкоуну. Переводя насмешливый взгляд с Кугеля на лежавший в тележке стеклянный цилиндр со связанным чародеем внутри — Кугель вез его обратно в усадьбу — Фианосфер воскликнул: «Кугель! Пройдоха Кугель! Значит, не зря ходили слухи о вашей удаче! Теперь вы — владелец усадьбы Юкоуну и всей его великолепной коллекции талисманов и редкостей!»

Сперва Кугель притворился было, что не узнаёт Фианосфера, но в конце концов произнес самым ледяным тоном: «Совершенно верно. Как видите, Юкоуну решил ограничить свое участие в делах этого мира. Тем не менее, его усадьба начинена

магическими западнями и ловушками, по ночам вокруг нее бродят несколько голодных кровожадных бестий, а каждый из входов я оборонил заклятием, подвергающим нарушителей неописуемому насилию».

Фианосфер, казалось, не замечал нарочито отчужденной манеры Кугеля. Потирая пухлые ладони, он спросил: «Так как теперь вам принадлежит богатейшая коллекция редкостей, не пожелаете ли продать некоторые, не самые ценные экспонаты?»

«Я в этом не нуждаюсь, и у меня нет таких намерений, — ответил Кугель. — В сундуках Юкоуну столько золота, что мне его хватит до того дня, когда погаснет Солнце». При этих словах оба собеседника машинально взглянули на Солнце, оценивая сегодняшний оттенок умирающей звезды — такова была привычка, выработавшаяся на протяжении последних поколений.

Фианосфер любезно откланялся: «В таком случае желаю вам всего наилучшего». «И вам также», — добавил он, обращаясь к Юкоуну, ответившему мрачным взглядом.

Вернувшись в усадьбу, Кугель затащил стеклянный цилиндр с волшебником в вестибюль, после чего, поднявшись на крышу и облокотив-

шись на парапет, предался созерцанию холмов, удалявшихся гряда за грядой подобно волнам моря. В который раз уже Кугель размышлял о необъяснимой непредусмотрительности Юкоуну — он, Кугель, ни коем случае не допустит такую ошибку! И новый хозяин усадьбы занялся приготовлениями к обороне.

Над крышей возвышались спиральные башни из зеленого стекла; ниже разнообразные коньки и гребни круто спускались и пересекались под углами, удовлетворявшими эстетическим требованиям Юкоуну. Почти беспрепятственный доступ к усадьбе обеспечивала только стена древней крепости на заднем дворе. Вдоль наклонных наружных контрфорсов этой стены Кугель закрепил пластины из мыльного камня — таким образом, чтобы любой, кто попытался бы взобраться на парапеты, соскользнул по этой обшивке и разбился на камнях внизу. «Если бы Юкоуну принял эту меру предосторожности, — думал Кугель, — вместо того, чтобы развлекаться, устроив чрезмерно изощренный хрустальный лабиринт, он не сидел бы сейчас в стеклянном цилиндре, уставившись в потолок».

Следовало усовершенствовать и другие средства защиты, а именно ресурсы, хранившиеся

на полках лаборатории Юкоуну.

Вернувшись в центральный зал, Кугель закусил блюдами, которые приготовили и подали Джинс и Скайви, две привлекательные служанки, после чего вернулся к ученым занятиям. Сегодня он изучал знаменитое заклятие безысходной инкапсуляции, пользоваться каковым предпочитали скорее чародеи древности, нежели современные волшебники, а также заклинание вызова курьера дальней доставки, посредством которого Юкоуну перенес его в северные пустоши Кутца. Оба заклинания оказывали мощное воздействие; для использования обоих требовался решительный и непогрешимо точный контроль — поначалу Кугель опасался того, что никогда не сможет приобрести необходимые навыки. Тем не менее, настойчивость и прилежание позволили ему преодолеть все препятствия, и теперь он мог запоминать и применять, по мере необходимости, одну или другую из этих формул.

Через два дня кто-то поднялся к усадьбе и постучался. Распахнув входную дверь, Кугель, в полном соответствии со своими ожиданиями, увидел лживую физиономию Фианосфера.

«Добрый день! — угрюмо проворчал Кугель. — Я не очень хорошо себя чувствую, в связи с чем вы-

нужден попросить вас немедленно удалиться».

Фианосфер отозвался ничего не значащим жестом: «До меня дошли слухи о вашей достойной сожаления болезни, и они настолько меня встревожили, что я поспешил сюда и принес с собой болеутоляющее снадобье. Позвольте мне пройти… — с этими словами грузная фигура торговца протиснулась мимо Кугеля, — и я отмерю надлежащую долю лекарства».

«Мое заболевание носит душевный характер, — многозначительно предупредил Кугель, — и сопровождается приступами бешеной ярости. Умоляю вас удалиться; в противном случае, потеряв самообладание, я могу разрубить вас на куски шпагой или, что еще хуже, воспользоваться магией».

Фианосфер опасливо поморщился, но продолжал неукротимо жизнерадостным тоном: «У меня найдется снадобье и на этот случай». Он вынул черный флакон и протянул его Кугелю: «Один глоток — и вас больше не будут беспокоить никакие заботы».

Кугель схватился за эфес шпаги: «Похоже на то, что мне придется выражаться без обиняков. Я приказываю вам уйти и никогда не возвращаться! Мне понятны ваши цели и — предупреждаю

вас! — навлечь на себя гнев Юкоуну было бы для вас безопаснее, чем стать моим врагом! Так что — вон отсюда! Или мне придется прибегнуть к заклятию гигантизма пальца ноги, благодаря которому упомянутый палец вспухает и становится величиной с дом!»

«Пусть будет так! — закричал, разозлившись, Фианосфер. — Маски сорваны! Пройдоха Кугель разоблачен! Неблагодарный мерзавец! Вспомните: кто убедил вас ограбить усадьбу Юкоуну? Не кто иной, как я! В связи с чем любой честный человек признал бы, что мне причитается доля сокровищ Смешливого Волшебника!»

Кугель выхватил клинок: «Довольно! Пора перейти к действию».

«Стойте! — Фианосфер поднял высоко над головой черный флакон. — Мне достаточно разбить эту пробирку, бросив ее на пол, и вас покроет гниющими язвами болезнь, к которой у меня выработан иммунитет. Сдавайтесь!»

Но разъяренный Кугель сделал выпад и проткнул предплечье поднятой руки торговца. Фианосфер взревел от боли и отшвырнул черный флакон, описавший дугу в воздухе. Совершив акробатический прыжок, Кугель поймал флакон, едва удержавшись на ногах; тем временем

Фианосфер подскочил к нему и ударил кулаком в висок. Отброшенный назад, Кугель покачнулся и столкнулся со стеклянным цилиндром, содержавшим связанного волшебника. Стеклянная труба повалилась на каменный пол и разбилась; преодолевая боль, Юкоуну стал извиваться, ползая по осколкам.

«Ха-ха! — торжествовал Фианосфер. — Вещи начинают выглядеть по-другому!»

«Черта с два!» — закричал Кугель, вынимая тюбик с синим концентратом, обнаруженный им среди магических инструментов Юкоуну.

Тем временем Юкоуну пытался поддеть носом осколок стекла, чтобы разре́зать им герметизирующий состав, залепивший ему рот. Кугель облил его желтую башку синим концентратом — Юкоуну отозвался глухим отчаянным стоном. «Отодвинься от стекла и повернись лицом к стене!» — приказал волшебнику Кугель. Повернувшись к Фианосферу он пригрозил торговцу шпагой: «Ты тоже!»

Тщательно связав руки неприятелей за спиной, Кугель вышел в центральный зал усадьбы и взял дневник чародея, который изучал накануне.

Вернувшись в вестибюль, он приказал: «Ступайте наружу, оба! Пошевеливайтесь! Наступает

неизбежное завершение последовательности событий!»

Заставив Юкоуну и Фианосфера пройти на плоский участок за усадьбой, он расставил их чуть поодаль друг от друга: «Фианосфер, ты заслужил свою судьбу! За твое алчное мошенничество — и, в не меньшей степени, за твои подлые, лживые манеры — я подвергаю тебя заклятию безысходной инкапсуляции!»

Фианосфер с жалобным воем упал на колени. Кугель игнорировал мольбы. Сверившись с записями в дневнике чародея, он запомнил заклинание, после чего, указывая пальцем на Фианосфера и назвав его по имени, произнес ужасную последовательность слогов.

Тем не менее, вместо того, чтобы провалиться под землю, торговец талисманами продолжал стоять, сгорбившись, на коленях. Кугель поспешно проконсультировался с записями и обнаружил, что по ошибке поменял местами пару первульсий, в связи с чем заклинание возымело обратное действие. Уже теперь, пока он только осознавал свой промах, со всех сторон раздавались звуки, подобные тем, какие издают лопающиеся детские воздушные шары — жертвы заклятия безысходной инкапсуляции, проси-

девшие тысячелетия на глубине семидесяти километров под землей, извергались на поверхность. Они лежали и моргали, ослепленные и ошеломленные, ничего не понимая; некоторые не шевелились — они уже потеряли способность на что-либо реагировать. Одежда большинства из них давно распалась в пыль, хотя на недавно инкапсулированных еще держались какие-то тряпки. Через некоторое время все, кроме самых оцепеневших, стали осторожно двигаться, хватая пальцами воздух, протягивая руки к небу, глядя на Солнце широко открытыми глазами.

Кугель хрипло рассмеялся: «Кажется, я обмолвился. Неважно! Дважды ошибка не повторится. Юкоуну, твое наказание будет соразмерно твоему преступлению — ни больше ни меньше! Ты заставил меня, против моей воли, отправиться в пустоши Дальнего Севера, в страну, где Солнце едва приподнимается над южным горизонтом. Я сделаю с тобой то же самое. Ты навязал мне мучителя Фиркса; я сделаю твоим компаньоном Фианосфера. Вам придется вместе брести по болотистой тундре, находить дорогу в чащах Долгого Эрма, карабкаться по горам Магнатца. Не просите меня о снисхождении и не пытайтесь оправдываться — в данном случае я непоколе-

бим. Стойте неподвижно, или я снова оболью вас синим концентратом!»

Теперь Кугель загрузил в память формулу вызова курьера дальней доставки, тщательно повторяя в уме последовательность составлявших ее звуков.

«Приготовьтесь! — провозгласил он, подняв руку. — И прощайте!»

Кугель нараспев произнес сложное заклинание, чуть задержавшись только перед одной первульсией, когда его охватила неуверенность. Но все было в порядке. В небе раздался глухой раскат грома, послышался резкий гортанный крик — демон-курьер завис над головами трех людей.

«Сюда, сюда! — звал его Кугель. — Доставь их, в целости и сохранности, туда же, куда ты отнес меня — на берег Северного моря! Спускайся! Схвати поименованных лиц и доставь их согласно моим указаниям!»

Воздух сотрясли огромные хлопающие крылья: уродливая голова черной твари приглядывалась к стоявшим внизу. Тварь вытянула ногу с кривым когтем на конце, подхватила Кугеля и понесла его по воздуху на Дальний Север. Кугеля снова подвела память, он перепутал первульсии.

Крылатый демон летел день и ночь, ворча и постанывая. Вскоре после рассвета он сбросил Кугеля на песок, взмыл высоко в небо и с громовым хлопком исчез.

Наступила тишина. Справа и слева тянулся унылый серый пляж. Чуть выше, на откосе, росли редкие пучки солончаковой травы и колючки-спинифекса. Рядом, в нескольких метрах, на песке валялись обломки клети, в которой когда-то — уже давно — курьер уронил Кугеля в том же самом месте. Опустив голову и обняв руками колени, Кугель сидел и смотрел в море.